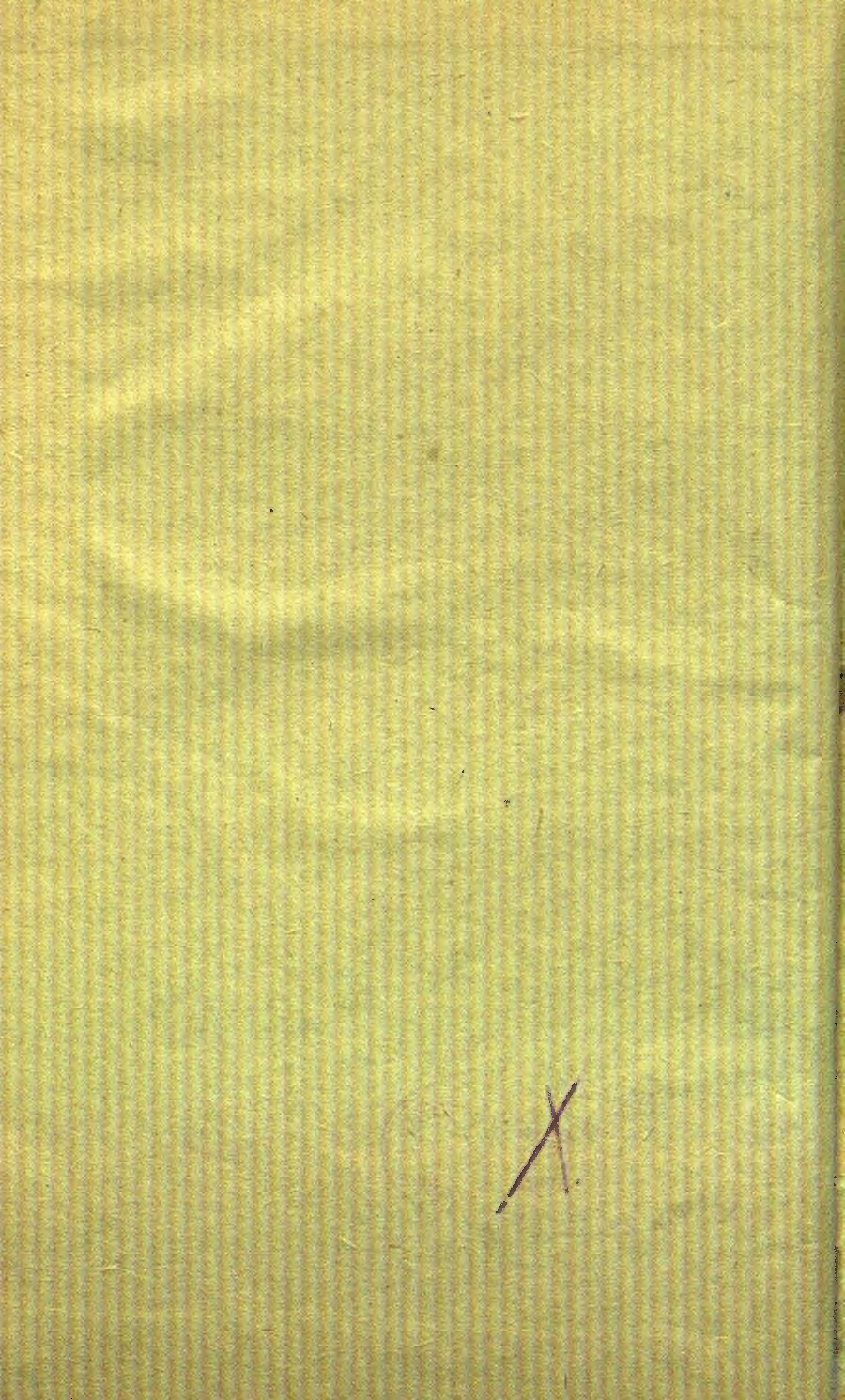
Дьячков-Тарасов А. Н.
В горах Большого и Малого Карачая

А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ.

Въ горахъ Большого и Малаго Карачая.

Путешествіе 26-ти учениковъ Екатеринодарской гимназіи.

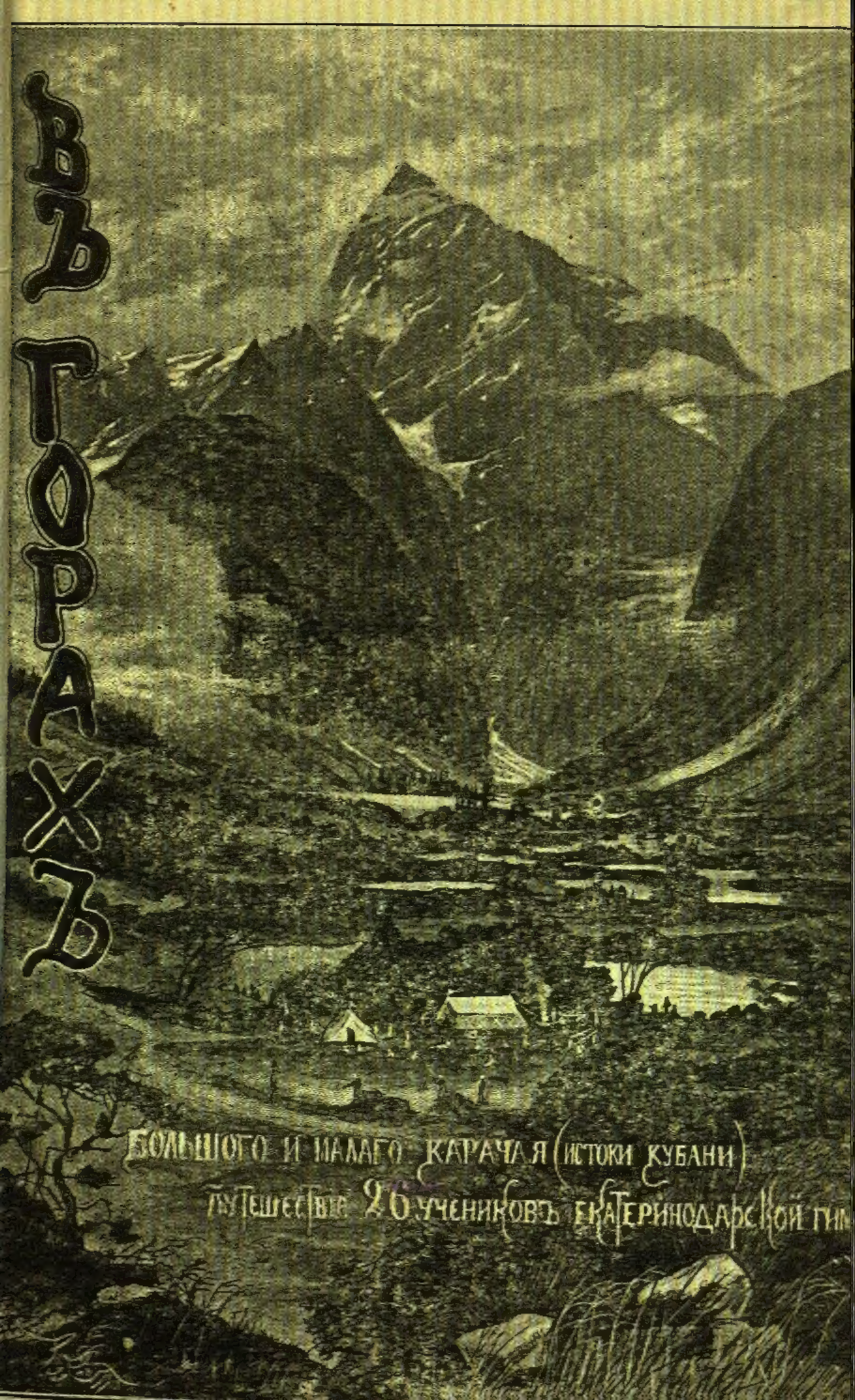
Съ рисунками автора.

оттискъ изъ XXVIII вып. „Сборника Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“.

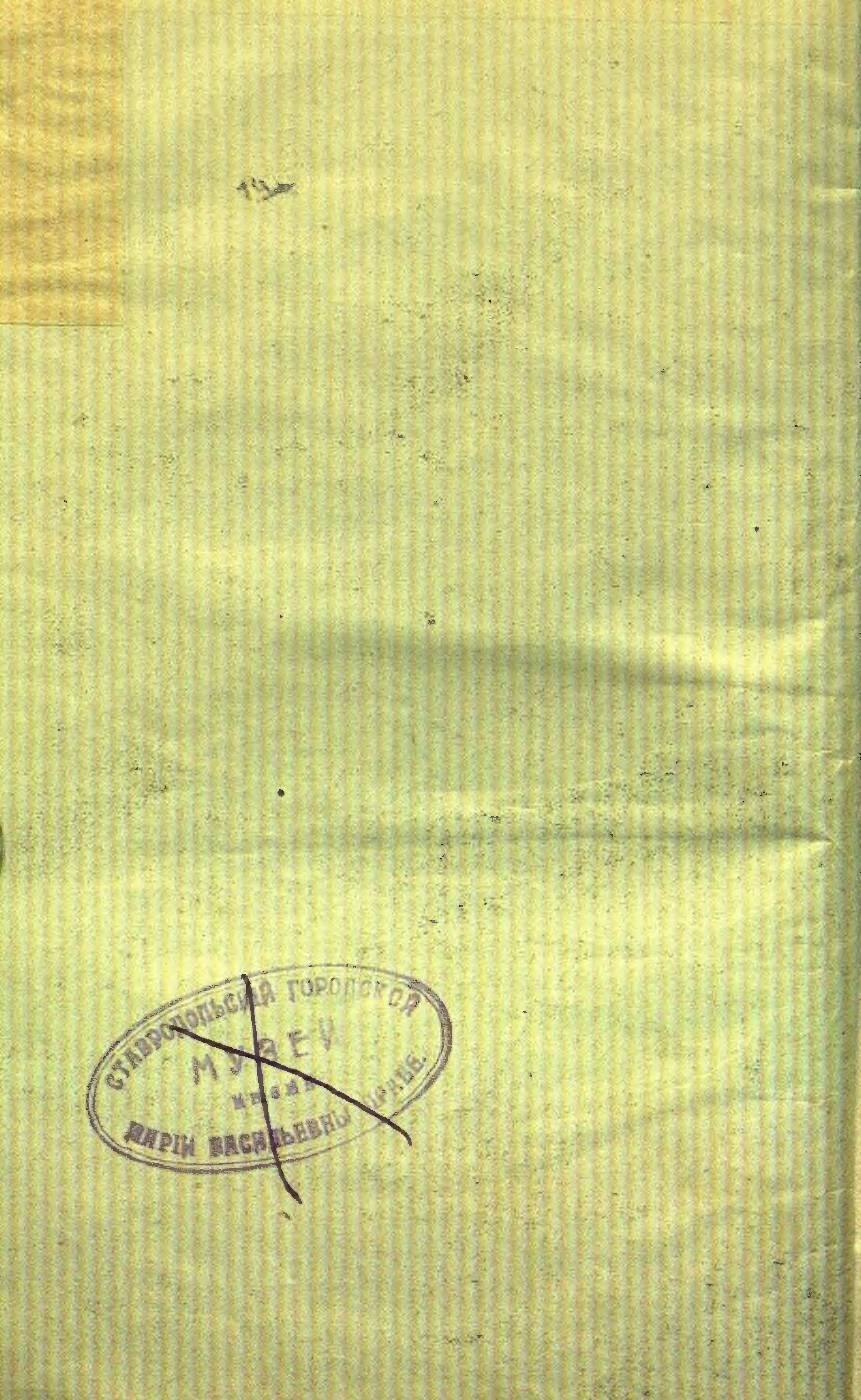
(90 к.)

ТИФЛИСЪ.
Типографія Н. П. Козловскаго, Головин. пр., № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію г. Попечителя Кавказскаго учебнаго округа.

ВЪ ГОРАХЪ
БОЛЬШОГО И МАЛАГО КАРАЧАЯ (ИСТОКИ КУБАНИ)
ПУТЕШЕСТВІЕ 26 УЧЕНИКОВЪ ЕКАТЕРИНОДАРСКОЙ ГИМ

Въ горахъ Большого и Малаго Карачая.

(Истоки р. Кубани).

Путешествіе 26-ти учениковъ Екатеринодарской гимназіи.

Съ рисунками автора.

Предисловіе.

Характеръ, отличительный признакъ индивида, есть относительно единственная и постоянная манера чувствовать, мыслить, желать. Основанія нашей нравственной индивидуальности скрываются въ глубинѣ нашего организма, и нашъ характеръ является выраженіемъ той суммы чувствованій и побужденій, которыя уже ранѣе свойственны всей совокупности нашихъ клѣтокъ [1]). Воздѣйствіе физическихъ причинъ—климата, мѣстности, почвы, продуктовъ потребленія—сказывается на характерѣ и темпераментѣ какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и индивидовъ. И въ дѣлѣ воспитанія чувствованій главенствующая роль принадлежитъ могущественному вліянію природы, ландшафта. Англичане первые изъ европейскихъ народовъ обратились за помощью къ природѣ въ дѣлѣ воспитанія сильнаго и жизнерадостнаго юношества, справедливо считая, что «школа должна, въ одно и то же время, расширять и кругозоръ дѣтей, и ихъ грудную клѣтку» [2]); что «человѣкъ не есть отрѣшенный разумъ, но разумъ, связанный съ тѣ-

---

[1]) А. Фулье. Характеръ и темпераментъ. М. 1896., стр. 5—6.
[2]) Новая школа. Изд. К. П. Побѣдоносцева. М. 1898. Стр. 112.

ломъ, — поэтому нужно также развивать энергію, волю, физическую силу, умѣлость рукъ, ловкость...» [1]) И образцовая новая англійская школа, основанная д-ромъ Редди въ 1889 г., въ Аббатсгольмѣ (Дербишайръ), расположена среди сельскаго простора, среди обширнаго имѣнія, что составляетъ одно изъ существенныхъ условій новой системы воспитанія. Программа школы намѣренно отмѣчаетъ, что по близости нѣтъ большого города. [2]).

Невольно приходятъ на память слѣдующія слова К. Д. Ушинскаго «А воля, просторъ, а природа, прекрасныя окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающіяся поля, а розовая весна и золотистая осень—развѣ не были нашими воспитателями? Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ, но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога; что день, проведенный ребенкомъ посреди рощъ и полей, когда его головою овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющихся изъ природы, — что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ».

Мы знаемъ, какое властное вліяніе оказывала природа, особенно Кавказа, на вдохновеніе Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Полонскаго, заставляла Тургенева заглядывать въ ея душу болѣе глубокимъ и проницательнымъ взоромъ, чѣмъ даже въ душу людей. Съ чувствомъ нѣкотораго удивленія читаешь, какъ житель современнаго Вавилона, изобразитель душевныхъ язвъ и пороковъ современныхъ парижанъ, Э. Зола, утомленный городскою суетой, восклицаетъ: «О мои чудные

[1]) Ibidem. Стр. 30.
[2]) Ibidem. Стр. 34.

загородные воскресные дни, когда мнѣ было двадцать лѣтъ! они остались для меня самыми дорогими воспоминаніями. Позднѣе—я знавалъ другія радости, но ничто не замѣнитъ мнѣ молодости и чувства свободныхъ дней, проведенныхъ на просторѣ, въ лѣсу». И не мало найдется людей зрѣлаго возраста, которымъ память донесла изъ золотого дѣтства нѣсколько роскошныхъ картинъ многообразной матери-природы. Иногда изъ хаоса мыслей всплываетъ и проясняется тотъ чудный ландшафтъ, которымъ человѣкъ безсознательно любовался въ дѣтствѣ, съ которымъ у него соединяются воспоминанія о чемъ-то счастливомъ, радостномъ, благоуханномъ.

Что живое чувство природы можетъ быть еще въ отроческомъ возрастѣ глубоко развито, что пониманіе ея формъ красоты, умѣнье отдѣлить прекрасное, типичное отъ случайнаго вполнѣ доступно вдумчивому отроку,—доказываетъ слѣдующій отрывокъ изъ дневника пятнадцатилѣтняго ученика гимназіи: «Вечеръ. Зелено-голубыя волны моря бѣгутъ къ берегу и разсыпаются жемчугомъ, оставляя на пологомъ, густо усыпанномъ пестрыми, гладко обточенными камешками берегѣ полоску бѣлой пѣны. Вонъ темный корпусъ парохода; яркими точками блестятъ на мѣдныхъ фонаряхъ, на окнахъ каютъ косые лучи заходящаго тамъ, вдали, за бѣлой колонной маяка, солнца; золотистыя лодочки снуютъ отъ парохода къ набережной уже порозовѣвшаго городка. На небѣ все ясно, розово. Вонъ на берегу, за кустами барбариса, бѣлѣетъ дача. Родная семья собралась на балконѣ. Въ воздухѣ душно. Хочется побѣжать въ тѣнистый садъ, гдѣ висятъ кисти винограда, рдѣютъ яблоки, сквозь зелень просвѣчиваетъ золотая айва, но нужно пока сидѣть за столомъ да еще въ сосѣдствѣ съ блестящимъ, пышущимъ жаромъ самоваромъ. Вотъ чай оконченъ. Всѣ пустились въ садъ... Надъ пароходомъ взвилось розовое облачко пара, гудокъ звонко прокатился по бухтѣ.... Дѣти уже мчатся изъ сада на кремнистый берегъ смотрѣть, какъ

отойдетъ пароходъ, а онъ медленно повернулъ и плавно скользитъ по розовой глади уже заснувшаго моря. Горстями летятъ голыши, шурша падаютъ въ прозрачную воду; дѣтскій смѣхъ далеко несется по водѣ, до самаго парохода: оттуда кто-то машетъ платкомъ... Смѣхъ разгорается пуще, разгорается и огнистое море заката. Отчетливо слышится мѣрное бульканье мощнаго пароходнаго винта, и дѣтскіе глазки съ наслажденіемъ слѣдятъ за удаляющимся морскимъ гигантомъ».

Безконечно жаль тѣхъ дѣтей, что обречены проводить дни въ городѣ, лишенномъ растительности, какъ напр., въ Баку: по словамъ директора тамошней гимназіи, среди учениковъ найдется не мало такихъ, что никогда не видали—страшно сказать—лѣса, нашни. Эти дѣти будуть лишены массы благотворныхъ впечатлѣній, щедро раздаваемыхъ природою. И одною изъ важнѣйшихъ задачъ современной школы будетъ возстановленіе связи между ребенкомъ и природою: лѣтнія колоніи, земледѣльческія фермы при учебныхъ заведеніяхъ, ученическія санаторіи, путешествія, пѣшеходныя экскурсіи въ ближайшемъ будущемъ займутъ, вѣроятно, видное мѣсто среди средствъ, направленныхъ къ развитію въ Россіи здороваго и бодраго молодого поколѣнія. Пока же въ распоряженіи воспитателей этого поколѣнія находится могущественная педагогическая мѣра — лѣтнія *пѣшеходныя* экскурсіи. Въ Россіи практиковались доселѣ кратковременныя прогулки пѣшкомъ; изрѣдка предпринимались болѣе отдаленныя путешествія въ вагонѣ желѣзной дороги. Но такія эфемерныя знакомства съ природою, пассивное разсматриваніе ея картинъ изъ оконъ быстро катящагося вагона всегда казались намъ полумѣрою. Юная душа должна сливаться съ природою; юноша долженъ итти пѣшкомъ, преодолѣвать трудности пути, часто останавливаться, жить подъ открытымъ небомъ, ночуя то въ лѣсу, то въ полѣ, то на вершинѣ хребта, то на берегу рѣки или моря, долженъ всматриваться шагъ за шагомъ въ неясныя

сначала картины, вслушиваться въ смутные пока шумы, звуки,—словомъ, юноша долженъ чувствовать, а затѣмъ и понимать жизнь природы — и тогда, быть-можетъ, будетъ «ему звѣздная книга ясна», и станетъ «говорить съ нимъ морская волна».

Въ такихъ путешествіяхъ развивается и воля, гармонія между словомъ и дѣломъ, въ такихъ путешествіяхъ немедленно послѣ труда слѣдуетъ и наслажденіе имъ: вы два часа подъ палящими лучами солнца взбираетесь па гору, вамъ хочется сѣсть въ этой тѣни, отдохнуть, заснуть, но вы побѣждаете трудности дороги, овладѣваете горой — вы на вершинѣ! Далекая перспектива океапа горъ, лучистыя дали, золотыя облака, голубыя ущелья — чудесный видъ для глазъ, свѣжій вѣтерокъ—для груди, горделивое побѣдное чувство наполняетъ вашу душу: вы не жалѣете объ испытанныхъ трудностяхъ подъема... И тысячи мелкихъ препятствій долженъ преодолѣть молодой путешественникъ. Дома, быть-можетъ, капризный баловень,—здѣсь онъ самъ упаковываетъ утромъ свою постель, моетъ кружку для чая, чашку для супа, мажетъ касторовымъ масломъ ботинки, моетъ и полощетъ въ рѣкѣ собственное бѣлье, чинитъ одежду, разбиваетъ, окапываетъ и складываетъ палатку, разводитъ костеръ, подталкиваетъ телѣгу, стоитъ на часахъ по ночамъ. Такое путешествіе, подъ руководствомъ людей интеллигентныхъ, будитъ пытливость молодого ума, развертываетъ передъ нимъ картину быта обитателей проходимыхъ мѣстностей, позволяетъ собирать поэтическія сказанія ихъ, составлять естественно-историческія коллекціи, производить метеорологическія наблюденія; при этомъ путешественникъ обязанъ вести дневникъ: это осмысливаетъ, во-первыхъ, въ его глазахъ все путешествіе, такъ какъ онъ, необходимо, долженъ въ концѣ каждаго дня пробѣгать мысленно его происшествія; мало того, мысль его пріучается быстро отдѣлять общее отъ частнаго, группировать впечатлѣнія, на-

блюдать; во-вторыхъ, это хорошее ежедневное упражненіе въ сочиненіи.

Въ такомъ путешествіи физическая жизнь юноши идетъ ускореннымъ темпомъ: въ тѣлѣ вызывается усиленный обмѣнъ веществъ, оно закаляется противъ холода, [1]) легкія и сердце дѣлаются болѣе сильными, мускулатура укрѣпляется,—слѣдствіемъ всего этого является бодрое, жизнерадостное настроеніе духа, предпріимчивость, легкость исполненія, свѣтлый взглядъ блестящихъ глазъ, быстрый разговоръ, энергичныя движенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что присутствіе нѣкоторыхъ препятствій въ пути—перевалы, необходимость помогать обозу, нѣкоторыя лишенія въ комфортѣ, особенно низкая степень культурности проходимой мѣстности—весьма желательно для осуществленія въ полной мѣрѣ цѣли подобныхъ путешествій.

Лѣтомъ 1897 года я предпринялъ, съ разрѣшенія директора Екатеринодарской гимназіи, А. А. Топоркова, и одобренія попечителя Кавказскаго учебнаго округа, К. П. Яновскаго, первое путешествіе подобнаго характера съ 15 учениками названной гимназіи. Насъ сопровождалъ служитель гим-

[1]) Если принять въ расчетъ, пишетъ проф. Тархановъ, что простужаемость организма является источникомъ частыхъ и разнообразныхъ заболѣваній человѣка, то закаливаніе къ холоду, вѣрнѣе всего гарантирующее отъ простуды, должно быть самымъ желательнымъ явленіемъ для каждаго; кромѣ того, мы знаемъ, что холодъ, усиливая сердечную и дыхательную дѣятельность, является своего рода полезной гимнастикой для нихъ; что, повышая газовый обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, онъ способствуетъ усиленію теплообразованія и повышенію всѣхъ жизненныхъ функцій, и, согласно съ этимъ, наружный холодъ повышаетъ мышечный тонусъ, облегчаетъ мышечныя движенія, повышаетъ нервныя функціи, освѣжетъ умственную работу, вслѣдствіе чего учащіеся занимаются обыкновенно послѣ холодныхъ купаній и холодныхъ воздушныхъ ваннъ съ большимъ вниманіемъ и прилежаніемъ. Это все факты, наблюденные съ большою тщательностью и прямо доказывающіе огромное значеніе закаливанія человѣческаго организма къ холоду какъ для физическаго его здоровья, такъ и для физической и умственной его дѣятельности. („О закаливаніи человѣческаго организма"—Журналъ журналовъ, 1898, № 12, стр. 478).

назіи и нанятый извозчикъ съ телѣгою, на которой везли палатку, котлы, съѣстные припасы и проч. Изъ Екатеринодара путь нашъ лежалъ на мѣстечко Горячій Ключъ (50 верстъ), отсюда, черезъ рядъ небольшихъ хребтовъ, на майкопо-туапсинское шоссе (58 верстъ) и далѣе, черезъ станицу Хадыжинскую, Гойтхскій перевалъ, на мѣстечко Туапсе (76 верстъ); здѣсь сѣли на пароходъ, который доставилъ насъ въ Сухумъ; тутъ мы осмотрѣли всѣ окрестности (29 верстъ) и прошли на Новый Аѳонъ (25 верстъ); отсюда на пароходѣ вернулись въ Новороссійскъ и далѣе по желѣзной дорогѣ въ Екатеринодаръ. Такимъ образомъ, пѣшкомъ было пройдено 240 верстъ, а на пароходѣ и по желѣзной дорогѣ проѣхали 670 верстъ. Въ теченіе всего пути было собрано бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ 218 экз., растеній—89 видовъ, отмѣчена температура воздуха и воды въ 28-ми мѣстахъ, сфотографировано видовъ и группъ 34. Экскурсанты въ теченіе всего путешествія, продолжавшагося 20 дней, пользовались превосходнымъ здоровьемъ, были въ самомъ жизнерадостномъ настроеніи духа, что весьма ярко отразилось на содержаніи ихъ дневниковъ. [1])

Настоящая книга является слѣдствіемъ второго путешествія, предпринятаго мною въ сообществѣ двухъ преподавателей Екатеринодарской гимназіи, С. И Борчевскаго и В. М. Сысоева, 26 учениковъ той же гимназіи и двухъ студентовъ, лѣтомъ 1898 года къ верховьямъ Кубани.

По цѣлямъ своимъ это путешествіе весьма мало отличалось отъ предыдущаго; зато оно было значительно труднѣе и интереснѣе.

А. Дьячковъ-Тарасовъ.

4-го декабря 1898 года.
Екатеринодаръ.

---

[1]) Подробное описаніе этой экскурсіи см. въ брошюрѣ—прибавленіи къ № 2 циркуляра по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ за 1898 годъ.

I.

Отъ Екатеринодара до Баталпашинска.

Сборы. Отъѣздъ. Затменіе. Тихорѣцкая. Невинномысская. Первый привалъ. Ночлегъ на берегу Кубани. Ночное приключеніе. Прибытіе въ Бѣломечетскую. Баталпашинскъ. Концертъ въ темнотѣ.

Необычайное оживленіе наблюдалось съ 2 часа дня 21 іюня 1898 года въ коридорахъ Екатеринодарской гимназіи. Около тридцати юношей съ веселыми, раскраснѣвшимися лицами тащили по лѣстницамъ свои дорожныя вещи. Молодые голоса звонко неслись по опустѣвшимъ заламъ. Въ одной изъ нихъ на длинномъ столѣ былъ приготовленъ для путешественниковъ чай. Вновь приходившіе устремлялись въ большой классъ, гдѣ былъ сложенъ весь багажъ; въ одномъ углу высилась пирамида изъ чайныхъ ящиковъ съ провизіей, въ другомъ были сложены брезенты, фонари, свѣчи, боченки для воды и вина, переносная складная желѣзная печь, гамаки, флаги для двухъ палатокъ, складныя стулья, корзины, котлы, кастрюли и блестящія металлическія чашки, кухонныя мелкія принадлежности, желѣзные таганы, аптечная корзина. Приносимыя учениками вещи подвергались осмотру: въ саквояжѣ или въ нарочно сшитомъ по данному образцу дорожномъ мѣшкѣ съ отдѣленіями должно было быть мыло для стирки бѣлья, для рукъ и лица, иголки, нитки, пуговицы, запасная пара ботинокъ, бѣлье, чистая пара одежды, зимняя блуза, фуфайка, записная книжка для веденія дневника, же-

лѣзный наконечникъ для Alpen-stock, финскій ножъ или кинжалъ.

Выступленіе было назначено въ 5 часовъ. Вещи были уложены на трое дрогъ. Въ назначенный часъ барабанъ ударилъ сборъ. Дроги съѣхали со двора. Кусковъ (VII кл.) построилъ путешественниковъ въ ряды, Топорковъ (VI кл.) забарабанилъ, и всѣ бодро зашагали по мостовой, направляясь къ желѣзнодорожной станціи, гдѣ насъ ожидалъ отдѣльный вагонъ. Мигомъ онъ былъ занятъ. Минутъ черезъ десять внезапно полилъ сильный дождь. Многочисленная публика родныхъ и знакомыхъ поспѣшила искать убѣжища на вокзалѣ, въ нашемъ вагонѣ. Туча прошла. Воздухъ очистился. Все засверкало. Веселѣе звенѣли голоса юношей. Родители давали послѣднія наставленія; гимназистки лукаво шутили. Отъѣзжающіе держали себя съ достоинствомъ заправскихъ путешественниковъ. Вагонъ шумѣлъ, какъ улей. Смѣхъ, остроты, шутки перекрещивались въ воздухѣ. Второй звонокъ!... Поцѣлуи, пожеланія, рукопожатія, родительскія наставленія!... Дверцы на платформѣ вагона захлопнуты... Третій звонокъ, свистокъ паровоза,—и вагонъ, дрогнувъ, мягко покатился по рельсамъ: толпа провожавшихъ уплывала назадъ; руки, махавшія платками, быстро мелькали одна за другой... Поѣздъ прибавилъ ходу. Колеса мѣрно постукивали. Потянулись мимо ряды товарныхъ вагоновъ, съ шипѣніемъ промелькнулъ гигантскій паровозъ,—и поѣздъ мчался уже по широкой степи. Близилась ночь. Западъ горѣлъ краснымъ пламенемъ. Изрѣдка проносилась мимо будка сторожа, и самъ онъ съ бѣлымъ огнемъ въ рукахъ на мгновеніе мелькалъ въ окнѣ вагона. Круглая мѣднокрасная луна стала подыматься надъ фіолетовымъ горизонтомъ. На сѣверѣ темнѣла уходившая туча.

— Доктора, доктора скорѣе! кто-то крикнулъ въ вагонѣ. Всѣ обернулись.

— Смотрите, что съ луною дѣлается: умираетъ! доктора!

На луну надвигалось что-то темное. Любопытный феноменъ надолго занялъ вниманіе всѣхъ. С. И. Борчевскій [1]) подробно объяснилъ столпившимся у окна ученикамъ явленіе затменія.

Во всѣхъ отдѣленіяхъ нашего вагона начались тихіе разговоры. Наши „контрабандисты“ (такъ прозвали группу изъ 5 мальчиковъ, только что перешедшихъ въ 5 классъ и попавшихъ въ число участниковъ экскурсіи, благодаря неотступнымъ просьбамъ ихъ самихъ и ихъ родителей) устроились въ уголку и, мирно бесѣдуя, принялись за ужинъ.

Въ полночь вагонъ затихъ. На Тихорѣцкой его отцѣпили: насъ долженъ былъ захватить съ собою ростовскій поѣздъ. Я вышелъ на платформу. Очистившаяся отъ пятна луна высоко парила въ небесахъ, плыли рядами далекія перистыя облака, въ темной синевѣ прогалинъ мерцали звѣзды. Ночь была тихая, влажная. По платформѣ бродили одинокія фигуры. Вскорѣ подошелъ переполненный пассажирами поѣздъ на Минеральныя Воды. Нашъ вагонъ прицѣпили къ его хвосту, и мы покатили теперь на юго-востокъ.

Въ 4 часа путешественники стали просыпаться. Я выглянулъ въ окно. „Сѣрое небо блѣднѣло, розовѣло, краснѣло“, вспомнилась фраза изъ „Бѣжина Луга“. По дорогѣ, бѣжавшей за линіей телеграфныхъ столбовъ, мѣстами бѣлѣли лужи.

— И здѣсь былъ дождь, пробормоталъ кто-то съ неудовольствіемъ.

— Если въ Невинномысской то же,—какъ же мы пойдемъ? грустно добавилъ другой.

Вдали показался городъ: то было богатое полурусское, полуармянское селеніе Армавиръ, грязное, имѣющее одну мощеную улицу, однако со всѣми атрибутами города; богатство свое этотъ городокъ-селеніе пріобрѣлъ торговлей хлѣбомъ и земледѣльческими орудіями.

---

[1]) Преподаватель физики и математики.

Здѣсь отъ насъ временно отдѣлился В. М. Сысоевъ, [1]) желавшій проѣхать въ станицу Псебайскую, гдѣ, по его указаніямъ, производилась раскопка древняго кургана.

Вагонъ зашумѣлъ, словно улей. Вещи упаковывались въ свертки. Черезъ часъ мы должны были прибыть на ст. Невинномысскую, откуда намъ предстояло уже пѣшкомъ направиться въ горы. Быстро работали 52 руки, и у насъ задолго до прибытія на станцію все было готово: по всѣмъ скамьямъ лежали аккуратно свернутые и связанные тючки.

Въ семь часовъ прибыли на желанную станцію. Здѣсь насъ встрѣтили улыбающіяся физіономіи Ѳедота, служителя гимназіи, и Егора, извозчика, за недѣлю посланныхъ мною изъ Екатеринодара съ двуконной телѣгой, на которую были уложены столбы отъ двухъ нашихъ палатокъ и другія громоздкія вещи—котлы, таганы, колья.

Вагонъ въ двѣ минуты былъ очищенъ; на платформѣ воздвиглась гора мѣшковъ, чемоданчиковъ. Къ вещамъ было приставлено два часовыхъ.

Пока производилась укладка на телѣги (я нанялъ еще двухъ извозчиковъ) нашихъ палатокъ, ящиковъ съ провизіей и прочаго, мы занимались чаепитіемъ: въ двухъ большихъ чайникахъ была принесена съ вокзала горячая вода, съ базара, прилегавшаго непосредственно къ станціи, бабы принесли нѣсколько кувшиновъ молока. Укладкой завѣдывалъ служитель Корней, сопровождавшій насъ въ прошлогоднюю экскурсію. Все укладывалось въ извѣстной системѣ: съѣстные припасы въ ящикахъ помѣщались на одной телѣгѣ; на второй—2 палатки на 36 человѣкъ, котлы и другія кухонныя принадлежности, боченокъ съ виномъ, боченокъ съ водой, циновки, которыми выстилался полъ палатокъ; на третьей телѣгѣ — дорожныя вещи экскурсантовъ, четыре фотографиче-

---

[1]) Преподаватель греч. языка и предсѣдатель Общества любителей изученія Кубанской области.

скихъ аппарата, два складныхъ стула, непромокаемые плащи, бурки. Наконецъ, все уложено, покрыто брезентами, увязано.

— Готово! Строиться скорѣе! приказывалъ Кусковъ (VII кл.), назначенный командиромъ нашей роты. Всѣ быстро выполнили приказаніе: впереди стали трубачъ и барабанщикъ, сзади шесть человѣкъ съ ружьями, изъ которыхъ одно было берданкой со значкомъ, далѣе остальные юноши, студентъ новороссійскаго университета Сопотовъ, С. И. Борчевскій и я.

—Шагомъ маршъ! скомандовалъ Кусковъ. „Грянули“ барабанъ и корнетъ, и нашъ отрядъ весело двинулся въ далекій путь. Станичные мальчишки провожали насъ версты три. По дорогѣ на базарѣ купили хлѣба, овощей, двухъ барановъ. Вскорѣ вышли въ поле. Путь нашъ лежалъ на югъ. Вдали бѣлымъ облакомъ стоялъ Эльбрусъ. Широко разбѣгавшаяся цѣпь холмовъ на горизонтѣ сужалась; по долинѣ текла Кубань, покрытая зелеными островами. Недалеко отъ нея, въ полуверстѣ отъ четырехъ палатокъ мѣстной казачьей команды мы рѣшили остановиться на обѣдъ: было уже 11 часовъ; кромѣ того, многіе изъ путешественниковъ отъ волненія не спали ночью: имъ слѣдовало отдохнуть. По примѣру прошлаго года, нашъ походный день распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: маршъ отъ 7 до 11½ часовъ; до 4½ часовъ обѣдъ и отдыхъ, а затѣмъ до 7 часовъ опять маршъ. Средняя скорость марша была 4¾ версты въ часъ; при подъемахъ она понижалась до 3 верстъ, при спускахъ доходила до 6.

Быстро была разбита помѣстительная палатка на 30 человѣкъ. Разбивка ея требовала около 10 минутъ. Окопанная извнѣ канавкою, причемъ землю бросали во внутреннюю сторону, она превращалась въ покойное жилище, почти недоступное вліянію вѣтра и холода. Вечеромъ сверху спускался, въ качествѣ люстры, большой фонарь съ двумя свѣчами. Обѣдъ готовился въ трехъ котлахъ, ставившихся на желѣзные таганы. Главнымъ поваромъ былъ служитель Ѳедотъ, а

метрдотелемъ, завѣдующимъ раздачею хлѣба, сахару и порцій, Корнѣй. Въ дѣлѣ кулинарномъ намъ оказалъ большое подспорье говяжій сгущенный бульонъ и прессованная зелень: они сдабривали нашъ ежедневный бараній супъ или щи, съ крупой, макаронами, рисомъ и картофелемъ. Послѣ этого слѣдовало второе блюдо — баранина съ картофелемъ, или пловъ съ бараниной, или сладкій съ изюмомъ, или молочная каша. Десертомъ служило монпансье. Послѣ обѣда тотчасъ же пили чай, въ виду чего заблаговременно ставились на огонь три большихъ чайника; иногда, въ сырую погоду, въ чай вливалось изъ боченка, черезъ гуттаперчевую трубку, вино.

— Обѣдъ готовъ! доложилъ «метрдотель».

Ученики, заранѣе разбившіеся на группы по 4 человѣка въ каждой, приготовились обѣдать; дежурный отъ каждой группы ходилъ съ блестящей металлической чашкой за обѣдомъ, за «прибавкой», за хлѣбомъ. Въ палаткѣ и вокругъ нея можно было видѣть восемь живыхъ крестовъ, въ центрѣ которыхъ стояло по чашкѣ, куда опускалась ложка за ложкой. Въ тѣхъ же чашкахъ подавалось и второе блюдо. Чай всѣ пили изъ эмалированныхъ кружекъ, которыя каждый носилъ на поясѣ. Обѣдъ оконченъ. Часть путешественниковъ отправилась бродить по полю, но большинство отдыхало въ палаткѣ и на травѣ въ тѣни. Сильный вѣтеръ, съ шумомъ проносившійся надъ палаткой, смягчалъ дѣйствіе жары. Одни читали, другіе записывали кое-что въ дневникъ, третьи спали. У спавшаго Альтшулера сползли съ носа очки, раскрылся ротъ. Его сосѣдъ и пріятель Карамаленко былинкой тронулъ его языкъ: спавшій съ изумленіемъ раскрылъ глаза, плюнулъ, разсердился и, повернувшись на другой бокъ, опять заснулъ.

— Васъ казакъ спрашиваетъ, сообщилъ Корнѣй, подойдя къ палаткѣ.

— Зови сюда.

Плотный казакъ шагнулъ въ палатку, широко раскрылъ глаза и вытянулся.

— Чего тебѣ? спросилъ я.

— Г. начальникъ мѣстной команды приказали сказать, чтобы ваша команда не ходила въ растрепанныхъ чувствахъ.

Казачій офицеръ, завѣдывающій пересылкой арестантовъ, вѣроятно, принялъ насъ, благодаря барабану, ружьямъ, значку и палаткѣ, за солдатъ, а безпорядокъ въ костюмѣ—многіе ходили разстегнувшись, безъ поясовъ,—за нарушеніе своихъ прерогативъ, какъ мѣстнаго коменданта.

Давъ «должный» отвѣтъ, я отправилъ казака. Своеобразное посольство не повторялось. Черезъ два часа по сигналу, данному корнетомъ, всѣ принялись за сборы: палатка была снята и свернута, котлы, посуда, цыновки уложены на телѣги, и мы стали взбираться на высоты по прямой линіи, черезъ луга. Черезъ полчаса мы очутились на вершинѣ невысокаго хребта. Легкій вѣтерокъ пріятно освѣжалъ лицо. Туманная даль полей золотилась въ лучахъ низкаго солнца; въ долинѣ дымились селенія и большая Невинномысская станица; широкими зигзагами серебрилась Кубань, изрѣдка прерываемая рощами; съ частыми остановками взбирались на гору наши тяжелыя телѣги. Теперь нашъ путь лежалъ по вершинѣ хребта. Бодрые юноши шли весело. Кое-кто собиралъ цвѣты. Студентъ Сопотовъ толковалъ что-то о дилувіальной эпохѣ, но его не всѣ слушали.

— «Господа! стройтесь въ одну линію! бей въ барабанъ»! крикнулъ кто-то.

Путешественники перегородили дорогу длинною, живою и веселою изгородью. Звонко трещалъ барабанъ, пугая встрѣчавшихся лошадей. Барабанъ зачастилъ,—шаги тоже. Шеренга побѣжала, и крикъ «ура» огласилъ потемнѣвшую лощину. Маленькое войско «штурмомъ» взяло «укрѣпленную позицію,» вершину невысокаго перевала. Обозъ былъ далеко позади. Мил-

леръ протрубилъ ему «сборъ». Мы прошли одиннадцать верстъ; до мѣста ночлега оставалось три версты. Окрестность уже тонула въ сумракѣ; внизу заблестѣлъ огонекъ. Дождавшись обоза, мы спустились, перешли по мосту небольшую рѣчку, и очутились среди хутора. Ночь царила на небѣ и на землѣ. Гдѣ-то залаяла собака. Луна слабо освѣщала холмъ, на вершинѣ котораго мы опять поджидали наши телѣги. Многіе, лежа на спинѣ, молчали, мечтательно слѣдя узоры созвѣздій.

— Какое могущественное вліяніе оказываетъ на человѣка созерцаніе звѣздъ, задумчиво, какъ бы про себя началъ Покатиловъ: какимъ маленькимъ, ничтожнымъ кажешься себѣ, а все-таки чувствуешь, будто расширяется твой мозгъ, вотъ такъ и чувствуешь, какъ какія-то крылья подхватываютъ твою душу и силятся поднять въ высь... Тамъ Марсъ съ таинственными каналами, Сатурнъ съ загадочнымъ кольцомъ, о которыхъ намъ читалъ въ залѣ женской гимназіи лекцію профессоръ Глазенапъ... Любопытное созданіе человѣкъ.

— Скажи лучше: любознательное, поправилъ кто-то.

Покатиловъ не отвѣчалъ и задумался. Черезъ минуту онъ вполголоса продекламировалъ:...

...«Сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ».

— Данько! про кого это сказано? прервалъ онъ самого себя.

— Не знаю, равнодушно отвѣчалъ тотъ (V кл.).

— Про Демона, глупый, про Демона... А вѣдь ты, Данько, порядочнымъ неучемъ растешь: только бороться и любишь. Скажи-ка, ты читалъ «Демона» Лермонтова?

— Не читалъ, но прочту, недовольнымъ тономъ замѣтилъ Данько.

— Кто пойдетъ на рекогносцировку? прервалъ я непріятный разговоръ: нужно отыскать на берегу Кубани чистое,

нѣсколько покатое мѣсто, открытое на далекое пространство.

— Я пойду! я! я! раздалось со всѣхъ сторонъ.

На развѣдки былъ посланъ студентъ Сопотовъ съ ружьемъ и Воскобойниковъ (IV кл.). Они тотчасъ же исчезли въ темнотѣ.

— А. Н., а почему же «открытое мѣсто»? полюбопытствовалъ Рохлинъ.

— Да потому, что на открытомъ мѣстѣ мы будемъ въ большей безопасности: луна будетъ свѣтить всю ночь, и часовые могутъ во́-время замѣтить что-либо подозрительное.

Разговаривая объ обязанностяхъ часовыхъ, мы подошли къ высокому, обрывистому берегу Кубани. Бѣлесоватый свѣтъ луны, тускло глядѣвшей сквозь облака, не далъ возможности обойтись безъ фонарей. Палатки были быстро разбиты на удобномъ, покатомъ мѣстѣ,—обстоятельство, весьма важное на случай дождя,—окопаны, полъ былъ покрытъ цыновками. Наши три телѣги были поставлены амфитеатромъ, въ центрѣ котораго были сложены нужныя вещи, разведенъ костеръ, на желѣзномъ таганѣ кипятились три чайника. Съ сосѣдняго хутора намъ принесли ведро молока: многіе, вмѣсто чаю, выпили по кружкѣ молока.

Путешественники, мало спавшіе въ теченіе прошлой ночи, опьяненные свѣжимъ воздухомъ и прошедшіе четырнадцать верстъ, спѣшили на покой. Сильный вѣтеръ съ горъ заставлялъ палатки вздрагивать; но столбы были основательно укрѣплены, веревки туго натянуты. Я вошелъ въ нашъ временный полотняный домъ. Ученики лежали рядами. Здѣсь было тихо и душно: навѣтренная сторона была тщательно окопана, и всѣ щели закрыты землей. Изъ большого числа желающихъ караулить лагерь было отобрано шестеро; они должны были смѣняться каждые два часа, начиная съ $10^1/_2$. Паролемъ былъ «Эльбрусъ». Первая пара часовыхъ немедленно обошла всѣхъ безъ исключенія, сообщая его. Лагерь затихъ. Только вѣтеръ колебалъ полотно палатокъ, да шуршали въ тра-

вѣ шаги часовыхъ, одѣтыхъ въ черныя бурки и маршировавшихъ по обѣимъ сторонамъ лагеря, съ такимъ расчетомъ, чтобы одновременно подходить къ противоположнымъ концамъ. На островѣ въ заросляхъ кричалъ меланхоличный сычъ.

Часа въ два я открылъ глаза: передо мной стояла какая-то фигура въ буркѣ съ ружьемъ въ рукахъ. Это былъ Сопотовъ.

— А. Н.,—началъ онъ взволнованнымъ шопотомъ, одного изъ извозчиковъ нѣтъ,—онъ куда-то скрылся. Я съ Топорковымъ обыскалъ весь лагерь, всѣ окрестности — а его нѣтъ... Нѣтъ ли здѣсь шайки? Не пошелъ ли онъ сообщить ей о насъ?... Вѣдь это возможно же, А. Н.?

— Онъ, вѣрно, сторожитъ лошадей и заснулъ гдѣ-либо въ травѣ.

Я вышелъ изъ палатки. Вѣтеръ по прежнему былъ силенъ. Одинокая фигура часового торчала на бѣлесоватомъ фонѣ пронизанныхъ луннымъ свѣтомъ облаковъ. Шагахъ въ пятистахъ неясно чернѣли какія-то фигуры: то были пасшіяся лошади. Въ поискахъ за мнимопропавшимъ извозчикомъ, я дѣлалъ круги. Сопотовъ ходилъ по пятамъ. Вдругъ мы наткнулись на свернувшагося калачикомъ человѣка. Я его тронулъ рукою: онъ вскочилъ. «Брусъ! брусъ! пробормоталъ отыскавшійся извозчикъ, вообразивъ, что мы спрашиваемъ у него пароль—«Эльбрусъ». Мѣстные жители зовутъ величайшую гору европейскаго континента Шатъ-горою, карачаевцы же—Менгитау (тысячная гора): поэтому-то нашъ извозчикъ, мѣстный житель, и исковеркалъ «пароль».

— Спи! спи! успокоилъ я его и вернулся въ палатку, оставивъ переконфуженнаго Сопотова продолжать дежурство.

Утромъ проснулись поздно. Многіе выкупались въ одномъ изъ мелкихъ и многочисленныхъ въ этомъ мѣстѣ рукавовъ Кубани. Въ 8 часовъ выступили въ дальнѣйшій путь, въ станицу Бѣломечетскую (13 верстъ). Шли группами по 4

—5 человѣкъ. Было душно. Со стороны Главнаго хребта надвигалась туча; видны были тонкія полосы дождя, погромыхивалъ громъ; изрѣдка вѣяла струйка холодка. Въ 11½ часовъ мы остановились на обѣдъ. Пока онъ приготовлялся, мы спустились къ берегу Кубани, гдѣ въ одномъ изъ протоковъ глубиною въ аршинъ былъ устроенъ „маскарадъ": ученики, намазавъ тѣло черпымъ иломъ, изображали чертенятъ, съ крикомъ и смѣхомъ носились по зеленому берегу съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же съ шумомъ броситься въ воду и плыть, цѣпляясь руками за илистое дно и взметывая ногами высокіе фонтаны, блестѣвшіе на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Послѣ обѣда была устроена, подъ моимъ руководствомъ, стрѣльба въ мишень изъ берданокъ и магазинки. Пальма первенства досталась студенту Сопотову и Топоркову (VI кл.). Было выпущено около 20 пуль. Лучистая радость сіяла въ глазахъ побѣдителей, когда пуля попадала въ черный кругъ. Въ 5 часовъ корнетъ пропѣлъ сигналъ къ выступленію. Сталъ накрапывать мелкій дождь, и путешественники въ мгновеніе ока преобразились въ капуциновъ, надѣвъ гуттаперчевые плащи съ капюшонами, выписанные нами для нашей экскурсіи изъ Москвы. Нѣсколько разъ они оказывали намъ цѣнныя услуги во время ливней подъ Главнымъ хребтомъ: мы были неуязвимы для дождя.

Дорога быстро портилась, такъ что передъ вступленіемъ въ ст. Бѣломечетскую намъ уже приходилось часто останавливаться и стряхивать съ ботинокъ большіе комья грязи.

Вдали показались бѣленькія хатки, общественный хлѣбный магазинъ, кладбище, затѣмъ—бѣжавшіе навстрѣчу нашему барабану мальчишки и „дивчата" Въ станицу вошли стройно, рядами. Остановились на церковной площади. Дождь сѣялъ, какъ сквозь сито. Я послалъ Корнѣя „въ правленіе" за станичнымъ атаманомъ. Видимъ: бѣжитъ казакъ. Отдалъ „честь".

Поздоровался. Это былъ помощникъ атамана, отлучившагося „по дѣламъ службы".

— Писалъ вамъ про насъ что-нибудь атаманъ отдѣла?

— Такъ точно, писали: приготовить квартиры и подводы.

— Ни того ни другого отъ васъ не потребуется. Разскажи-ка, какъ пройти въ Мансуровскій аулъ.

— Лучше здѣсь оставайтесь, в. б., переночевать: тамъ очень неспособно будетъ: грязно живутъ абазинцы, да и дождь большой будетъ.

— Прекрасно; значитъ, ты предлагаешь намъ здѣсь гостепріимство. Спасибо—воспользуемся.

— Никакъ нѣтъ, поспѣшно сказалъ казакъ: онъ, видно, вообразилъ, что съ „гостепріимствомъ" будетъ тѣсно связано и „угощеніе". Мальчики засмѣялись; казакъ пуще сконфузился.

— Я пошутилъ, успокоилъ я его: мы остановимся въ школѣ, и у насъ все запасено. Веди насъ туда.

Школа была тутъ же, на площади. Едва мы размѣстились въ двухъ низкихъ классахъ старенькаго зданія, сдвинувъ въ стороны ветхія парты, какъ полилъ ливень. Корнѣй съ трудомъ приготовилъ намъ чай. Ночь прошла спокойно. Утро было свѣжее, облачное. Мы поспѣшили выбраться изъ грязныхъ улицъ станицы. Перешли по мосту черезъ узкую, бѣшено несшую свои желтыя воды Кубань, пересѣкли низину, залитую вчерашнимъ дождемъ, и поднялись на плато; на горизонтѣ подымался холмикъ. Вскорѣ онъ былъ усѣянъ бѣлыми точками: то были передовые изъ нашего отряда. Справа, среди тянувшихся по Кубани садовъ, бѣлѣли домики, подымалась мечеть Мансуровскаго аула. Мы рѣшили туда не заходить: хотѣлось сегодня же дойти до Баталпашинска, главнаго пункта отдѣла. [1]) Долина сужалась. Справа видны бы-

[1]) Кубанская область дѣлится на 7 частей, называемыхъ отдѣлами.

ли остатки старинной башни: здѣсь нѣкогда былъ турецкій окопъ съ башнею—Хаджи-кале; здѣсь жили, по преданію, турецкіе чиновники, наѣзжавшіе сюда изъ Сухумъ-кале; сюда направлялся въ 1790 г. турецкій „трехбунчужный" генералъ Баталъ-паша, бывшій командиромъ войскъ, расположенныхъ въ Анапѣ и Суджукъ-кале (нынѣ Новороссійскъ): онъ желалъ объединить западногорскія черкесскія или адигейскія племена, сблизить ихъ съ кабардинцами и другими восточно-горскими народцами, и, поднявъ, такимъ образомъ, весь Кавказъ, отбросить русскихъ на сѣверъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ кабардинцамъ письмо, гдѣ сообщалъ о своемъ намѣреніи весною 1789 г. явиться съ войсками на Кубань, занять и укрѣпить Хаджи-кале. Дѣйствительно, въ сентябрѣ 1790 г. онъ съ 28-тысячнымъ отрядомъ, съ пушками, въ сопровожденіи тысячъ конныхъ черкесовъ явился на берегахъ Лабы. Навстрѣчу ему поспѣшилъ изъ Георгіевской крѣпости генералъ Германъ съ трехтысячнымъ отрядомъ. Мы теперь шли по театру военныхъ дѣйствій: вонъ по ту сторону Кубани былъ Кубанскій редутъ, гдѣ Германъ въ волненіи поджидалъ подкрѣпленій и не зналъ, куда направятся турки и скопища горцевъ; вонъ вдали синѣютъ Тохтамышскія высоты, прикрываясь которыми онъ сдѣлалъ ночью молодецкій переходъ и дерзко преградилъ путь Баталъ-пашѣ...

Солнце сіяло надъ нашими головами въ синемъ небѣ и горячо лобзало наши лица (шеи были защищены «назатыльниками», что дѣлало насъ похожими на закаспійскую пѣхоту): осязательно чувствовалось, что̀ понимали древніе греки подъ «золотыми стрѣлами Аполлона». Къ 11 часамъ Тохтамышскія высоты значительно приблизились; въ дымкѣ, насквозь пронизанной солнечными лучами, мы стали различать бѣлыя точки—дома Баталпашинска. За двѣ версты отъ города мы неожиданно очутились въ абазинскомъ[1]) аулѣ Дару-

---

[1]) Абазинцы, раньше называвшіеся русскими „шестиродными" (ал-

кохтъ. Желая сократить путь, мы спустились къ берегу Кубани, въ аулъ; тутъ мы заблудились: пришлось безъ излишнихъ церемоній перелѣзать черезъ заборы, переходить по дворамъ, такъ какъ улицъ здѣсь не было. Абазинки съ удивленіемъ смотрѣли на насъ, стоя у пороговъ саклей; нѣкоторыя смотрѣли въ щелки на незваныхъ гостей. До Баталпашинска оставалось всего съ версту; но мы, перейдя большой мостъ черезъ бурную Кубань, съѣхали съ дороги и остановились на обѣдъ: насъ соблазнила веселая лужайка, осѣненная ивами, пышно росшими по берегамъ быстраго рукава Кубани. Пройдя 24 версты, мы съ наслажденіемъ раскинулись на мягкой травѣ; усталость и журчаніе воды быстро усыпило многихъ. Обѣдъ скоро поспѣлъ. Едва мы его окончили, какъ хлынулъ ливень: гимназисты тотчасъ превратились въ монаховъ, надѣвъ свои блестящіе плащи, соединились въ тѣсную группу и обернули спины къ косому дождю. Составился хоръ, руководимый С. И. Борчевскимъ.

Мы живемъ среди полей и лѣсовъ дремучихъ!
Мы счастливѣй, веселѣй всѣхъ вельможъ могучихъ!
Гей цыгане! гей цыганки!...
Живо! веселѣе!...
Намъ покровъ—небесный сводъ
И земля—постеля!...—

Звенѣли молодые голоса, подъ аккомпанементъ трескотни дождя о гуттаперчевую твердую ткань плащей.

Гой ты, Днѣпръ! ты, мой широкій!
Лейся быстрою волной!...

Надъ нашими головами неумолкаемо грохоталъ громъ, сверкала молнія, «лился волной» дождь. Посинѣвшая Кубань угрюмо шумѣла. Однако, юные путешественники чувствовали себя какъ нельзя лучше. Прижавшись другъ къ другу, они

ты-кесекъ-абаза), принадлежатъ къ обширному племени абхазцевъ, населяющихъ Сухумскій округъ (древніе абазги).

пѣли. Пѣсня обладаетъ удивительною объединяющею, бодрящею силою: каждый, сливая свой голосъ съ хоромъ, чувствуетъ себя нераздѣльною частью цѣлаго... Изъ-подъ плаща высокаго Миллера выглядывалъ маленькій Рохлинъ, словно цыпленокъ, спасшійся подъ крылышко матери: онъ не успѣлъ достать своего плаща во-время.

Дождь пересталъ, и мы двинулись въ путь. Перейдя нѣсколько потоковъ и ручьевъ, мы остановились подъ городомъ на мосту черезъ одинъ изъ рукавовъ Кубани, нѣсколько пообчистились, дождались обоза, стали рядами и съ барабаннымъ боемъ вступили въ Баталпашинскъ, представляющій изъ себя не что иное, какъ большую станицу, съ нѣкоторою претензіею казаться городкомъ, благодаря нѣсколькимъ лавкамъ, аптекѣ и большой каменной церкви. На площади мы замѣтили единственное двухъэтажное зданіе: это было шестиклассное городское училище. Сюда-то мы и направились. У входа насъ встрѣтилъ инспекторъ его, г. Потаповъ, заранѣе насъ пригласившій къ себѣ. Въ огромномъ классѣ въ изобиліи были настланы вороха душистаго сѣна. Радостно жужжа, путешественники стали размѣщаться на импровизированныхъ постеляхъ. Послѣ ужина часть отправилась осматривать городъ. Большинство же нѣжилось на сѣнѣ.

Въ станицѣ я рѣшилъ сдѣлать дневку, чтобы дать своимъ спутникамъ возможность оправиться отъ пятидесятиверстнаго пути; кромѣ того, у трехъ человѣкъ были ссадины на ногахъ. На обувь нами было обращено серіозное вниманіе. На основаніи прошлогодняго опыта, я рекомендовалъ ученикамъ имѣть двѣ пары ботинокъ изъ мягкой кожи. Послѣ перехода по грязи, когда вода пробиралась даже внутрь обуви, являлась необходимость въ запасной парѣ, въ то время какъ промокшая обувь высушивалась и густо смазывалась касторовымъ масломъ. Передъ походомъ ноги смазывались вазелиномъ съ небольшою примѣсью формалина, обертывались кускомъ бязи и

въ этомъ видѣ отправлялись въ обувь; защищенныя такимъ образомъ, онѣ были недоступны внѣшнимъ ударамъ и, благодаря формалину, не выдѣляли пота, что исключало возможность получить ссадины и водяные пузыри: поэтому ногами болѣли мало, и то въ началѣ путешествія. Въ дѣлѣ лѣченія небольшихъ ссадинъ намъ очень помогало oleum Roscii: кусокъ гигроскопической ваты, напитанный этимъ лѣкарствомъ, накладывался на обмытую растворомъ борной кислоты ранку; затѣмъ все забинтовывалось, и къ утру ранка была уже покрыта кожицей; новый кусокъ ваты съ лѣкарствомъ, тщательное бинтованіе,—и безболѣзненное путешествіе на весь день.

Въ десять часовъ только неугомонные путешественники улеглись спать на ворохахъ душистаго сѣна; однако, заснули, по словамъ Покатилова (V кл.), не скоро. У него въ дневникѣ записано слѣдующее. «Ученики не могли угомониться. Кто-то потушилъ лампу, но и это не подѣйствовало: успокоятся на секунду,—вдругъ кто-нибудь или запищитъ или захрапитъ «по особенному», и раздастся общій смѣхъ; опять начинается болтовня; слышались недовольные голоса: «перестаньте! спать не даете! вотъ услышитъ А. Н.!». Ничто не помогало. Наконецъ, нашелся одинъ благодѣтель и придумалъ усыпить насъ: «Росляковъ! сыграй что-нибудь: авось, заснутъ». Тотъ охотно уступилъ общей просьбѣ, вынулъ свою скрипку. Едва раздались въ темнотѣ первые аккорды,—все смолкло. Чистые, сильные звуки наполнили комнату; то они трепетали, то лились едва слышной волной, то вдругъ, могучіе и громкіе, содрогали наши сердца... О святое наслажденіе звуками! что можетъ быть выше тебя! Всѣ мы, затаивъ дыханіе, въ умиленіи слушали эти звуки, эту гармонію, ласкавшую нашъ слухъ, успокаивавшую и сглаживавшую все рѣзкое и грубое...

Уснули и мы, убаюканные баркароллой Чайковскаго, и яркія звѣзды глядѣли въ окна съ темныхъ небесъ... Подобное отношеніе моихъ товарищей къ такому искусству, какъ

музыка, было весьма пріятнымъ явленіемъ: оно показывало, что они юноши довольно развитые, и грубое сейчасъ же у нихъ исчезало, какъ нѣчто непривычное, разъ только появлялось что-либо изящное... Усну и я: еще проснется мой пріятель Альтшулеръ, съ своей менторской миной, и на меня посыплются упреки въ «многоглаголаніи»...
Спокойной ночи, добрые товарищи!»

День 25-го іюня былъ посвященъ отдыху. Осматривали шелковичныхъ червей въ червоводнѣ при училищѣ; объясненія давалъ одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ.

Благодаря любезности атамана отдѣла, г. Браткова, мы ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Вечеромъ мы посѣтили убогій заѣзжій циркъ. Вернувшись домой, мы были пріятно удивлены, встрѣтивъ на порогѣ Игнатьева (VIII кл.): онъ не могъ своевременно присоединиться къ товарищамъ, такъ какъ лѣчилъ въ Майкопѣ ушибленную при паденіи ногу; теперь онъ выздоровѣлъ и на перекладной догналъ насъ. Всѣмъ было пріятно, что «нашего полку прибыло».

II.

Отъ Баталпашинска до Хумары.

Битва съ Баталъ-пашою. Переходъ по „Долинѣ грязи“. Ночлегъ близъ минеральнаго источника. Посѣщеніе Николаевскаго укрѣпленія. Угольныя копи. Прибытіе въ Осетинскій поселокъ. Іоаннинскій храмъ XI вѣка. Балъ.

Въ 6 часовъ утра улей зашумѣлъ, а въ $7^1/_2$ путешественники, распростившись съ любезными хозяевами, двинулись дальше въ горы. Бойко трещалъ барабанъ, бодро шли свѣжіе, отчасти приспособившіеся къ путешествію юноши; позади гремѣли три высоконагруженныя телѣги. Мнѣ пришлось остаться по дѣламъ, и я только въ 12 часовъ могъ выѣхать на почтовыхъ, захвативъ куль съ мукой.

Хумаринскій храмъ XI вѣка.

Въ семи верстахъ отъ станицы находилось поле знаменитаго сраженія ген. И. И. Германа съ Баталъ-пашею, 30-го сентября 1790 года. Русскіе въ числѣ 4 тысячъ человѣкъ, имѣя всего 18 пушекъ, преградили путь турецкой тридцатитысячной арміи съ 31 пушкой. Турки, въ сопровожденіи сонмищъ конныхъ горцевъ, двигались изъ-за рѣки Зеленчука, направляясь къ Георгіевской крѣпости. Ген. Германъ смѣло преградилъ имъ путь: озадаченные турки тотчасъ же окопались въ своемъ лагерѣ на берегу Кубани (слѣды окоповъ и теперь ясно видны), и тогда вышли въ поле. Русскіе храбро ударили на оба крыла непріятельскаго войска: турки не выдержали и, преслѣдуемые конницей, бросились въ лагерь; при этомъ многіе были взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ одинъ паша. Горскіе народцы, увидѣвъ, что перевѣсъ клонится на сторону русскихъ, отъѣхали нѣсколько назадъ и, остановившись на окружающихъ поле битвы высотахъ, смотрѣли, чья возьметъ; увидѣвъ же, что турки разбиты, черкесы исчезли въ горахъ. День клонился къ вечеру, когда Германъ со своими войсками двигался мимо непріятельскаго лагеря, дѣлая видъ, что хочетъ обойти его; затѣмъ, круто повернулъ и ударилъ на правый, слабо укрѣпленный флангъ лагеря. Началась штыковая работа: самъ Баталъ-паша со свитою, много пороху, свинцу, инструментовъ, разныхъ припасовъ, 31 пушка достались побѣдителямъ. «Такъ кончился день», пишетъ въ своемъ «журналѣ» самъ Германъ, «который останется навсегда памятнымъ жителямъ Кавказа, съ коимъ исчезли навсегда дальновидные непріятельскіе планы, такъ что и слѣдовъ не осталось послѣ оныхъ». Дѣйствительно, цѣною жизни 142 русскихъ солдатъ было куплено спокойствіе Сѣвернаго Кавказа, и навсегда отнята у турокъ охота посылать сюда свои экспедиціи. Грустно поникъ бы головою смѣлый русскій генералъ, если бы узналъ, что главный населенный пунктъ обширнаго отдѣла названъ именемъ трусливаго и бездарнаго ту-

рецкаго паши, а имя Германа неизвѣстно большинству жителей даже Баталпашинска. Миновавъ Джегутинскій поселокъ, перемѣнивъ лошадей въ Джегутинской станицѣ, я покатилъ по значительно сузившемуся кубанскому ущелью: справа, за рѣкою, возвышался мощный лѣсистый хребетъ, слѣва—высокіе холмы. Скоро дорога побѣжала карнизомъ надъ глубоко внизу шумѣвшей Кубанью. Моросившій дождь пересталъ. Вдругъ изъ-за одного изъ многочисленныхъ поворотовъ я увидѣлъ лагерь путешественниковъ. Съ высоты 80 саженей покатилось внизъ «ура»: то меня привѣтствовали наши «альпинисты», поднявшіеся на вершину хребта. Немедленно же былъ данъ сигналъ къ походу: солнце готовилось скрыться за хребетъ, между тѣмъ какъ намъ предстояло пройти одну подозрительную долину; дождь испортилъ дорогу, ночевать же необходимо было на сухомъ мѣстѣ.

Дорога дѣлалась, однако, съ каждымъ шагомъ живописнѣе: мы вступили въ царство горъ. Внизу Кубань съ шумомъ несла воды прямо къ подножію сѣраго утеса, часть котораго, въ видѣ обелиска, лежала въ водѣ; изумруднаго цвѣта островки казались длинными ладьями, у носа которыхъ клубилась пѣна. Разорванныя оранжевыя и голубыя облака на минуту закрывали солнце. Долину окружали высокія причудливыхъ очертаній горы; по нимъ ползали другія облака, длинныя, молочно-голубыя, и подымались къ вершинамъ; тутъ ихъ поджидали лучи скрывающагося солнца, и они горѣли розовымъ и краснымъ огнемъ. Длинныя тѣни побѣжали по зеленой долинѣ, куда мы спустились. Здѣсь прошелъ грандіозный ливень. По дорогѣ, на вершокъ покрытой водою, было итти затруднительно: юноши шли по высокой травѣ, сочно ступая. Ноги промокли; вода переливалась въ ботинкахъ; итти было жарко, всѣ устали; но останавливаться на ночлегъ здѣсь было невозможно: мы должны были добраться, какъ рѣшили, до источника минеральной воды. Нашъ барабанщикъ,

Топорковъ (VI кл.), замѣтивъ нѣкоторую молчаливость въ столь веселыхъ недавно товарищахъ, ударилъ въ барабанъ: всѣ зашлепали по водѣ въ тактъ, рядомъ съ барабанщикомъ, образовалась шеренга, молча и сосредоточенно шагавшая; барабанщикъ иногда спотыкался въ лужахъ, на кочкахъ, сбивался съ такта, но тотчасъ поправлялся и съ самоотверженiемъ колотилъ нѣмѣющими руками въ спасительный барабанъ. Трели его далеко неслись впередъ, въ темнѣющую даль ущелiй, откуда уже подулъ свѣжiй сумеречный вѣтерокъ.

— Это вѣтеръ изъ Карачая, господа! ледниковый вѣтеръ, свѣжiй! дышите имъ! Глубже вздохи!... кричалъ восторженный Покатиловъ. Прибавь шагу! скорѣй изъ этого болота!... Обозъ-то, обозъ! какъ отсталъ!

Дѣйствительно, дорога затрудняла движенiе тяжелыхъ телѣгъ: онѣ отстали на цѣлую версту. Впереди послышался шумъ потока: мы быстро поднялись на возвышенность. Тамъ, въ извилистомъ, глубоко прорѣзанномъ каменномъ ложѣ бѣжалъ пѣнистый ручей. Каменный мостъ былъ разрушенъ напоромъ воды. Большiе камни, лежавшiе посреди потока, позволили намъ переправиться черезъ воду. Ночь спускалась. Надо было торопиться, и Миллеръ протрубилъ на корнетѣ сигналъ обозу «ускорить шагъ». Мѣстность стала волнистой, овраги, крутые склоны попадались чаще. Впередъ были посланы развѣдчики отыскать минеральный источникъ. Стемнѣло. Бѣлыя фигуры путешественниковъ смутно виднѣлись въ темнотѣ. «Исто-ó-чникъ здѣсь!» послышался откуда-то изъ темноты голосъ С. И. Борчевскаго.

Громкое «ура!» прокатилось по тихому ущелью. Всѣ кинулись на голосъ. Опасаясь дождя, я выбралъ мѣсто для палатки на склонѣ; множество камней усѣивало землю. Свистокъ призвалъ всѣхъ къ исполненiю своихъ обязанностей. Зажглись фонари, десятка два рукъ очистили мѣсто подъ палатку отъ камней; звенѣли лопаты, копая водоотводныя канавы; стуча-

ли топоры, забивающіе колья для веревокъ; еще одно мгновеніе—и быстро поднялся высокій полотняный домъ на 30 человѣкъ. Тѣмъ временемъ каждый поочереди подходилъ къ телѣгѣ, гдѣ былъ боченокъ съ бургундскимъ виномъ, и выпивалъ стаканчикъ. Скоро былъ готовъ чай. Закусивъ, усталая армія сняла обувь, смазала ноги вазелиномъ и надѣла сухіе носки и запасные ботинки, затѣмъ тѣсно улеглась въ палаткѣ на цыновкахъ, закутавшись въ бурки и пальто. Черезъ полчаса въ палаткѣ температура значительно повысилась: на лбу появилась испарина. Вдругъ всѣ затихли и подняли головы: изъ-за рѣки несся грохотъ за грохотомъ: то были земляные и каменные обвалы, слѣдствіе бывшаго ливня. Часовые были назначены, и первая смѣна, надѣвши бурки, заняла свои мѣста на видномъ мѣстѣ. Дружный храпъ несся изъ палатки. Теплота заставила многихъ раздѣться, усталость быстро усыпила: Михайловъ спалъ, держа въ одной рукѣ кусокъ хлѣба, въ другой—сыру. Корнѣй и Ѳедотъ спали, забравшись подъ телѣги. Одинъ только неугомонный студентъ Сопотовъ, босой, высоко засучивъ панталоны, съ фонаремъ и лопатой, до разсвѣта провозился около минеральнаго источника, приводя его въ порядокъ. Настало утро, радостное, солнечное. Лагерь весело шумѣлъ. Собираться въ походъ не торопились. Было прохладно, какъ весною, и такъ же, какъ весною, радостно на душѣ. У соляно-щелочнаго источника устроилось засѣданіе; всѣ, сидя на камняхъ, съ интересомъ слѣдили, какъ съ темнаго, илистаго дна круглаго колодца подымались серебристые пузырьки газа; каждый старался побольше набрать ихъ въ кружку. С. И. Борчевскій и Сопотовъ вели разговоръ о химическомъ составѣ воды, о сходствѣ его съ ессентукскимъ № 17; затѣмъ они наполнили нѣсколько лимонадныхъ бутылокъ, захваченныхъ съ собою спеціально для собиранія образцовъ воды минеральныхъ ключей. Сопотовъ долженъ былъ ихъ отвезти для анализа въ химическую лабораторію Ново-

россійскаго университета. Студентъ добродушно улыбался, когда мальчики съ усмѣшкой разспрашивали его о дѣйствіи воды на желудокъ: оказалось, что нашъ химикъ, желая испытать качества воды, выпилъ 4 чайныхъ кружки воды и пострадалъ. Сопотовъ былъ полезнѣйшимъ членомъ экспедиціи: принадлежа къ типу фанатиковъ—естественниковъ, онъ по цѣлымъ часамъ читалъ охотникамъ лекціи по естествознанію; добродушіе, вмѣстѣ съ серіознымъ знаніемъ предмета, привлекало къ нему симпатіи всѣхъ. Проработавъ у источника всю ночь, выстоявъ, кромѣ того, два часа въ качествѣ часового, Сопотовъ, усталый, съ головною болью, слегка простуженный ночнымъ холодомъ, не измѣнялъ своего жизнерадостнаго настроенія, и его маленькіе сѣрые, быстрые, какъ мыши, глаза попрежнему весело смотрѣли на собесѣдника.

Въ 9 часовъ снялись съ лагеря, и тотчасъ стали подыматься на высокую равнину. Вдали забѣлѣлись полуразрушенныя башни старинной крѣпостцы. Направо, по ту сторону Кубани, у подножья высокаго хребта съ красными осыпями, ютилась бѣдная станица Красногорская (бывшая Николаевская). Это послѣдняя станица на нашемъ пути: дальше начинались инородческія поселенія. Жители ея занимаются хлѣбопашествомъ, но оно мало способствуетъ ихъ благосостоянію: слишкомъ мало земли, слишкомъ далека станція желѣзной дороги; къ тому же, жители ея потомки негоднаго элемента другихъ станицъ, нарочно выславшихъ въ первую линію всѣхъ, отъ кого они хотѣли избавиться.

Подойдя къ укрѣпленію, внутри котораго теперь помѣщается обывательская почтовая станція, путешественники мигомъ взобрались на башню, гдѣ и были сфотографированы въ моментъ, когда, махая въ воздухѣ фуражками, кричали побѣдное «ура!» Грустно смотрѣли эти закопченныя стѣны съ зубцами и бойницами; нѣкогда грозная, башня теперь служила хлѣвомъ для телятъ... Кто-то замурлыкалъ:

Гдѣ прежде въ Капитоліи судилися цари,—
Тамъ въ наши времена живутъ пономари...

Сигнальный свистокъ, барабанъ затрещалъ, и мы покинули крѣпостцу. Вдали открылась далекая перспектива снѣговыхъ горъ. Широкая равнина, по которой мы шли, сужалась: тамъ вдали синѣли ворота въ Карачай, предметъ нашихъ давнишнихъ вожделѣній; отдѣльно отъ прочихъ стояла столпообразная Іоанинская гора съ церковью XI вѣка; у подошвы ея что-то бѣлѣло во мглѣ дали: это былъ георгіевско-осетинскій поселокъ и Хумаринское укрѣпленіе, станъ пристава, завѣдующаго Карачаемъ. Отсюда-то и начинался Карачай; здѣсь мы должны были отдохнуть, оставить часть запасовъ въ укрѣпленіи и, облегченные такимъ образомъ, двинуться дальше въ глубь горъ, въ Малый Карачай.

Итти было легко. Навстрѣчу съ бѣлоснѣжныхъ вершинъ Главнаго хребта несся прохладный, прямо весенній вѣтерокъ. Дорога шла подъ уклонъ. Вдали показалась кучка строеній и рядъ тополей: это были утяковскія каменно-угольныя копи. Дорога теперь живописно вилась по скалистому боку горы, то уклоняясь въ сосѣднія ущелья, то вновь выбѣгая на долину Кубани, стремительно несшей пѣнистыя волны въ глубокомъ скалистомъ ложѣ. Начались поросли дубняка, орѣшника, боярышника, прозрачные водопады падали на дорогу. Эта часть дороги носила названіе Мышиной тропы; въ рыхломъ плитнякѣ склоновъ горы мѣстами чернѣли прослойки каменнаго угля. Путешественники шли группами. Синяя блуза Сопотова мелькала тамъ и сямъ: онъ съ геологическимъ молоточкомъ въ рукахъ постукивалъ по скаламъ, отбивая по кусочку; Телѣга (VI кл.), нашъ «энтомологъ», собравшій въ прошлую экскурсію 218 экземпляровъ бабочекъ, шелъ нижнею дорогою съ своимъ сачкомъ; Шиллингъ (IV кл.), маленькій ботаникъ, несъ подъ мышкой папку съ пропускной бумагой, куда бережно, по-нѣмецки, укладывалъ найденныя

имъ самимъ или принесенныя товарищами растенія; Михайловъ (VII), Мова (VI) и Игнатьевъ (VIII) остановились и что-то дѣлали, окруживъ С. И. Борчевскаго. Былъ полдень, и наша метеорологическая передвижная комиссія остановилась для отмѣтки температуры мѣста, а также и высоты его, по превосходному анероиду. Благодаря С. И. Борчевскому, термометрическія и барометрическія наблюденія велись съ большою точностью въ теченіе всего пути: они могутъ послужить интереснымъ матеріаломъ къ опредѣленію рельефа этой мало изученной мѣстности.

Въ половинѣ перваго мы остановились передъ небольшой группой зданій; прекрасный огородъ, окруженный высокими тополями, примыкалъ къ хозяйскому дому. На нашъ призывный крикъ вышелъ владѣлецъ копей, въ настоящее время почти прекратившихъ свою дѣятельность, но раньше дававшихъ болѣе милліона пудовъ угля въ годъ. Крутая гора нависла надъ домомъ. Ее пересѣкали двѣ горизонтальныхъ параллельныхъ полосы каменнаго угля, толщиною въ 8 вершковъ. Пока варился обѣдъ, любезный хозяинъ пригласилъ насъ въ садъ, гдѣ подъ деревьями мы и расположились на своихъ цыновкахъ. Наша собака, знаменитый Боксъ, залѣзла въ малинникъ, спасаясь отъ жары; но любезность хозяина простиралась такъ далеко, что онъ просилъ собаку тамъ и оставить, несмотря на то, что она изрядно помяла растенія; однако, Боксъ съ позоромъ былъ извлеченъ изъ своего убѣжища. Утяковскія копи знали лучшее время, когда ихъ эксплоатировало военное вѣдомство съ помощью даровой солдатской силы; теперь же, съ проведеніемъ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, когда донецкій уголь вытѣснилъ потребленіе утяковскаго, производительность копей свелась почти-что на нѣтъ. Продолжая свое повѣствованіе, хозяинъ сообщилъ намъ, что на вершинѣ горы есть остатки какого-то древняго укрѣпленія. Съ легкой руки академика

Абиха, нѣкоторые приписываютъ его некрасовцамъ, бѣглымъ донскимъ казакамъ, позднѣе бѣжавшимъ въ Турцію; но это мнѣніе не имѣетъ подъ собою ни малѣйшаго основанія. Путь, по которому мы теперь двигались, былъ издревле извѣстенъ: здѣсь проходили византійцы; по преданіямъ здѣсь былъ Левъ Исавриянинъ; сюда, въ Хумару, ссылали византійскихъ преступниковъ, здѣсь были обширныя поселенія, остатки которыхъ мы должны были завтра увидѣть близъ осетинскаго поселка и устья р. Теберды; въ Хумарѣ была каѳедра епископа Хумаринской епархіи; быть-можетъ, сюда заходили позднѣе генуэзцы, какъ это еще позже дѣлали турки,—но чтобы здѣсь жили некрасовцы—сомнительно; карачаевцы, въ пріѣздъ мой сюда въ 1896 году, говорили мнѣ, что здѣсь жилъ народъ „тамъ-лала", невѣдомо куда исчезнувшій; что онъ-то и построилъ это укрѣпленіе. Такъ, въ ожиданіи обѣда, проводили мы время въ эксбурсахъ въ область исторіи. Послѣ обѣда, отдохнувъ, отправились осматривать шахты. Поднявшись на высоту семидесяти футовъ, мы остановились передъ запертой дверью въ шахту; пока хозяинъ посылалъ за забытымъ ключомъ, мы любовались живописной панорамой мѣстности: причудливыя, зубчатыя горы, будто ряды замковъ и башенъ, защищавшихъ входъ въ Карачай, раздвигались. Направо за этими воротами начиналось великолѣпное Тебердинское ущелье, тянувшееся на 70 верстъ; по немъ-то намъ и надлежало пройти, подняться къ ледникамъ Главнаго хребта, полюбоваться на его вершинѣ озеромъ, покрытымъ плавающими льдинами, и затѣмъ перевалить оттуда черезъ рядъ хребтовъ въ долину Кубани, въ Большой Карачай; на это требовалось двѣ недѣли.

— Господа! допотопное дерево желаете видѣть? провозгласилъ хозяинъ.

Сопотовъ стремглавъ бросился впередъ. Изъ-подъ рыхлыхъ камней торчалъ большой кусокъ окаменѣвшаго дерева,

достаточно рыхлаго для того, чтобы отрывать куски его руками.

Эта находка дала Сопотову поводъ прочесть лекцію объ образованіи каменнаго угля, а также сообщить гипотезу о періодическомъ поднятіи и опусканіи Кавказскаго хребта.

У входа въ шахты лежали груды блестящаго и легкаго каменнаго угля; по словамъ хозяина, онъ даетъ много дыму и сильный жаръ. Принесли ключъ. Мы зажгли свѣчки и вошли въ прохладную штольню. Летучая мышь вырвалась изъ щели. Воздухъ былъ чистъ; пламя свѣчей горѣло ярко. Штольня имѣетъ въ длину 120 саженей; однако далеко я не пустилъ своихъ спутниковъ, хотя хозяинъ и увѣрялъ въ полнѣйшей безопасности.

Здѣсь С. И Борчевскій насъ сфотографировалъ при помощи вспышки магнія, и мы двинулись назадъ, спѣша выйти на свѣтъ Божій, тусклымъ пятномъ виднѣвшійся вдали. Рѣзкій переходъ отъ холода къ теплу непріятно поразилъ насъ по выходѣ: казалось, мы вошли въ гигантскую печь; но черезъ минуту тѣло согрѣлось, и непріятное ощущеніе прошло.

Намъ надо было спѣшить: оставалось до ночлега 6 верстъ, а солнце уже спряталось. Давши свисткомъ сигналъ обозу выступать и распростившись съ хозяиномъ, мы быстро спустились въ Хумаринскій аулъ, населенный выходцами изъ Кабарды. Напугавъ трескомъ барабана и громкой пѣсней аульное стадо, мы прошли мимо большой толпы кабардинцевъ, сбѣжавшихся посмотрѣть на „урусъ салдусъ“ (русскихъ солдатъ); въ числѣ зрителей виднѣлись даже древніе старцы. Вечерняя прохлада, продолжительный послѣобѣденный отдыхъ возстановили наши силы: шли быстро; дорога была теперь хорошая, ровная. Вдали зажглись огни. Въ передней группѣ что-то пѣли. Надъ головами чудесно сверкали звѣзды: казалось, будто съ неба кто-то снялъ слой дымки, такъ

ярки были онѣ,—явное слѣдствіе значительной высоты мѣстности надъ уровнемъ моря. Вотъ почему теперь обсерваторіи предпочитаютъ строить на вершинахъ горъ, напр., на Монбланѣ. Профессоръ Глазенапъ мечтаетъ объ устройствѣ такой же на кратерѣ Эльбруса. Безъ сомнѣнія, волшебное зрѣлище представилось бы астроному, наблюдающему небо съ обсерваторіи на высотѣ 18500 футовъ.

Въ Хумаринскомъ укрѣпленіи, по моимъ расчетамъ, насъ должны были встрѣтить В. М. Сысоевъ, если только онъ вернулся съ псебайскихъ раскопокъ, и студентъ Миллеръ, отправившійся въ Карачай для этнографическихъ изслѣдованій. Необходимо было оживить притихшихъ путешественниковъ и въ то же время извѣстить пристава и друзей о своемъ приближеніи: пророкотало два выстрѣла изъ берданки, и залился корнетъ. Насъ услышали: черезъ полчаса насъ окликнули: это былъ студентъ Миллеръ, вышедшій съ мѣстнымъ лѣсничимъ намъ навстрѣчу; они насъ провели кратчайшимъ путемъ въ укрѣпленіе, гдѣ насъ любезно принялъ карачаевскій приставъ г. Шмыткинъ. Ученики размѣстились въ большой залѣ горскаго суда. Остатокъ вечера прошелъ незамѣтно въ разговорахъ.

Слѣдующее утро было посвящено приведенію въ порядокъ туалета, записыванію впечатлѣній, обозрѣванію осетинскаго поселка. Весьма зажиточные люди, осетины этого поселка отличаются далеко не симпатичными качествами: къ религіи они относятся весьма пассивно: въ церковь ходятъ преимущественно старики и женщины; обмануть, ограбить не прочь; они банкиры несчастныхъ карачаевцевъ и берутъ съ нихъ проценты прямо чудовищные. Живутъ они здѣсь всего около 20 лѣтъ. Съ 1896 г., когда я поселокъ увидѣлъ впервые, онъ значительно разросся, такъ что теперь ему не къ лицу офиціальное названіе „поселокъ“. Мы видѣли двѣ-три лавочки, гдѣ продаютъ преимущественно водку,

хлѣбъ, иногда баранину. Путешественникъ, попавшій сюда, долженъ заранѣе запасаться молокомъ, главнымъ продуктомъ мѣстнаго пропитанія,— иначе, ему придется голодать, такъ

какъ къ 11 часамъ всѣ сакли уже дымятся: варится знаменитый на Кавказѣ осетинскій сыръ. Женщины ходятъ съ открытыми лицами, и нигдѣ вы не замѣтите дикой пугливости карачаевскихъ женщинъ и дѣтей.

Главною цѣлью нашей прогулки по поселку и его окрестностямъ былъ осмотръ древней шоанинской церкви, построенной въ X—XI вѣкѣ. Нѣкогда вся эта территорія была заселена какимъ-то христіанскимъ народомъ, по нѣкоторымъ признакамъ, предками нынѣшнихъ осетинъ, оттѣсненными впослѣдствіи татарскими и адигейскими племенами въ глубь горъ. Въ горахъ и лѣсахъ Карачая разсѣяны развалины каменныхъ часовенъ, церквей; изъ послѣднихъ только наиболѣе солид-

выя по размѣрамъ сохранились довольно хорошо. Къ нимъ принадлежатъ хумаринскій (шоанинскій) и сентинскій храмы.

Роскошный видъ вознаградилъ насъ за подъемъ на высокую и крутую гору, вѣрнѣе, скалу. Внизу, словно на ландкартѣ, лежалъ аулъ со своими прямыми улицами; направо уходили къ снѣговымъ вершинамъ лѣсистыя, кудрявыя ущелья, серебряными полосками вились горные ручьи и рѣчки; ближе, на насъ надвигался амфитеатръ средневѣковыхъ башенъ, зубчатыхъ стѣнъ. Древняя церковь, при которой находится скитъ Зеленчукскаго мужского монастыря и живутъ нѣсколько монаховъ, теперь нѣсколько реставрирована: исправлена крыша, штукатурка, поставленъ иконостасъ, не низкій, византійскій, а высокій подъ куполъ, россійскій. Нѣкогда здѣсь была каѳедра епископа, по словамъ грузинскаго историка царевича Вахушта. Внизу, у подножія скалы, съ которой мы любовались горнымъ пейзажемъ, видны остатки обширнѣйшаго кладбища. Произведенные тутъ В. М. Сысоевымъ раскопки въ 1896 г. показали, что народъ, здѣсь жившій, былъ не богатъ, и только: все „поросло травой забвенья", и археологи недоумѣваютъ, что за народъ здѣсь жилъ. Полюбовавшись видомъ съ остраго утеса, на который вели шаткія ступеньки и гдѣ лежали колокола съ деревянной колокольни, за нѣсколько дней до нашего прихода разбитой молніей; напившись вдоволь чаю у радушныхъ монаховъ, не знавшихъ, куда усадить молодежь,—мы двинулись въ обратный путь. Дорогою мы забавлялись тѣмъ, что соединенными усиліями сдвигали съ мѣста каменную глыбу и пускали ее катиться внизъ. Громкій смѣхъ сопровождалъ гигантскія параболы и гиперболы, которыя продѣлывалъ стремглавъ несшійся внизъ камень. Внизу шумѣла рѣчка, и камень съ глухимъ стукомъ исчезалъ въ водѣ, вспѣнивъ на мгновеніе ея поверхность. Пора была обѣденная, и мы поспѣшили спуститься съ горы, усталые, голодные, но веселые и довольные началомъ „настоящаго" горнаго

путешествія. Нѣкоторые и послѣ обѣда не угомонились, и отправились на сосѣднюю гору, гдѣ уже встрѣтили альпійскую флору: сосну, березу и массу цвѣтовъ среди высокой, густой травы. Всѣ ботаническіе трофеи были переданы маленькому, аккуратному Шиллингу. У воротъ укрѣпленія насъ ожидалъ сюрпризъ въ видѣ В. М. Сысоева, вернувшагося изъ Псебайскаго укрѣпленія; онъ пересѣкъ полосу ливней и съ трудомъ добрался до насъ на обывательскихъ, такъ что мы считали себя счастливыми, испытавъ только два дождя. Вечеромъ на дворѣ укрѣпленія нами былъ пущенъ маленькій фейерверкъ, на который г-жа Шмыткина отвѣчала тѣмъ, что прислала большое блюдо пирожковъ. Передъ ужиномъ устроили довольно шумные танцы, что свидѣтельствовало о полномъ возстановленіи „мускульной энергіи“ моихъ спутниковъ. Въ виду того обстоятельства, что В. М. Сысоевъ предполагалъ произвести археологическія раскопки не въ Хумарѣ, а въ Сентахъ, я рѣшилъ выступить далѣе на другой день утромъ. Въ селеніи мы закупили сыру, заказали нѣсколько пудовъ хлѣба, который былъ позднѣе доставленъ въ женскій Сентинскій монастырь. Часть вещей, особенно громоздкихъ, мы оставили въ укрѣпленіи для того, чтобы впослѣдствіи за ними прислать, когда опустошимъ въ достаточной мѣрѣ свои запасы. Въ 10 часовъ была пропѣта молитва, и въ укрѣпленіи воцарилась тишина; только наши фотографы долго еще возились въ душной, наглухо запертой комнатѣ пустой казармы, „проявляя“ рядъ сдѣланныхъ ими снимковъ.

Настало облачное утро. Поднявшееся солнце быстро разогнало легкую дымку, заволакивавшую небесную синеву. Путешественники умывались, фыркая и плескаясь. Корнѣй съ Егоромъ, Ѳедотомъ и двумя осетинами, нанятыми мною, вмѣсто невинномысскихъ извозчиковъ, систематически укладывали связанныя тщательно и снесенныя хозяевами въ одно мѣсто дорожныя вещи. Топорковъ барабанилъ сборъ, Миллеръ

на корнетѣ ему аккомпанировалъ. Этотъ адскій шумъ разбудилъ бы мертваго, не только любившихъ поспать Мову, Карамаленку, Альтшулера.

Напившись чаю, закусивъ и распрощавшись съ милою семьею пристава, обѣщавшаго догнать насъ на перекладной, нашъ отрядъ стройно, рядами, съ барабаннымъ боемъ вышелъ изъ воротъ укрѣпленія.

III.

Отъ Хумары до Сентовъ.

Географія Карачая. Тебердинская долина. Исторія Карачая Завоеваніе его русскими. Первая ученая экспедиція въ Карачай. Обѣдъ на берегу Теберды и ловля форели. Сенты. Прибытіе въ Сентинскій женскій монастырь. Лагерь. Окрестности. Древній храмъ XI вѣка. Фрески его. Прошлое храма. Археологическія раскопки. Черепъ. Курманлыкъ.

Свѣжій утренній вѣтерокъ весело рвалъ значокъ на штыкѣ берданки Петрова. Громко и въ тактъ стуча каблуками, мы перешли мостъ надъ метавшейся и ревѣвшей въ фельзитъ-порфировыхъ берегахъ Кубанью. Населеніе поселка усѣяло крутой берегъ и долго провожало насъ глазами, а мы, разсыпавшись по широкой зеленой долинѣ, носившей слѣды обширнаго древнѣйшаго поселенія, усѣянной грудами могильныхъ камней позднѣйшаго происхожденія, весело шагали въ «неизвѣстныя страны». Вонъ передовая группа стремится уйти подальше: то «альпинисты» Гороховцевъ, Шанька и Карамаленко; вотъ человѣкъ двадцать выстроились въ шеренгу, съ барабанщикомъ посрединѣ, и шагаютъ въ тактъ; сзади, стараясь дѣлать побольше шагъ, торопятся «контрабандисты», Шиллингъ, Морозовъ и Рохлинъ; вотъ шеренга приближается къ табуну и стаду коровъ: животныя насторожились, слушаютъ и не понимаютъ никогда ими не слышаннаго звука барабаннаго боя; вотъ они шарахнулись въ сторону и несутся съ развѣвающимися гривами и хвостами, но тотчасъ останавли-

ваются, оборачиваются и широкораскрытыми глазами смотрятъ на приближающуюся шеренгу съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же продолжать бѣгство. Особенный эффектъ на животныхъ произвела атака съ громкимъ «ура».

Нашего барабана боялись, впрочемъ, не одни животныя. Позднѣе, одинъ старикъ мнѣ разсказывалъ, что у карачаевцевъ существуетъ повѣрье: когда загремитъ барабанъ въ горахъ Карачая, послѣднему придетъ конецъ. Насъ почти вездѣ въ аулахъ принимали за солдатъ, посланныхъ забирать свободныхъ горцевъ на военную службу.

Вотъ и мостъ черезъ свѣтлую, бѣшеную Теберду, тутъ же вливавшуюся въ Кубань. Отсюда начинается Большой (налѣво) и Малый (направо) Карачай—такъ называется треугольникъ, образуемый водораздѣлами кубано-кумскимъ, тебердо-зеленчукскимъ и Главнымъ хребтомъ, и населенный смѣшаннымъ тридцатитысячнымъ племенемъ, говорящимъ на татарскомъ нарѣчіи—карачаевцами, живущими въ этой мѣстности, по ихъ преданіямъ, около 500 лѣтъ; хребты эти покрыты сначала дубомъ, ясенемъ, карагачемъ, тисовымъ деревомъ (порода, вымирающая въ Европѣ: группу тисовыхъ деревьевъ мы встрѣтили на шоанинской горѣ), березою; далѣе идетъ сплошной пихтовый, сосновый и еловый лѣсъ. Вдоль этихъ хребтовъ лежатъ глубокія то сужающіяся, то расширяющіяся долины, развѣтвляющіяся подъ Главнымъ хребтомъ; по лѣвой долинѣ бѣжитъ Кубань, образующаяся изъ двухъ рѣчекъ, Хурзука и Учькулана, принимая въ себя пѣнистый Худесъ и быстрый Доутъ; по правой же несется Теберда, составляющаяся изъ „Тебердинки" и Куначкира, вытекающаго изъ озера на Клухорскомъ перевалѣ. Пространство между этими долинами заполнено двумя огромными малодоступными хребтами и массою ихъ побочныхъ отроговъ. Въ большомъ Карачаѣ 4 старинныхъ аула (Картджюртъ—столичный аулъ, Учькуланъ и Хурзукъ), въ Маломъ же самыми крупными

аулами являются Сенты и Теберды, колоніи первыхъ, основанныя въ 60 гг. Нашъ путь теперь лежалъ по Тебердинской долинѣ на Клухорскій перевалъ (9600 футовъ); вернувшись оттуда на 37 верстъ назадъ, мы хотѣли попытаться перевалить, если возможно, черезъ хребты въ Большой Карачай; обозъ же долженъ былъ вернуться назадъ въ Хумару, захватить нужныя вещи и, проѣхавъ вверхъ по Кубанскому ущелью, присоединиться къ намъ уже въ аулѣ Учькуланѣ, у истоковъ Кубани.

Мѣстность рѣзко измѣнила свой характеръ. Справа и слѣва надвигались на дорогу гигантскія, причудливыя скалы, сѣрыя, розоватыя, сизыя; на нихъ росли вѣковыя деревья; лѣсъ подступилъ ближе, спустился къ Тебердѣ; между деревьями мелькали развалины какого-то древняго поселенія. Вотъ приближается къ намъ великолѣпная отвѣсная скала футовъ въ 600. Два года тому назадъ я въ нее стрѣлялъ, чтобы послушать многократное эхо. Разсказываютъ, что одинъ карачаевскій охотникъ, подымаясь на нее, встрѣтился на узкомъ карнизѣ съ медвѣдемъ: ни тотъ ни другой не могли повернуть назадъ; мишка сталъ пятиться. Долго выбиралъ охотникъ моментъ, чтобы убить звѣря и не потерять его шкуры. Выстрѣлилъ, и съ досадой увидѣлъ, какъ бѣдное животное, подпрыгнувъ, свалилось въ бездну; жалкіе остатки нашелъ онъ, спустившись внизъ. Направо амфитеатромъ разступались горы; на одной изъ нихъ вершинъ мы съ В. М. Сысоевымъ нашли въ 1896 г. каменную надгробную статую грубой работы; я ее зарисовалъ въ альбомъ; особенное наше вниманіе привлекло изображеніе сѣкиры, близко напоминавшее древнія западно-европейскія рыцарскія сѣкиры. Кто-то изъ учениковъ пожалѣлъ, что мы не идемъ по той сторонѣ: хотѣлось бы взглянуть на статую; но это было невозможно: бѣлая отъ пѣны Теберда служила непреодолимымъ препятствіемъ.

Горы сузились. Мѣстами попадались веселыя ущелья; изъ каждаго неизмѣнно стекалъ въ Теберду стремительный ручей.

Вдали кучка передовыхъ надъ чѣмъ-то остановилась; оказалось, ученики отыскали игрушечную карачаевскую мельницу: ручей перегораживался горизонтально положеннымъ колесомъ съ лопастями; оно неистово вертѣлось подъ напоромъ прозрачной, какъ горный хрусталь, струи родниковой воды, бѣжавшей по желобу изъ древесной коры. Мельницы у карачаевцевъ самаго первобытнаго устройства; вода вертитъ колесо, лежащее плашмя. Около каждаго аула встрѣтите нѣсколько водяныхъ мельницъ, къ нимъ издалека проведены канавы отъ рѣки. Карачаевцы въ дѣлѣ искусственнаго орошенія большіе мастера, какъ и всѣ восточные народы.

Малый Карачай только съ 70-хъ годовъ получилъ это названіе, когда послѣ освобожденія крестьянъ нѣсколько тысячъ карачаевскихъ рабовъ узденей Большого Карачая получили свободу и были водворены въ Тебердинской долинѣ. Происхожденіе карачаевцевъ теряется въ сумракѣ древности. Мнѣ приходилось много бесѣдовать съ карачаевскими стариками, записывать ихъ поэтическія преданія, былины, сказанія о происхожденіи народа и самаго имени „Карачай“ [1]). Вкратцѣ про карачаевцевъ можно сказать слѣдующее. Группа бѣглецовъ изъ Крыма, подъ начальствомъ силача Карчи, около 500 лѣтъ назадъ поселилась близъ Сухума; спасаясь оттуда отъ преслѣдованій, послѣ долгихъ скитаній по бассейну Лабы и Кубани, она попала въ Кабарду, на Баксанъ; отсюда эти бѣглецы переселились въ верховья Кубани. О послѣднемъ событіи девяностолѣтній старикъ въ Картджюртѣ разсказывалъ мнѣ такъ: карачаевскій охотникъ, по имени

---

1) См. мои „Замѣтки о Карачаѣ и карачаевцахъ“ (XXV выпускъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, изд. Кавказскаго учебн. округа).

Боташъ, съ двумя товарищами, преслѣдуя раненаго оленя, спустились въ долину р. Уалукама (близъ Эльбруса); вокругъ лежали дремучіе лѣса, изобилующіе дичью; нигдѣ не было видно слѣдовъ человѣка. Охотники поставили себѣ на полянкѣ, близъ „Боташева камня“, шалашъ изъ вѣтвей, покрыли его шкурами туровъ и оленей. Здѣсь они прожили пятнадцать дней и осмотрѣли долину Хурзука, Учькулана и Кубани. Въ „газырахъ“ одного оказались зерна ячменя; Боташъ горной палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ вскопалъ немного земли и посѣялъ зерна. На слѣдующій годъ они посѣтили названную мѣстность и увидѣли, что посѣянный ячмень далъ превосходный урожай. Тогда весь народъ рѣшилъ переселиться сюда, въ ущелье Кубани, чтобы быть подальше отъ набѣговъ кабардинцевъ и осетинъ. Поселились карачаевцы на мѣстѣ теперешняго Картджюрта, который тогда назывался Эль-тюбе (Нижнее селеніе), въ отличіе отъ хуторовъ Хурзука и Учькулана; когда же послѣдніе обратились въ аулы, Эльтюбе переименовали въ Картджюртъ (Старое селеніе). Вся земля была раздѣлена на три части — по числу ауловъ. Боташъ, при дѣлежѣ, захотѣлъ взять себѣ лучшую часть и въ возникшей ссорѣ былъ убитъ. „Съ тѣхъ поръ прошло 587 лѣтъ“, заключилъ свой разсказъ старый карачаевецъ.

Что касается борьбы съ русскими, то весьма вѣроятно, что карачаевцы участвовали уже въ сраженіи ген. Германа съ Баталъ-пашою въ 1790 г.; въ 1828 г. они принимали дѣятельное участіе въ битвѣ ген. Антропова съ кабардинцами у ст. Незлобной. Въ томъ же году ген. Георгій Арсеніевичъ Эммануэль, сербъ родомъ, покорилъ ихъ. Онъ въ „Извѣстіи жителямъ Кавказской области“ такъ повѣствуетъ объ этомъ покореніи: „Ставрополь, октября 30 дня 1828 года. Термопилы Сѣвернаго Кавказа взяты нашими войсками, и оплотъ Карачаева, у подошвы Эльбруса, для всѣхъ горскихъ племенъ, враждебныхъ Россіи, помощью Божіею и храбростью

войскъ, подъ личнымъ моимъ предводительствомъ, разрушенъ. Сраженіе съ карачаевцами произошло сего октября 20 числа; оно началось въ 7 часовъ утра и кончилось въ 7 же вечера, съ овладѣніемъ послѣдней высоты. Побѣда покрыла новою славой Россійское воинство, въ семъ дѣлѣ участвовавшее. Потеря наша, при пораженіи непріятеля, состояла въ убитыхъ: оберъ-офицерахъ—3, унтеръ-офицерахъ—2 и рядовыхъ—32; ранены: Горскаго казачьяго полка маіоръ Верзилинъ [1]), оберъ-офицеровъ—3, унтеръ-офицеровъ—13 и рядовыхъ—103. Послѣ сей важной для Кавказской области побѣды, войско наше 21 октября достигло уже безъ бою и малѣйшаго сопротивленія Картджюрта, и до прибытія еще къ оному, почти въ одно время съ нарочно посланнымъ къ къ намъ, прибылъ и отъ оныхъ повѣренный съ просьбою о милосердіи и пощадѣ, съ обѣщаніемъ исполнить всѣ требованія; почему ихъ аулъ и огражденъ былъ карауломъ отъ всякаго разоренія. 22 октября представлялся лично мнѣ ихъ повелитель, Валій Исламъ Крымъ-Шамхаловъ, со всѣми старшинами, и подалъ прошеніе, при семъ прилагаемое, именемъ всего народа, которое было принято. 23 октября какъ онъ со всѣми старшинами, равно какъ и весь карачаевскій народъ присягалъ на вѣрность подданства Государю Императору, съ представленіемъ отъ него, Крымъ-Шамхалова, равно и отъ трехъ еще первѣйшихъ фамилій, аманатовъ [2]). За окончаніемъ, такимъ образомъ, сего важнаго дѣла для будущей безопасности и спокойствія Кавказской области, войско выступило 24 октября въ обратный путь, и я прибылъ въ Ставрополь 29 октября. Подписалъ: генералъ-отъ-кавалеріи Эммануэль".

Валій Исламъ Крымъ-Шамхаловъ произнесъ слѣдующую рѣчь въ присутствіи генерала и офицеровъ: „Счастливы вы,

---

[1]) Отецъ барышень, съ которыми былъ знакомъ Лермонтовъ и Мартыновъ, убившій поэта.

[2]) Заложниковъ.

что удалось вамъ проникнуть въ скрытыя жилища наши; мы такъ увѣрены были въ невозможности этого, что даже во время сраженія никто изъ насъ не почиталъ нужнымъ отправить женъ и дѣтей въ безопасное мѣсто; но ваше счастіе насъ одолѣло. Мы были самыми вѣрными приверженцами Порты Оттоманской и никогда ей не измѣняли,—она измѣнила намъ, оставивъ насъ безъ защиты и не умѣвъ удержать крѣпости своей Анапы. Будьте же теперь нашими повелителями: мы не измѣнимъ своему слову. Вы оградили наши семейства, даже имущество отъ разоренія, и тѣмъ пріобрѣли уже нашу признательность".

Въ 1829 г. ген. Эммануэль предпринялъ развѣдочную экспедицію въ Карачай, пригласилъ участвовать въ ней и ученыхъ: Академія Наукъ командировала адъюнкта Ленца (физика), адъюнкта Дерптскаго университета Мейера (ботаника), хранителя зоологическаго кабинета Академіи Менетріе (зоолога), чиновника горнаго департамента Вансовича (геолога). Двадцать девятаго іюня отрядъ выступилъ изъ Пятигорска. Карачаевцы всполошились, но генералъ успокоилъ ихъ, объяснивъ цѣль экспедиціи. Въ горахъ она была встрѣчена проливными дождями, такъ что только 8 іюля отрядъ добрался до истоковъ Малки, гдѣ и расположился лагеремъ. Девятаго іюня академики начали подъемъ, но десятаго вернулись въ лагерь, не одолѣвъ трудностей пути; только Ленцъ съ казакомъ и двумя горцами продолжалъ подыматься, но и онъ, не дойдя 600 футовъ до вершины, повернулъ назадъ. Между тѣмъ отыскался кабардинецъ, по имени Килларъ, который подымался отдѣльно отъ прочихъ; въ 11 часовъ утра онъ показался на вершинѣ Эльбруса. Генералъ Эммануэль первый замѣтилъ его на вершинѣ и приказалъ стрѣлять изъ орудій. Килларъ получилъ 400 р. награды. Двадцать перваго іюня экспедиція была уже въ Пятигорскѣ; результатами ея были богатыя минералогическія, ботаническія и геологическія кол-

лекціи; далѣе, академики открыли свинцовую руду на Худесѣ, залежи каменнаго угля и много другихъ минеральныхъ залежей. Словомъ, край былъ всесторонне изслѣдованъ.

Возвратимся, однако, къ нашему путешествію. Мы уже проходили 14-ую версту, какъ сзади послышался звонъ почтоваго колокольчика, всѣ оглянулись: насъ догоняла почтовая тележка, тамъ сидѣли двѣ бѣлыхъ фигуры: то были г. Шмыткинъ и лѣсной ревизоръ. Имъ, очевидно, не хотѣлось съ нами разстаться такъ скоро: безъ сомнѣнія, мы внесли свѣжую струю въ ихъ однообразную жизнь въ заброшенномъ въ горахъ укрѣпленіи, въ обществѣ осетинъ и карачаевцевъ. Пройдя еще версты двѣ, мы остановились „на обѣдъ“ подъ большими деревьями. Одни изъ путешественниковъ распаковывали вещи, другіе дѣлали изъ сучьевъ мостъ черезъ ручей, третьи принялись ловить удочками форель; извозчики выпрягли лошадей, и уставшія животныя принялись весело кататься по изумрудной травѣ, чтобы затѣмъ, встряхнувшись, съ жадностью ее щипать. Большая группа съ любопытствомъ слѣдила, какъ низкорослый пожилой карачаевецъ съ маленькимъ сыномъ ловили бреднемъ форель. Корнѣй съ Ѳедотомъ гремѣли посудой, устанавливали котлы на таганахъ, то показываясь, то исчезая въ голубыхъ облакахъ дыма, который, цѣпляясь за вершины деревьевъ, улеталъ въ высь. Вонъ осетины поволокли бѣднаго барана въ кусты. Мы купили у карачаевца за двугривенный весь его уловъ, штукъ 20 форели, и передали по принадлежности Ѳедоту, съ наставленіемъ варить въ соленой водѣ и подольше, потому что эта рыба, недостаточно проваренная, вызываетъ боли въ желудкѣ. Приставъ, страстный рыболовъ, вызвался наловить бреднемъ форели еще; къ нему присоединился и Сопотовъ. Въ сопровожденіи толпы зрителей они отправились къ маленькому заливчику и храбро полѣзли въ прохладную воду; удача сопровождалась громкимъ поощреніемъ зрителей. Наконецъ, Со-

потовъ запросилъ пардону: „Отпустите душу на покаяніе", взмолился онъ: „очень больно ходить по камнямъ!" Тѣмъ временемъ въ мелкомъ заливчикѣ всѣ успѣли перекупаться и, освѣженные, поспѣшили на призывные звуки миллеровскаго корнета, сообщавшіе, что обѣдъ готовъ и ждетъ насъ. Сегодня, въ видѣ предъобѣденной закуски, былъ предложенъ осетинскій сыръ и отварная форель, затѣмъ слѣдовали щи съ прессованной зеленью, соусъ изъ баранины и картофеля; десертъ замѣнило монпансье; за обѣдомъ слѣдовалъ чай. Не всегда, впрочемъ, были такіе обѣды: иногда приходилось ограничиваться и однимъ блюдомъ; тогда съ неудовольствіемъ вспоминалась пословица: à la guerre comme à la guerre!..

Полчаса спустя послѣ dolce far niente, раздался сигналъ запрягать; вскорѣ рѣзкій звукъ корнета созвалъ разбредшихся путешественниковъ, и мы, простившись съ веселымъ и любезнымъ приставомъ, двинулись далѣе.

Ущелье, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось живописнѣе.

Вонъ вдали оно, казалось, замыкается: итти дальше некуда; надъ нимъ громоздятся синіе, розовые хребты, одинъ выше другого; кое-гдѣ на вершинахъ горятъ темнымъ золотомъ полоски снѣга. Чувствуется приближеніе къ сердцу горъ, къ «медвѣжьимъ угламъ». Но вотъ хитрая дорога дѣлаетъ поворотъ, и вашему восхищенному взору открывается новая сіяющая долина, по ней змѣится быстрая Теберда. Снова впереди смыкаются синія горы, покрытыя темными лѣсами; вверху уже горитъ на облакахъ вечерняя заря... Вокругъ—горная тишь, красиво оттѣняемая глухимъ рокотомъ рѣки. Далеко-далеко дрожитъ въ воздухѣ мотивъ русской хоровой пѣсни: то развлекается группа нашихъ быстроходовъ, поджидая остальныхъ. Вотъ карачаевцы везутъ въ бочкахъ деготь и скипидаръ со смолокуренныхъ заводовъ въ сосновыхъ рощахъ за Тебердинскимъ ауломъ; вотъ они свернули почтительно съ дороги и пропускаютъ насъ мимо, съ любопытствомъ погля-

дывая на насъ изъ-подъ своихъ пушистыхъ папахъ; маленькіе круторогіе бычки, такіе же дикіе, какъ и ихъ хозяева, метнулись въ сторону, испугавшись нашего вѣрнаго пса Бокса, стремглавъ носившагося взадъ и впередъ и пугавшаго пичужекъ. Вонъ кто-то быстро скачетъ верхомъ, съ двумя осѣдланными лошадьми: оказывается, старшина Сентовъ, предупрежденный приставомъ о нашемъ пріѣздѣ, распорядился, въ видѣ особой чести, выслать для желающихъ лошадей. С. П. Борчевскій и Миллеръ тотчасъ же помчались впередъ и быстро скрылись изъ глазъ.

Солнце уже сѣло, когда мы подошли къ Сентамъ. Кусковъ скомандовалъ своей ротѣ, и путешественники, прошедшіе 21 версту, стройно замаршировали подъ звуки барабана и рожка: желаніе «не посрамить себя передъ карачаевцами» заставляло забыть усталость. Все населеніе аула сбѣжалось посмотрѣть на насъ. Типы были самые разнообразные, господствовали, конечно, смуглые, но часто попадалось бѣлое личико дѣвушки, бѣлокурый ребенокъ; нѣсколько совершенно нагихъ дѣтей вертѣлось у ногъ женщинъ. Запахъ бараньяго сала несся изъ толпы. «Ну и ароматы!» слышалось въ нашихъ рядахъ. Остановились у крыльца аульнаго правленія. Здѣсь насъ встрѣтило начальство: старшина съ помощниками и писарь-старикъ, отставной кавалерійскій унтеръ-офицеръ. Намъ предлагали гостепріимство, квартиры, но мы поблагодарили и отказались отъ перспективы предать себя на всю ночь въ жертву насѣкомымъ въ жилищахъ удивительно нечистоплотныхъ карачаевцевъ. Давши старшинѣ денегъ, я попросилъ его доставить намъ нѣсколько барановъ въ женскій монастырь, гдѣ мы рѣшили провести два дня. Быстро спустившись къ рѣкѣ, въ сопровожденіи всего аульнаго населенія, желавшаго посмотрѣть на «урусъ салдусъ», мы перешли по мосту черезъ Теберду и стали подыматься на крутизну; многіе запыхались, но никто не отставалъ: таково увлекающее

вліяніе барабана и массового ритмическаго движенія. На первомъ взгорьи остановились, поджидая обозъ, чтобы оказать ему помощь, потому что намъ казалось почти невозможнымъ втащить наши три тяжело нагруженныя телѣги; но дѣло было сдѣлано быстро: телѣги дружно вкатили наверхъ. Снова затрещалъ барабанъ, и мы черезъ нѣсколько минутъ увидѣли себя въ небольшомъ густо заросшемъ горномъ уголкѣ; направо, среди зелени большихъ деревьевъ, бѣлѣло три домика самой примитивной архитектуры, подъ желѣзными, однако, крышами. Мы остановились у открытыхъ дверей одного изъ нихъ, ближайшаго. Изъ раскрытыхъ оконъ неслось стройное женское пѣніе, тускло блистали въ темнотѣ красные огоньки, чувствовался запахъ ладана и кипариса. Насъ встрѣтила знакомая уже намъ мать Екатерина. Умные сѣрые глаза ея проницательно смотрѣли сквозь стекла золотыхъ очковъ; черты лица были рѣзки и энергичны. Привѣтствуя насъ, она сказала, что отвела въ наше полное распоряженіе домикъ, гдѣ жилъ недавно уѣхавшій монастырскій священникъ, обѣщала прислать намъ молока, хлѣба и и всего, что потребуется. „А теперь“, прибавила она съ улыбкой, „я пойду помолюсь“. Мѣстечко, гдѣ намъ предстояло прожить два дня, было нѣкогда покрыто каменными постройками, на что указывали кучи камней, заросшихъ травой, кустиками; кое-гдѣ росли буковыя деревья; подъ однимъ изъ нихъ пріютился маленькій домикъ о двухъ комнатахъ. Невозможно было помѣстить въ немъ даже половину путешественниковъ,—поэтому было приказано разбить обѣ палатки. Всѣ быстро принялись за работу, и чрезъ четверть часа въ полутьмѣ забѣлѣла наша громадная палатка, недалеко отъ нея подъ деревомъ пріютилась маленькая, на шесть человѣкъ, гдѣ помѣстились „контрабандисты“. Собирались тучи. Потянуло холодкомъ. Тамъ, гдѣ мы обѣдали, въ синей мглѣ сверкала молнія, и оттуда несся гулъ: поэтому вокругъ палатокъ были сдѣланы водосточныя канавки; дорожныя вещи, цыновки, плащи перета-

щили въ палатки, въ домикъ, а ящики съ припасами были оставлены на телѣгахъ, амфитеатромъ окружившихъ нашъ лагерь; ихъ закрыли брезентами и увязали. Яркій огонь пылалъ подъ деревомъ: то была импровизированная кухня; темныя фигуры мелькали туда и сюда. Около домика суетилась надъ самоваромъ послушница. Всѣ наши фонари были зажжены, и лагерь пріобрѣлъ мирный, уютный видъ. Сотни свѣтляковъ, словно золотыя мухи, замелькали въ кустахъ, между палатками, исчезали въ безднѣ. Телѣга (VI кл.) наловилъ ихъ штукъ двадцать, положилъ въ стеклянную трубочку и на примѣрѣ доказалъ, что при этомъ фосфорическомъ свѣтѣ весьма удобно читать. Послѣ чаю, молока и закуски, всѣ собрались въ кружокъ, начались разговоры о пережитомъ, строились планы на будущій день; изрѣдка слышался смѣхъ, но не бурный, раскатистый, а тихій, сдержанный: никто не забывалъ, что находимся въ монастырѣ. „Контрабандисты" мирно похрапывали въ комнаткѣ: имъ не было пока разрѣшено ночевать въ палаткѣ, въ виду грозившаго дождя. Настоятельница намъ жаловалась на вороватость карачаевцевъ, на то, что въ окрестностяхъ много волковъ: это заставило меня назначить часовыхъ, и первая смѣна, какъ обыкновенно, въ два человѣка, должна была начать дежурство съ 11 часовъ. Около двухъ часовъ ночи я вышелъ къ часовымъ. Шанька ко мнѣ тотчасъ же подошелъ и сообщилъ, что онъ слышалъ, что какое-то животное или человѣкъ бродитъ въ кустахъ за ручьемъ. Я разрѣшилъ ему выстрѣлить вверхъ. Блеснулъ огонь, и грянулъ выстрѣлъ, эхо умерло гдѣ-то вдали. И тишина стала еще таинственнѣе. Настоятельница на другой день благодарила насъ: «Это безпремѣнно былъ волкъ», говорила она: «намедни онъ у меня зарѣзалъ большущаго барана».

Утро мы посвятили осмотру окрестностей и подъему зигзагами, среди густого лѣса, на высокую скалистую гору. Дорога туда недавно разработана самими сестрами, которыхъ здѣсь

набирается иногда до 100 человѣкъ, отчасти богомольцами. Чудный альпійскій видъ вознаграждаетъ труды путника, забравшагося на эту высоту. Прямо высится огромный хребетъ, внизу бѣжитъ бѣлая Теберда, тотчасъ же исчезающая за поворотомъ. Подъ горою растянулся аулъ; карачаевцы варятъ, вѣрно, сыръ: почти надъ каждой саклей вьется дымокъ и сливается съ легкою мглою, стоящею надъ ауломъ; ее насквозь пронизываютъ лучи солнца. Вонъ въ ущельи надулось и, словно лебедь, поплыло по склону облачко, вонъ оно зацѣпилось за деревья; теперь оно попало въ слой теплаго воздуха и быстро начинаетъ таять, вонъ расползлось уже клочками среди зелени деревьевъ, еще мгновеніе—и слѣдовъ его уже нѣтъ. Вамъ душно. Еще одно усиліе, и вы видите нѣсколько ниже себя, на краю бездны, старинный сѣраго цвѣта храмъ, увѣнчанный золотымъ шаромъ и крестомъ. Свѣжій вѣтеръ обвѣваетъ лицо со всѣхъ сторонъ, шелеститъ листьями деревьевъ, выросшихъ изъ древнихъ гробницъ близъ церкви, шевелитъ красную занавѣсь въ царскихъ вратахъ темнаго лакированнаго иконостаса, подарка московскихъ богомолокъ. Вы среди тишины высокихъ аробъ византійскаго храма X—XI вѣковъ, современника знаменитаго Мстислава, «иже зарѣза Редедю предъ полкы касожьскыми», основателя перваго русскаго храма на Кавказѣ—церкви Богородицы въ «Тмутороканѣ». Сѣдая древность глядитъ на васъ съ этихъ каменныхъ стѣнъ, покрытыхъ изображеніями святыхъ; ничѣмъ не напоминаютъ они вамъ о земномъ; строгія ихъ лица говорятъ вамъ о молитвѣ и постѣ. Византійская живопись до половины IX вѣка (конца иконоборства) отличалась извѣстною свободою и правильностью рисунка, колоритъ былъ яркій, живой. Затѣмъ авторитетъ церкви стѣснилъ свободу творчества, фантазія художника не смѣла выйти изъ строго опредѣленныхъ церковью рамокъ, и живописцы стали искусными малярами, изображавшими формы тѣла сухими, худыми, фигуры непропорціональ-

по длинными, лица изможденными, со впалыми щеками, сухимъ, обострившимся носомъ, продолговатыми глазами; положеніе тѣла было странно искуственно: фигуры шли широкими легкими шагами, приподнявшись на носкахъ, одежды, плотно прилегавшія къ тѣлу, были расположены симметричными угловатыми складками; въ расположеніи фигуръ царствовала тоже строгая симметрія; краски были самыя великопостныя: бѣлизна, яркость, румянецъ щекъ навсегда были изгнаны—ихъ замѣнили темно и свѣтлокоричневые тона. Обратившись къ фрескамъ [1]) сентинскаго храма, мы должны признать, что ихъ писала твердая, увѣренная рука, никакого отступленія отъ схоластическихъ образцовъ себѣ не позволявшая, да, вѣроятно, и не умѣвшая писать иначе, какъ навыкла. Здѣсь мы видимъ тотъ же шаблонный рисунокъ, тѣ же коричневые тона, изрѣдка оживляемые голубоватымъ фономъ, ту же симметричность композиціи, удлиненныя фигуры, искусственныя складки одеждъ,—словомъ, сентинскія фрески—типичныя церковныя изображенія, прототипы которыхъ и способъ исполненія не могли быть выработанными ранѣе второй половины IX вѣка (въ Византіи)—обстоятельство, дающее намъ нѣкоторое основаніе относить постройку нашего храма къ концу IX и началу X вѣка.

Фресковыя изображенія сентинскаго храма сохранились въ весьма незначительномъ числѣ. Расположены они двумя ярусами, между которыми пролегаетъ широкій орнаментъ чисто греческаго стиля. Справа отъ главнаго входа видимъ на стѣнѣ, въ верхнемъ ярусѣ, изображеніе сраженія: щиты, вооруженіе, грозящая рука съ мечемъ; въ нижнемъ помѣщено 4 изображенія отцовъ церкви (см. рис. 1). Далѣе, на правой западной стѣнѣ—въ верхнемъ ярусѣ—входъ Господень въ Іеру-

---

[1]) Фресковая живопись (al fresco) производилась водяными красками по только-что наложенной штукатуркѣ, что давало возможность краскамъ проникать въ толщу ея.

салимъ, внизу волнистая линія облаковъ; въ нижнемъ ярусѣ изображенія отцовъ церкви (рис. 2). Южная стѣна, верхній ярусъ—двѣ картины: Преображеніе, справа, и благословляющій Спаситель, слѣва (рис. 3); нижній ярусъ—воинъ въ панцырѣ, съ копьемъ: молодое лицо опушено вьющеюся бородою, въ правой рукѣ копье (рис. 4). Алтарь: справа—воинъ въ панцырѣ и съ копьемъ, знаменующій собою охранителя алтаря (рис. 5); далѣе 4 изображенія отцовъ церкви, съ евангеліями (рис. 7); большое запрестольное изображеніе Богоматери, плохо сохранившееся (рис. 8); слѣва—одинъ изъ немногихъ хорошо сохранившихся ликовъ—старца восточнаго типа (рис. 11); далѣе, повидимому, изображено Рождество Богородицы (рис. 12). Лѣвая западная сторона—остатки изображеній—два женскихъ и одно мужское (рис. 13). Лѣвая сѣверная стѣна (у входа) изображеніе, повидимому, царицы Елены и Богоматери (рис. 15). Западная стѣна (надъ входомъ) два воина и сидящій старецъ (рис. 16). Орнаментъ (рис. 17) слѣдуетъ признать чисто греческимъ, ибо грузинскій отличается излишней витіеватостью, хитросплетенными узлами [1]).

На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ мы думаемъ, что край, въ которомъ мы находились, былъ нѣкогда подъ сильнымъ вліяніемъ византійско-грузинской культуры: 1) царевичъ Вахуштъ среди епархій, подвѣдомственныхъ католикосу западно-грузинской церкви, упоминаетъ и хумаринскую; 2) онъ же говоритъ, что абхазо-грузинскимъ царямъ были «подвластны не только сваны, но и аланы и люди по ту сторону горъ»; 3) самыя имена «Шоана», «Хумара», «Сенты» (испорченное Свети) суть грузинскія: первое означаетъ средину, второе—шута, третье—столбъ, колонну; 4) тебердинская долина была весьма оживленнымъ путемъ изъ Севастополя (Сотирополиса—города Спасителя, грузинскаго Цхоми, нынѣшняго Сухума) въ

---

[1]) Подробности см. въ моей брошюрѣ: „Сентинскій храмъ и его фрески". Екатеринодаръ, 1899. Изданіе Кубанскаго статистич. комитета.

землю алань и адиге (черкесовъ). Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Клухорскій перевалъ, куда мы теперь держали свой путь, доступенъ былъ и ранѣе для прогона скота и перевозки товаровъ; Севастополь былъ весьма богатымъ городомъ для того, чтобы не привлекать взоровъ обитателей верховьевъ Кубани: римляне, по словамъ Плинія, содержали въ немъ до 300 переводчиковъ для разныхъ племенъ, торговавшихъ въ этомъ мѣстѣ; «императоръ Юстиніанъ», сообщаетъ Прокопій (De aedificiis), «сей самый Севастополь, который прежде былъ не болѣе, какъ крѣпость, возобновилъ, и стѣнами и другими способами такъ укрѣпилъ, что онъ теперь (около 565 г.) неприступенъ, и украсилъ его разными постройками, такъ что городъ этотъ по обширности и богатству сталъ однимъ изъ первыхъ на Черноморскомъ побережьи».

Два дня мнѣ пришлось провести среди этихъ 800-лѣтнихъ стѣнъ, срисовывая акварелью фрески, предохраненныя отъ окончательнаго разрушенія энергичной матерью Екатериной, реставрировавшей храмъ въ прошломъ году. Фрески необходимо какъ можно скорѣе реставрировать, что, думается, будетъ не особенно трудно выполнить, если художникъ, которому будетъ поручена эта важная работа, ознакомится со множествомъ фресковыхъ изображеній, недавно открытыхъ академикомъ Сусловымъ подъ штукатуркой новгородскаго Софійскаго собора, относимыхъ имъ къ XI в. и исполненныхъ греческими художниками, какъ о томъ повѣствуетъ лѣтопись: ...«и устроивъ церковь (Софійскій соборъ), приведоша иконныхъ писцовъ изъ Царя-града, и начаша подписывати во главѣ». Зодчіе и живописцы того времени и въ Россіи и на Кавказѣ были греки, ни на іоту не отступавшіе, какъ я сказалъ раньше, отъ выработанныхъ и санкціонированныхъ церковью формъ: слѣдовательно, художники, расписавшіе стѣны сентинскаго храма и новгородскаго Софійскаго собора, должны были имѣть тѣ же образцы, ту же технику XI вѣка.

Много столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ тутъ возносились хвалы Богу. Храмъ былъ въ полномъ запустѣніи и тихо разрушался; горцы изрѣдка загоняли въ него свое стадо и сами прятались въ непогодь. Въ 1891 году сюда заглянула монастырская послушница, бывшая сестра милосердія, Евдокія Макарова, нынѣ мать Екатерина, игуменья Сентинской Спасо-Преображенской пустыни.

«Дороги къ церкви не было; я пробралась на вершину, хватаясь за кусты, за деревья», повѣствовала она намъ, когда мы вечеромъ въ ея бесѣдкѣ въ цвѣтникѣ пили чай, созерцая три убогихъ монастырскихъ домика и все несложное ея хозяйство. «Вѣрите ли, сердце сжалось, когда я увидѣла, какъ храмъ оскверненъ: на сажень отъ полу навалено было всякаго мусору. Фрески тогда были явственнѣе видны. Теперь мы пристроили тамъ сторожку; поселила я туда старичка, а то карачаевцы сломали разъ замокъ и унесли изъ храма нѣсколько вещей... Дорогу-то туда мы своими силами разработали, я сдѣлала нивеллировку, сестры и кое-кто изъ богомольцевъ намъ помогли; сами мы и домики эти строили. Здѣсь мы вытерпѣли разъ нападеніе со стороны карачаевцевъ: была произведена у меня потрава: я задержала быковъ. Такъ что же вы думаете? Весь аулъ пришелъ сюда. Я велѣла сестрамъ вооружиться кольями. Мы заперлись въ домѣ и ждали нападенія. Уже стемнѣло. Вдругъ стукъ въ двери! Ну, думаю, насталъ конецъ всѣмъ: карачаевцы ломятся. Стала я читать молитву. «Отворите!» закричали по-русски. Такъ отъ сердца и отлегло. Отворили дверь: то была помощь отъ хумаринскаго пристава, которому я послала тайкомъ записку... Теперь мы живемъ въ ладу: они даже посылаютъ къ намъ своихъ дѣвочекъ, а мы ихъ учимъ рукодѣлью». Офиціально пустынь открыта 8-го октября 1897 года.

Археологическія развѣдки около храма произвелъ В. М. Сысоевъ, членъ московскаго археологическаго общества; съ

помощью нанятыхъ карачаевцевъ, отчасти учениковъ онъ изслѣдовалъ гробницы, сложенныя изъ хорошо отесанныхъ камней; оказалось, что гробница уже давно подверглась грабежу; найденный костякъ былъ въ полномъ безпорядкѣ. Черепъ взяли съ собою. Въ сосѣдней гробницѣ, еще лучше сохранившейся, было найдено около десяти череповъ и множество костей. Одинъ черепъ привлекъ всеобщее вниманіе: на затылкѣ была глубокая впадина съ трещиной, образовавшаяся, по всѣмъ признакамъ, при жизни субъекта отъ сильнаго удара; замѣчательно было то, что скважина начинала уже зарубцовываться, какъ раненый умеръ. Всѣ удивлялись, какъ могъ человѣкъ жить съ такою страшною раною. Черепъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Нѣкоторые брезгливо отвертывались. «Это былъ храбрый князь того селенія, что лѣтъ 700 тому назадъ существовало тамъ внизу, господа!» началъ импровизировать одинъ изъ новорожденныхъ «археологовъ». «А что онъ былъ княземъ, это доказывается тѣмъ, что его похоронили здѣсь и въ гробницѣ: простыхъ смертныхъ сюда, на такую кручь, не носили, а хоронили подъ горою. Вотъ этотъ-то князь отправился на войну: тамъ, въ схваткѣ, его и оглушилъ ударомъ кистеня по шишаку какой-нибудь боецъ; посмотрите: его спасъ шлемъ—не то бы «черепъ врозь раздался», какъ сказалъ дѣдушка Крыловъ. Нашего воина привезли въ забытьи домой, вонъ туда, гдѣ курятся за Тебердой карачаевскія сакли. Жена встрѣтила его съ воплемъ. Старый князь созвалъ знахарей для сына, тѣ стали прикладывать къ головѣ лѣкарственныя травы. Стало князю легче: видите, кость стала срастаться: прошло, стало-быть, около мѣсяца. Но князь ничего не понималъ, ничего не говорилъ; приходилъ къ нему отсюда въ селеніе священникъ, читалъ молитвы— ничто не помогало, и князь такъ въ забытьи и скончался. Съ плачемъ завернули его тѣло въ пестрый коверъ, принесли всѣмъ народомъ сюда и погребли въ этой гробницѣ, по-

ложили съ нимъ лукъ, стрѣлы и саблю. Прошли столѣтія. Его покой караулила эта молчаливая церковь. Пришелъ какой-то дикій народъ, широкоскулый, узкоглазый, сжегъ селеніе, истребилъ мужчинъ, увелъ съ собою женщинъ и дѣтей. И обратились въ пустыню эти лѣсистыя ущелья, пріютъ волковъ и медвѣдей. Прошли еще столѣтія, и показались здѣсь дикіе овцеводы—карачаевцы. Позднѣе появилась здѣсь русская женщина, привела съ собою русскихъ дѣвушекъ, и стали онѣ пустыню обращать въ благословенный край: проводить дороги, завели ферму, огороды, цвѣтники; звуки колокола понеслись по этой голубой долинѣ туда, къ «престоламъ вѣчныхъ снѣговъ». Наконецъ, тутъ разсказчикъ усмѣхнулся, пришли безусые русскіе юноши и потревожили его сонъ.

—«Да вѣдь это же для науки, ὦ θαυμασιώτατε ἄνθρωπε»! сказалъ одинъ изъ слушателей. «Вѣдь только антропологія и археологія и могутъ опредѣлить народность, нѣкогда обитавшую въ этихъ горахъ; съ помощью сравнительной антропологіи могутъ по даннымъ измѣренія черепа опредѣлить принадлежность его къ тому или другому племени. Тебѣ развѣ не любопытно знать, кто здѣсь жилъ? Василій Михайловичъ, смотри, вонъ набралъ штукъ шесть череповъ, пишетъ на нихъ что-то, затѣмъ онъ эти черепа отправитъ въ Москву, гдѣ уже есть и абхазскіе и осетинскіе и адигейскіе черепа, которыхъ лицевые углы и прочія антропологическія особенности уже извѣстны. Эти черепа также подвергнутся тщательнымъ измѣреніямъ, и вдругъ добытыя цифры совпадутъ съ цифрами измѣренія осетинскихъ череповъ. Стало-быть, можно будетъ предположить, что здѣсь жили предки теперешнихъ осетинъ, знаменитые въ исторіи аланы; а если бы В. М. нашелъ бы здѣсь еще и бусы, пуговицы, оружіе, да все это оказалось тожественнымъ съ открытымъ раньше въ Осетіи,—тогда уже и сомнѣнія не будетъ, что здѣсь жили эти самые аланы. Понялъ? Если понялъ, такъ не сентиментальничай».

Въ монастырѣ намъ жилось чудесно: монахини съ охотою стирали намъ бѣлье, пекли хлѣбы, носили молоко; карачаевцы исправно доставляли барановъ по недорогой цѣнѣ. Къ десерту подавались чайныя кружки, наполненныя ярко-красной земляникой, въ изобиліи росшей между сосѣдними кустами. Нѣсколько человѣкъ были посланы, по просьбѣ настоятельницы, побродить съ ружьями по окрестностямъ и попугать волковъ.

Маленькій карачаевецъ—Магометъ Кабаловъ.

Изрѣдка слышались изъ лѣсу выстрѣлы нашихъ охотниковъ, стрѣлявшихъ по сойкамъ, въ изобиліи водившимся здѣсь. Вечеромъ мы были приглашены аульнымъ старшиною на «бурманлыкъ» — званый вечеръ. Намъ были приведены верховыя лошади, и мы торжественно спустились въ долину. Проводникъ провелъ насъ черезъ узкій тупикъ на небольшой дворикъ, окруженный домами на подобіе сараевъ; изъ маленькихъ отверстій, замѣняющихъ двери, выглядывали дѣти и женщины. Хозяинъ насъ пригласилъ въ кунацкую, стѣны

которой были покрыты коврами, увѣшаны оружіемъ, на полкѣ стояла стеклянная и фаянсовая посуда. Прислужникъ принесъ намъ чаю въ грязныхъ стаканахъ, темнаго хлѣба, нарѣзаннаго гигантскими ломтями, и нѣсколько кусковъ холодной баранины. Это угощеніе сдабривалось любезностью хозяина, интересовавшагося нашимъ здоровьемъ. Весь разговоръ шелъ черезъ переводчика, длиннаго черноглазаго юношу, воспитанника кубанской учительской семинаріи. Старшина жаловался намъ на игуменью, будто она хочетъ отнять у нихъ около 3-хъ тысячъ казенной земли подъ выпасъ своего скота. «Теперь намъ некуда дѣваться со своимъ скотомъ: придется переселяться», добавилъ онъ. Черезъ полчаса мы вернулись въ лагерь, предоставивъ лошадей въ распоряженіе любителей верховой ѣзды.

На лужайкѣ, осѣненной буками, на скамейкѣ С. И. Борчевскій и Сопотовъ разложили добытые за день минералы. Были принесены разныя кислоты, и наша многочисленная аудиторія съ интересомъ слѣдила за объясненіями и демонстраціями лекторовъ, поливавшихъ кислотами камни, которые отъ этого шипѣли.

Выступленіе было назначено на утро: всѣ занялись, поэтому, приведеніемъ въ порядокъ своего имущества; чемоданы, сумки увязывались, добытые черепа, кости и мелкіе предметы укладывались въ особый ящикъ; фотографы занялись «проявленіемъ» пластинокъ и «заряжаніемъ» кассетъ.

Въ девять часовъ все спало, кромѣ часовыхъ.

VI.

Отъ Сентовъ до вершины Главнаго хребта
(Клухорскій перевалъ).

Прощаніе съ монастыремъ. „Испанскіе броненосцы“. Аулъ Теберды. Экономическое состояніе тебердинцевъ. Ночлегъ на берегу лермонтовскаго „Джемата“. Приключеніе съ упрямой лошадью. Дачи Кузовлева и Кондратьева. Дегтярное и скипидарное производство. На берегу Гидже-Муруджа. Ночь близъ устья Куначкира. Зубры, серны и туры. Подъемъ на первый перевалъ. Карачаевскій „кошъ“—лѣтовье. Карачаевскія овцы. Встрѣча съ карачаевцами. Озеро тумановъ. У подошвы Главнаго хребта. Прибытіе въ „конторку“. Горные ландшафты.

Настало утро, теплое, солнечное. На росистой лужайкѣ закипѣла жизнь: около телѣгъ вился тонкой струйкой дымокъ — готовился чай; фыркали отдохнувшія лошади, шумѣли и рвались въ путь бодрые путеше-

ственники; въ сторонѣ блеялъ баранъ. Послѣдній визитъ къ настоятельницѣ, наилучшія пожеланія,—и выстроившіеся юноши продефилировали передъ группой монастырскихъ обитательницъ, вѣжливо приподымая фуражки. Едва загремѣлъ нашъ барабанъ, какъ вблизи загудѣлъ большой колоколъ, ему весело отвѣтили колокола сверху, и торжественный перезвонъ понесся далеко по глубокому ущелью. Мы были уже внизу, въ верстѣ отъ монастыря, а звонъ все еще дрожалъ въ воздухѣ: настоятельница любила, по ея словамъ, наслаждаться звономъ колоколовъ. «Подойду, когда очень скучно станетъ, когда всѣ дѣла передѣлаешь, подойду и начну звонить,—и на душѣ легче станетъ: глушь ужъ очень здѣсь большая», говорила она.

Дорога шла будто по парку: высокіе буки, чинары, дубы осѣняли насъ; по скаламъ уже стояли группами стройныя сосенки; изъ каждаго ущелья выбѣгалъ бѣлый потокъ и съ разбѣгу бросался въ прозрачную Теберду. Черезъ полчаса насъ обогнала почтовая телѣжка съ В. М. Сысоевымъ и матерью Екатериной: они ѣхали осматривать затерянную въ лѣсу на горной вершинѣ древнюю разрушенную уже часовню. Скоро ущелье раздвинулось. Вдали сверкнуло серебро снѣговыхъ горъ; синѣли ущелья, ближе скалистыми уступами громоздились горы; высокія сосны съ зонтиковидными вершинами чинно стояли рядами. Пройдя еще нѣсколько верстъ, мы увидѣли на лужайкѣ, у самой рѣки, среди высокой травы распряженную телѣгу. Ямщикъ указалъ направленіе, по которому отправились на гору наши изслѣдователи старины. Гуськомъ поднялись мы на первую террасу, прокладывая себѣ путь въ высокой, по грудь, травѣ.

— «Степь чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе»... началъ кто-то сзади меня, пробираясь «по зеленой дѣвственной пустынѣ». Вокругъ насъ, дѣйствительно, «брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ», на ихъ длинныхъ стебляхъ кача-

лись пчелы, кое-гдѣ сверкала крыльями бабочка, тоже похожая на летающій цвѣтокъ. Голова Телѣги, нашего энтомолога, показывалась тамъ и сямъ. Однако неутомимый В. М. Сысоевъ и энергичная старушка-настоятельница нигдѣ не обнаруживали своего присутствія, несмотря на наши дружные, по командѣ, крики. Миллеръ затрубилъ, я выстрѣлилъ—и ни звука въ отвѣтъ, только пчелы жужжали вокругъ. Тщательный осмотръ окрестностей въ бинокль не открылъ присутствія ни одного живого существа. Вернувшись къ обозу, я велѣлъ отпрячь лошадей и готовить обѣдъ. Пока же «общество» расположилось на травѣ подъ деревьями, у самаго берега рѣки; съ кусками бутербродовъ въ рукахъ, всѣ въ линію расселись у воды; она кипѣла буграми, милліарды пузырьковъ обращали рѣку въ бѣлую поверхность, надъ которой съ шипѣніемъ взлетали струи ледниковой воды; часто слышались какіе-то глухіе раскаты: то ударялись другъ о друга катившіеся по дну рѣки камни—кругляки.

Покатилову пришло въ голову развеселить пуще плескавшуюся у рѣчки компанію. Пройдя сотню шаговъ вверхъ по теченію, онъ столкнулъ въ воду сваленное бурею дерево.

— Караульте! броненосецъ идетъ! извѣстилъ всѣхъ его трубный гласъ.

— Батарея, приготовься! Паръ двадцать пять рукъ уже держали по булыжнику.

— Идетъ! идетъ!

Изъ-за мыса показалось, ныряя и вздрагивая сухими вѣтками, большое полусгнившее дерево и быстро понеслось въ стремнинѣ. Камни полетѣли тучей въ «испанскій броненосецъ», какъ его окрестили самозванные «американцы»; снопами летѣла вверхъ вода, камни рикошетировали, глухо барабанили по дереву. Стонъ и вопль стоялъ въ воздухѣ. Еще мгновеніе, и «броненосецъ» былъ внѣ сферы выстрѣловъ.

— Караульте!! донесся издалека отчаянный вопль Покатилова.

«Публика» притаилась, ждетъ. Дерево ближе, ближе. Залпъ, вой и вопль. Самые степенные изъ юношей до нельзя увлеклись забавой: раскраснѣлись, суетились, бѣжали по берегу, стараясь на перебой попасть лишній разъ въ уплывавшее бревно.

Черезъ полчаса вернулась археологическая коммиссія, видимо, уставшая. Мать Екатерина красная, запыхавшаяся, съ трудомъ опустилась на разостланную бурку.

Мы ей предложили раздѣлить съ нами обѣдъ, но она спѣшила въ монастырь: «дѣла ждутъ—нельзя; и рада бы—хозяйскій глазъ вездѣ нуженъ».

Снявъ шапки, всѣ съ ней низко раскланялись, провожая ее. Она сѣла въ свою телѣжку и быстро скрылась за деревьями.

Мы собрались уже обѣдать, какъ гдѣ-то звякнулъ опять колокольчикъ, и изъ-за этихъ же деревьевъ выкатилась такая же телѣжка, только на ней сидѣлъ уже г. Шмыткинъ. Онъ пріѣхалъ «узнать о нашемъ здоровьи.» Встрѣченъ онъ былъ, какъ старый знакомый. Послѣ обѣда я съ г. Шмыткинымъ поѣхали впередъ въ аулъ Теберды, чтобы условиться относительно найма вьючныхъ лошадей для перевала въ большой Карачай и пригласить проводника для дальнѣйшаго восхожденія на вершину Главнаго хребта, къ Тебердинскому горному озеру. Быстро проѣхали мы широкой долиной къ небольшому аулу, пріютившемуся у подножья гигантскаго хребта: по мѣрѣ приближенія къ Главному хребту, всѣ направленные къ нему подъ прямымъ угломъ горные хребты постепенно увеличиваются въ своихъ размѣрахъ и, наконецъ, незамѣтно сливаются съ магистральной линіей.

Въ «правленіи» насъ встрѣтили старшина и писарь. Мнѣ нужно было нѣсколько фунтовъ стеариновыхъ свѣчей: при-

глашенный приставомъ горскій еврей-лавочникъ (въ Карачаѣ обычай запрещаетъ туземцамъ торговать,— поэтому вся торговля, преимущественно мѣновая, находится въ рукахъ евреевъ) запросилъ съ меня по 50 коп. за фунтъ.

— Какъ тебѣ не совѣстно драть такую цѣну, когда въ Баталпашинскѣ 26 коп.?! а ты 50!.. сердился приставъ на почтеннаго по наружности, прямо Натана Мудраго, торговца.

— Онъ говоритъ: за перевозку надо же взять, перевелъ намъ старшина отвѣтъ Натана.

Въ концѣ концовъ, онъ согласился сбавить на фунтъ гривенникъ.

Пока мы пили чай, я разспрашивалъ старшину, молодого, смышлёнаго карачаевца, про житье-бытье его одноаульцевъ.

— Ничего: живемъ пока недурно. Только ужъ очень мы глупы: трудно прививается новое дѣло. Напр., вы замѣтили, что нашъ аулъ лишенъ совершенно растительности?

Я посадилъ противъ своей сакли сосенки. Говорю тебердинцамъ: сдѣлайте и вы такъ—тѣнь будетъ. «Хорошо,» говорятъ, и не дѣлаютъ. Дома наши видѣли? Какъ триста лѣтъ назадъ строили, такъ и сейчасъ. [1]) Не лѣчатся и женъ не лѣчатъ. Торговля, сами видѣли, въ рукахъ евреевъ. Земли пахатной у насъ мало; лѣсовъ—порядочно. Но что съ ними дѣлать? Везти?—Далеко. Можно бы было деготь и скипидаръ гнать, а мы только смотримъ, какъ это другіе дѣлаютъ... [2]) Очень мы необразованы, закончилъ горецъ.

Меня удивила, признаюсь, такая ясность взглядовъ. Приставъ, казалось, понялъ мою мысль.

---

[1]) Карачаевскія сакли состоятъ изъ суставчатыхъ срубовъ изъ претолстыхъ бревенъ; крыши земляныя, двускатныя, поросшія густой травою; на вершинѣ подобнаго холма торчитъ, вмѣсто трубы, плетенка, обмазанная глиной.

[2]) Въ нѣсколькихъ верстахъ выше мы встрѣтили два дегтярно-скипидарныхъ завода, инженера Кондратьева и Утякова. И это на весь Карачай!.

— «Онъ очень способный и умный человѣкъ», сказалъ онъ мнѣ, когда старшина вышелъ, чтобы разыскать намъ проводника. «Много у него враговъ: не позволяетъ воровать лѣсъ—сажаетъ и штрафуетъ».

— Какъ бы не убили его.

— Нѣтъ, карачаевцы на этотъ счетъ не мастера: это не закавказскіе татары, а робкіе потомки бѣглецовъ, укрывшихся отъ преслѣдованія въ этой глуши. Украсть, обмануть, солгать—карачаевецъ мастеръ, но на убійство—нѣтъ, онъ не пойдетъ. Въ ссорахъ, правда, убійства случаются; но это дѣло темперамента... Вонъ наши идутъ, замѣтилъ онъ, посмотрѣвъ въ окно. Дѣйствительно, по дорогѣ въ аулъ спускались къ мосту черезъ Теберду бѣлыя точки.

Вотъ всѣ скрылись подъ горою... Прошло четверть часа, и гдѣ-то въ аулѣ послышался рокотъ барабана. Изъ саклей, словно муравьи, вылѣзало населеніе аула и спѣшило на странные звуки. Громъ барабана ближе. Вонъ въ концѣ улицы изъ-за угла показался барабанщикъ, за нимъ сверкнуло на солнцѣ нѣсколько ружей, и, стройно колыхаясь, змѣей потянулись остальные ряды. Сзади, не отставая, гремѣли три высоко нагруженныя телѣги.

Путешественники выпили по стакану чаю, кое-кто побѣжалъ къ Натану Мудрому.

Солнце уже скрылось за высоко врѣзавшейся въ небо горой. Долина темнѣла, и видно было, какъ зубчатая тѣнь подымалась выше и выше по ея лѣвому хребту. Ночлегъ былъ назначенъ на рѣчкѣ Джемаатѣ: оставалось всего $2^1/_2$ версты, которыя мы должны были пройти быстро, чтобы еще засвѣтло разбить нашъ лагерь. Звуки корнета понеслись въ тихомъ воздухѣ, пролетѣли надъ ауломъ, долетѣли до скалъ за рѣкою и вернулись къ намъ слабымъ эхомъ. Всѣ быстро собрались, и мы тотчасъ же выступили дальше. Широкая долина слегка повышалась; кое-гдѣ попадались холмики, груды

камней, нигдѣ ни кустика ни дерева: видно было, что нѣкогда здѣсь были поселенія. И все исчезло, а имя географическое «Теберды» осталось. Нѣтъ ничего консервативнѣе географической номенклатуры: имена эти часто переходятъ безъ измѣненія отъ одного народа къ другому—вспомните имена Москвы, Кавказа: часто языкъ исчезаетъ, народъ стирается съ лица земли, а географическое имя остается невредимымъ и, словно маякъ, бросаетъ снопъ лучей въ сумрачную даль древности.

Ночь быстро наступала. Впереди голубая дымка уже протянулась надъ лѣсами. Розовые огни пока еще горѣли на колоссальной снѣговой вершинѣ Аманъ-ауза, уже видны были синѣющіе ледники. Одинокая сосна, росшая близь дороги, красиво рисовалась на свѣтломъ фонѣ горнаго ландшафта своею зонтичною кроною, краснымъ прямымъ стволомъ. Мы подошли къ ущелью; оттуда подулъ легкій вѣтерокъ; съ шумомъ выбѣгала бѣлая рѣчка: то былъ бѣшеный Джемаатъ. Милліарды крупныхъ пузырьковъ, эта кипящая прозрачная вода производили впечатлѣніе потока зельтерской воды, выпущенной чьей-то могучею рукою тамъ гдѣ-то, въ ущельи, изъ гигантскаго сифона.

— Чжуръ Джемаатъ чохъ яхши, [1]) говорилъ нашъ проводникъ. На лужайкѣ близъ рѣки мы указали мѣсто для лагеря. Мигомъ закипѣла работа: рылись ямки для столбовъ, стучали топоры; забѣлѣли временные дома; запылалъ костеръ, огонь котораго, по мѣрѣ того какъ приближалась ночь, сверкалъ все ярче и ярче. Звѣзды сіяли здѣсь еще ярче, чѣмъ въ Хумарѣ: мы были на высотѣ уже 5 тысячъ футовъ. Къ десяти часамъ лагерь затихъ: утомленные жаркимъ днемъ, усыпленные говоромъ потока юноши спали крѣпкимъ, здоровымъ сномъ. Вокругъ палатокъ и обоза ходили часовые.

— Многіе-ли знаютъ родину лермонтовскаго Хаджи-абрека? думалось мнѣ. Насколько помню, никто изъ лермонтов-

[1]) Вода въ Джемаатѣ очень хороша.

скихъ комментаторовъ не указалъ на мѣсто нахожденія аула Джемата, имя котораго извѣстно каждому гимназисту. Кто не декламировалъ звучныхъ стиховъ:

Великъ, богатъ аулъ Джематъ.
Онъ никому не платитъ дани,
Его стѣна—ручной булатъ,
Его мечеть—на полѣ брани,
Его свободные сыны
Въ огняхъ войны закалены;
Дѣла ихъ громки по Кавказу,
Въ народахъ дальнихъ и чужихъ,
И сердца русскаго ни разу
Не миновала пуля ихъ..?

Мы остановились на мѣстѣ этого нѣкогда знаменитаго

аула, населеннаго абреками изъ абхазскаго воинственнаго племени цебельдинцевъ, живущихъ по ту сторону горъ и до 60-хъ годовъ упорно сопротивлявшихся русскимъ. Лѣтъ 40—50 назадъ, говорить мѣстное преданіе, аулъ посѣтилъ моръ и унесъ большую часть жителей. Дѣйствительно, за Джемаатомъ мы увидѣли на другой день обширное кладбище, огороженное изъ чувства благочестія карачаевцами; версты на полторы мы видѣли кучи камней, остатки бывшихъ саклей. Слава о джемаатскихъ удальцахъ далеко распространилась. Шагахъ въ двухстахъ отъ нашего лагеря карачаевцы показали намъ двѣ гробницы. «Это сыновья князя джемаатскаго Чепелю Урусбіева—Эль-мирза и Алхазъ; знаменитые джигиты были,» говорили карачаевцы. «А отецъ ихъ старый князь Урусбіевъ былъ самый умный, самый храбрый джигитъ». Когда его сыновья умерли отъ страшной болѣзни, старый князь бросилъ это мѣсто и пошелъ подъ Эльбрусъ, гдѣ и поселился въ теперешнемъ Урусбіевскомъ аулѣ».

По разсказамъ баталпашинскаго старожила, полковника Кузовлева, Урусбіевы посѣщали русскій лагерь, и Лермонтовъ, жившій «на линіи» и въ Пятигорскѣ, могъ слышать и отъ нихъ кровавый сюжетъ своей поэмы. Что-же касается разницы въ произношеніи между тебердинскимъ Джемаатомъ и лермонтовскимъ Джематомъ, то ее легко объяснить условіями стиха: Лермонтовъ практиковалъ иногда стяженіе двухъ гласныхъ: напр., Бешту, вмѣсто Бештау. Теперь все «поросло травой забвенья», и имя аула должно навсегда сохраниться въ великолѣпныхъ стихахъ поэта:

Сюда, наѣздники Джемата!
Откройте удаль мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?...

Sic transit, подумалъ я, когда вышелъ въ полночь изъ палатки. Темныя фигуры часовыхъ, закутавшихся въ бур-

ки и неподвижно стоявшихъ, зашевелились. Вдали надъ Тебердой лежалъ густой туманъ; изъ джемаатскаго ущелья тянулъ холодный ночной вѣтерокъ. Температура низко упала, даже въ 7 часовъ утра было 7° С. Въ палаткѣ учениковъ, наглухо закрытой, было тихо и тепло.

— Озябли? спрашиваю часовыхъ.

— Да, есть немного! улыбаясь и пожимаясь отъ холода, отвѣчали они. Скоро смѣнимся.

— Спать хотите?

— Нѣтъ. Мы съ вечера уснули два часа—не хочется.

— Ничего подозрительнаго не замѣтили?

— Нѣтъ, только четыре карачаевца проѣхали верхомъ.

Я находилъ весьма полезнымъ полувоенный режимъ, котораго держался. Для насъ весьма легко было подражать пріемамъ русскихъ солдатъ—завоевателей этихъ самыхъ горъ, ибо почти всѣ изъ насъ были кавказскими уроженцами, сыновьями, внуками этихъ завоевателей, всѣ читали исторію Кавказской войны, всѣ слышали много драматическихъ разсказовъ изъ устъ участниковъ кровавой борьбы съ горцами. Всякій изъ насъ понималъ, что эта война заставила выработать цѣлесообразные способы путешествія въ горахъ, среди инородцевъ, а слѣдовательно, сознавалъ необходимость ими пользоваться. Понятно, поэтому, почему у насъ по ночамъ были часовые по всѣмъ правиламъ воинскаго устава. Подобный режимъ вносилъ извѣстный порядокъ въ общую жизнь экспедиціи. Всякій съ удовольствіемъ и внимательно исполнялъ возложенное на него порученіе, чувствовалъ себя тѣсно связаннымъ съ этой маленькой группой людей, затерянной въ глубинѣ Кавказскихъ горъ. Съ чувствомъ благоговѣнія каждый вступалъ на часы, понимая, что въ этотъ полуночный часъ его вниманію поручено спокойствіе, а можетъ-быть, и жизнь спящихъ глубокимъ сномъ товарищей; несомнѣнно, теперь-то впервые зарождалось въ глубинѣ молодой души ча-

сового *отеческое* чувство къ этимъ молчаливо лежащимъ, закутаннымъ въ плащи юношамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это сознаніе возлагаемой серіозной обязанности, въ связи съ таинственностью полуночныхъ или предразсвѣтныхъ часовъ въ лѣсу, въ горахъ, и было причиной того, что мнѣ приходилось уже наблюдать очередь при назначеніи «на часы»: такъ много было желающихъ караулить лагерь.

Востокъ уже алѣлъ, когда я вторично проснулся. Облачка, надувшись, словно паруса, плыли по склонамъ близкихъ и высокихъ горъ. Барабанъ пробилъ „зорю". Густой дымъ костра столбомъ подымался перпендикулярно и на высотѣ саженей десяти тянулся въ сторону. Всѣ горы были еще сини; высокія облака начинали горѣть розовымъ огнемъ. Умывшись холодной водой Джемаата, закусивъ и напившись чаю, мы покинули мѣсто ночлега. Едва мы перешли черезъ мостъ, какъ я принужденъ былъ дать сигналъ къ остановкѣ: большая бѣлая лошадь, ходившая раньше „подъ верхомъ", а теперь везшая одну изъ нашихъ телѣгъ, заупрямилась и, несмотря на удары, не хотѣла итти, взвивалась на дыбы, била задними ногами. Кое-какъ, подталкивая телѣгу сзади, поднялись на пригорокъ. Лошади побѣжали. „Ура! перестала упрямиться! теперь пойдетъ! это она со сна!" шутили мальчики, бѣгомъ сопровождая телѣгу со злополучною лошадью. Дорогу пересѣкалъ широкій и топкій ручей, одинъ изъ многочисленныхъ искусственныхъ ручьевъ, орошавшихъ поляну. Вдругъ по самой срединѣ его телѣга съ упрямой лошадью крякнула и остановилась. Возница выбился изъ силъ: снявши обувь, онъ полѣзъ въ холодную, какъ ледъ, грязь, но усилія одного человѣка не могли сдвинуть высоко нагруженную телѣгу, по ступицы завязшую въ грязи. Я велѣлъ Корнѣю пропустить подъ телѣгу запасную веревку, по дышлу, и закрѣпить ее. Длинный оставшійся конецъ подали намъ, и десятка два рукъ ухватились за нее и потянули; веревка натянулась, какъ стру-

на, и грозила лопнуть: пришлось пропустить еще одну. „Теперь выдержитъ!“ кто-то одобрительно замѣтилъ. „Разъ!два!“— и мы дружно потянули. Возъ колыхнулся и выкатился на берегъ. Не выпуская изъ рукъ длинной веревки, мы бѣжали передъ возомъ, и упрямая лошадь «силою обстоятельствъ» была увлекаема нами вмѣстѣ съ возомъ: сначала она нехотя переставляла ноги, затѣмъ увлеклась и охотно повезла телѣгу. Однако, я рѣшилъ сложить на дачѣ г. Кондратьева часть вещей и разстаться съ безпокойнымъ животнымъ, къ крайнему сожалѣнію ея хозяина.

Скоро мы вышли изъ веселаго бѣло-зеленаго березняка и вступили въ царство темнозеленыхъ соснъ и стройныхъ величественныхъ пихтъ. Остановившись отдохнуть на одной полянкѣ, мы и не подозрѣвали, что расположились близъ культурнаго уголка. Болѣе десяти лѣтъ назадъ бывшій баталпашинскій уѣздный начальникъ полк. Кузовлевъ построилъ здѣсь большую двухъэтажную съ мезониномъ дачу; сюда стали пріѣзжать слабогрудые и чахоточные. Дѣйствительно, это мѣсто могло быть превосходной климатической станціей: климатъ ровный, вѣтровъ мало, чудесный горный воздухъ, напоенный испареніями дѣвственныхъ сосновыхъ и пихтовыхъ лѣсовъ. Пройдя саженей 50, мы очутились на аллеѣ, осѣненной высочайшими мачтовыми соснами, слѣва на дорогу лился серебристыми струями ручей. У всѣхъ неожиданно вырвался крикъ восторга: въ рамкѣ изъ двухъ гигантскихъ пихтъ блеснуло небольшое озеро, въ стеклѣ котораго, словно сказочный дворецъ, отражалась красивая со шпицами и балконами дача г. Кузовлева; у противоположнаго берега стояла лодочка. Озеро было прозрачное и темное; окрестныя сосны силились закрыть его глубину отъ жаркихъ лучей солнца, уже вышедшаго изъ-за зубчатыхъ скалистыхъ вершинъ. Призывный свистокъ остановилъ укатившій впередъ обозъ. Мы хотѣли осмотрѣть зарождающійся курортъ, нѣсколько оправить-

ся, познакомиться съ дегтярнымъ и скипидарнымъ производствомъ. Необыкновенно пріятное впечатлѣніе производятъ эти культурные уголки среди дикой природы, среди страны дикарей-пастуховъ. Мнѣ невольно пришли на память англійскіе resthus, устроенные, по словамъ д-ра Елисѣева, по всей Индіи и Цейлону: это небольшія гостиницы—постоялые дворы, снабженные всѣмъ необходимымъ, вполнѣ благоустроенные; въ resthus можно заказать обѣдъ, закуску, чай, получить небольшую комнатку, снабженную кисейнымъ пологомъ, умывальникомъ, бѣльемъ; но заживаться въ нихъ болѣе 3 сутокъ не полагается. За все забранное, какъ и за ночлегъ, платится по особой вывѣшенной на видномъ мѣстѣ таксѣ.

Безъ сомнѣнія, настанетъ время, когда локомотивъ, выбрасывая облака пара, съ шумомъ промчится по этой тихой долинѣ, пролетитъ въ тоннелѣ подъ нависшими снѣгами и ледниками Аманъ-ауза (Злой ротъ) и спустится въ роскошную подтропическую область Сухума; настанетъ время, когда за локомотивомъ потянутся «предприниматели», и не одинъ отель для слабогрудыхъ забѣлѣетъ между красными соснами и темными пихтами,—пока же русскіе мальчики должны надѣяться на собственныя силы, рискуя оставаться на ночь подъ дождемъ въ виду казенной пустой казармы для рабочихъ, которую не рѣшается отпереть дорожный мастеръ «безъ записки инженера», какъ это чуть было не случилось съ нами на Клухорскомъ перевалѣ, въ сосѣдствѣ снѣга и ледниковъ. Но объ этомъ далѣе. Теперь мы встрѣтили на дачѣ г. Кондратьева, сосѣдней съ кузовлевской, самый радушный пріемъ; хозяинъ, нашъ старый знакомый, предложилъ ученикамъ къ чаю душистаго меду, добытаго его пчелами съ окрестныхъ альпійскихъ луговъ. Полакомившись медомъ, закусивъ и напившись чаю, мы осмотрѣли производство дегтя и скипидара. Нѣсколько карачаевцевъ занимались трудной работой распиливанія большою пилою сосновыхъ пней; размельченные въ

щепки, они кладутся въ печь, наглухо закрываемую; печь снизу подогрѣвается; пары, проходящіе изъ печи по трубамъ въ чанъ съ водою, охлаждаются и, въ видѣ дегтя и воды, стекаютъ по жолобу въ бочки; то же продѣлывается и для добыванія скипидара, только сосновые пни замѣняются уже березовою корою.

Впервые у насъ оказался больной—Баженовъ (IV кл.): онъ чувствовалъ сильную головную боль и жаръ: на сцену немедленно же явилась походная аптечка: пріемъ фенацетина и холодные компрессы облегчили головную боль; чай съ виномъ, а затѣмъ бурка вызвали обильную испарину, и къ вечеру больной совершенно выздоровѣлъ; причиною заболѣванія было, очевидно, холодное утро, проведенное нами на Джемаатѣ, несмотря на то, что всѣ, по отданному съ вечера приказанію, были въ зимнихъ блузахъ, пальто и буркахъ. Сложивъ вещи въ пустой комнатѣ дома г. Кондратьева, заказавъ нѣсколько пудовъ хлѣба, который мы должны были взять на обратномъ пути, мы, въ сопровожденіи хозяина, вышли на прежнюю дорогу къ водопаду. По приглашенію пристава, мы зашли на сосѣднюю дачу, гдѣ г-жа Потапова, супруга инспектора баталпашинскаго училища, угостила насъ айраномъ, вкуснымъ кислымъ напиткомъ изъ коровьяго молока, похожимъ на кефиръ. Освѣжившись еще разъ, мы продолжали путь. Молочно-бѣлыя, пушистыя облака высоко плыли по воздушной синевѣ. Вѣтра не было. Сосны стояли неподвижно; длинныя мохнатыя лапы ихъ тянулись другъ къ другу черезъ узкую дорогу, то подымавшуюся вверхъ, то спускавшуюся къ рѣчкѣ, шумѣвшей за деревьями. Мы встрѣтили пожарище. Длинные черные стволы сосенъ лежали среди молодыхъ побѣговъ, словно обгорѣлые трупы великановъ, и протягивали въ сторону зеленѣющихъ собратьевъ, стѣною стоявшихъ вдали, свои черныя, какъ смола, руки. Мы то скрывались въ чащѣ, то выходили на поляну. Кое-гдѣ видны были свѣжесрубленныя сосны для сплава по Тебердѣ. Въ сторонѣ отъ до-

роги, въ чащѣ мелькнулъ „базъ“, загородка для скота, куда карачаевцы загоняютъ иногда телятъ; повѣяло запахомъ скота и навоза. Всѣ бодро шагали впередъ. Чувствовалось, что мы въ сердцѣ горной пустыни, что жилища людей остались уже далеко позади, и мы должны надѣяться на себя; чувствовалось, какъ васъ обнимаетъ природа: что-то счастливое, чарующее вливалось въ душу, васъ неудержимо влекла къ себѣ мощь природы; грудь глубоко дышала, словно хотѣла, чтобы до тайниковъ ея достигъ этотъ смолистый воздухъ.

Впереди мелькнуло нѣсколько коровъ. У кого-то явилась мысль пошутить и погнать ихъ дальше: коровы, небольшія, поджарыя, съ короткими острыми рогами, сначала бѣжали впереди, но затѣмъ ловко взобрались на крутизну, нависшую на дорогу; неугомонные мальчики согнали ихъ оттуда и до тѣхъ поръ регулировали ихъ движенія, пока животныя не подчинились человѣку и не побѣжали по дорогѣ.

— Каково-то ихъ доить будемъ? спрашивали любители молока.

— Ни за что не удастся это безъ телятъ, да и опасно: рога острые.

Въ лѣсу встрѣтили чернобородыхъ карачаевцевъ пасшихъ стадо.

— Айранъ варъ? спрашиваемъ.

— Варъ, варъ, отвѣчаютъ, и приносятъ въ небольшомъ козьемъ мѣхѣ айранъ; развязавъ одну изъ ножекъ, лѣсной человѣкъ наполнилъ кружку напиткомъ, похожимъ на сметану. Айранъ оказался старымъ и очень кислымъ: мы его не купили. Жара усиливалась. Усталость давала себя знать. Приближался обѣденный часъ. Далеко въ лѣсу послышался шумъ водопада. То была рѣчка Гидже-Муруджа. Остановившись на переброшенномъ черезъ нее мосту, мы не могли слышать разговора сосѣда: такъ былъ силенъ ревъ потока. Выбравъ лужайку, осѣненную гигантскими пихтами, мы разо-

стлали цыновки, на которыхъ съ радостнымъ рычаніемъ разлеглись путешественники, но сейчасъ же вскочили и съ громкими криками накинулись на рдѣвшую среди зелени землянику: чайныя кружки быстро наполнились; многіе, насытившись, набрали еще на десертъ, принесли намъ; кое-кто вскрикивалъ, когда за ногу (многіе сняли обувь) кусали большіе черные муравьи; земляники было такъ много, что не нужно было переходить съ мѣста на мѣсто: стоило прилечь, и класть въ ротъ. Пригнанныя нами коровы остановились близъ лагеря и принялись пастись. Мальчики разбрелись по лѣсу, вверхъ и внизъ по ручью; фотографы отправились снимать виды. Обѣдъ, состоявшій изъ щей съ бараниной, рагу съ картофелемъ, десерта, монпансье и земляники, кружки чая, былъ конченъ къ 4 часамъ. Понѣжившись еще около часу среди этой чудной природы, мы двинулись дальше по сосновой и пихтовой аллеѣ. Кто пѣлъ, кто подбиралъ землянику; Сопотовъ, по обыкновенію, читалъ лекцію по геологіи. Солнце рано скрылось за высокія горы сузившагося ущелья. Лѣсъ погружался въ тѣнь. Пора была подумать о мѣстѣ ночлега. По словамъ нашего проводника, симпатичнаго молодого карачаевца, все время ѣхавшаго на бѣлой лошади, недалеко должна была быть такъ называемая «Круглая поляна». Справившись съ картою, мы увидѣли, что это урочище находится недалеко отъ сліянія Теберды съ Кувачкиромъ, вверхъ по которому мы должны были подыматься до конечнаго пункта нашего путешествія по Малому Карачаю, Клухорскаго перевала (9600 ф.), находящагося въ 20-ти верстахъ отъ устья этой рѣчки.

Дневной жаръ смѣнился пріятной свѣжестью. Дышалось легко, хотѣлось пѣть. Кто-то догадался, затянулъ, остальные подхватили, и стройные звуки покатились впередъ, понеслись за рѣку, подымались вверхъ къ скаламъ, призывали отставшихъ; даже нашъ поваръ Ѳедотъ не выдержалъ и присоединилъ свой теноръ къ хору. Чувствовалось полное сближеніе.

родственность: каждый понималъ, какъ жутко было бы итти одному, и невольно съ благодарностью, съ чувствомъ искренняго довѣрія взглядывалъ на группу въ 35 человѣкъ. Внезапно мы вышли на большую поляну: высокіе старые буки,

Въ лѣсу близъ р. Куначкира.

сосны, березы, пихты окаймляли ее со всѣхъ сторонъ: поляна, дѣйствительно, оправдывала названіе «Круглой». Посреди нея росло нѣсколько деревьевъ. Слѣва высилась гигантская стѣна скалистаго отрога. Приказавъ разбивать палатку, я счелъ нужнымъ извѣстить о нашемъ приходѣ четвероногихъ обитателей этихъ сумрачныхъ дебрей, среди которыхъ мы должны были провести ночь, и позволилъ, подъ своимъ наблюденіемъ, выстрѣлить вверхъ, въ скалу, нѣсколько разъ изъ берданокъ и магазинокъ; выстрѣлъ за выстрѣломъ гремѣлъ и умиралъ вдали въ ущельяхъ, во мглѣ.

— Кто хочетъ костеръ разводить—за дровами!

Человѣкъ пятнадцать сейчасъ отправились въ лѣсъ за валежникомъ, и скоро посреди поляны воздвигся костеръ, годный для сожженія древняго русса съ его ладьей. Въ темнотѣ бѣлѣла большая палатка, около обоза готовился чай.

— Зажигать костеръ! крикнулъ Покатиловъ. Тотчасъ же огромное пламя длинными языками взвилось до половины бука, стоявшаго близъ костра; тысячи золотыхъ пчелъ летѣли въ темнѣющую высоту неба; огонь трещалъ и шумѣлъ, ярко освѣщенныя фигуры юношей, словно въ каннибальскомъ танцѣ, окружали костеръ. У другого бука С. И. Борчевскій собралъ свой хоръ.

Засвистали козаченьки въ походъ съ полуночи,—
Заплакала Марусенька свои ясны очи!...

полилась малороссійская пѣсня, ее смѣнила другая, третья. Пѣли около часу. Затѣмъ костеръ погасъ, пѣсни смолкли, лагерь заснулъ, лѣсная тишина вступила въ свои права, только шаги часовыхъ шуршали въ травѣ; рѣдкія звѣзды мигали въ черныхъ прогалинахъ между тучъ.

Настало утро, сѣрое, мокрое, но теплое. Роса крупными каплями покрывала листья. Тихо стояли колоссальныя, съ глубокими трещинами, сѣдыя скалы, тихъ былъ вѣковой лѣсъ; изрѣдка между деревьями мелькала красноносая альпійская галка да высоко надъ ущельемъ плавно пролеталъ орелъ, ища себѣ завтрака. Густыя облака дыма неслись прямо вверхъ.

— Сегодняшній день будетъ хорошъ, замѣтилъ кто-то: дымъ идетъ прямо—хорошая погода.

— Не хвались еще заранѣ:
Вонь на югѣ-то, въ туманѣ.
Что-то видно, братъ,—пародировалъ другой изъ лермонтовскаго „Спора“.

Въ самомъ дѣлѣ, на югѣ изъ ущелій лѣзли массами облака, закрывая льды и утесы горъ. Непромокаемые плащи

и бурки пришлось положить поверхъ возовъ, чтобы имѣть ихъ подъ рукою. Передъ выступленіемъ устроили стрѣльбу въ цѣль: огромное бѣлесоватое безъ коры дерево служило мишенью. Студентъ Сопотовъ тщательно отмѣчалъ каждый удачный выстрѣлъ; наконецъ, былъ сдѣланъ дружный залпъ изъ шести ружей. Пороховой дымъ медленно таялъ въ воздухѣ; изъ ущелій донеслись слабые отвѣтные залпы. Корнетъ запѣлъ: телѣги, перекачиваясь, выѣхали на ровную дорогу, и мы опять вступили въ лѣсъ, который съ каждою минутою дѣлался вся гуще и диче. Мы покинули теперь долину Теберды и взяли влѣво, въ узкое ущелье Куначкира, падавшаго съ высоты 9500 футовъ; рокотъ, шипъ и гулъ рѣчки теперь на три дня долженъ былъ быть нашимъ спутникомъ. Дорога то спускалась къ самой водѣ, то подымалась на огромную высоту. Впереди насъ ожидалъ небольшой, но трудный перевалъ.

По ту сторону потока подымался дѣвственный вѣковѣчный казенный хвойный лѣсъ. Только нога рѣдкаго въ этихъ мѣстахъ охотника бродила по этимъ дебрямъ.

— Тамъ много есть домбай, [1]) сообщилъ намъ нашъ проводникъ, указывая на лѣсистыя пространства. Однако, говорятъ, что зубръ перекочевалъ отсюда и начинаетъ водиться только съ верховьевъ р. Марухи и далѣе на западъ, до истоковъ р. Бѣлой. Кавказскій зубръ — большое животное, напоминающее бизона; у самцовъ густая грива, которая въ періодъ линянія — конецъ мая и начало іюня — почти отсутствуетъ; живутъ кавказскіе зубры обыкновенно небольшими группами, головъ 6—8; старые быки держатся, впрочемъ, чаще штуки по 2 вмѣстѣ или же поодиночкѣ. Питаются зубры травой, корою осины, вербы, ольхи, пихты; кромѣ того, они поѣдаютъ въ большомъ количествѣ листья папоротниковъ, которые не ѣстъ ни одно изъ водящихся здѣсь животныхъ; поэтому,

---

[1]) Зубръ.

встрѣтивъ въ лѣсу объѣденные папоротники, охотникъ можетъ смѣло сказать, что въ немъ водятся зубры; зубры любятъ соленую воду и къ соленымъ источникамъ издалека прокладываютъ свои тропы. Зубрята *рождаются въ концѣ мая.* Живутъ зубры преимущественно въ лѣсахъ, но часто выходятъ на ихъ опушки и поляны; отдыхать они любятъ подъ густыми, тѣнистыми елями, а также на разрыхленной и непокрытой травой землѣ у *корней вывороченныхъ бурею* деревьевъ. [1]) Въ проходимой нами мѣстности, по разсказамъ карачаевцевъ, водится множество сернъ и туровъ; послѣдніе ростомъ съ молодого быка, отличаются огромными рогами, два *экземпляра* которыхъ мы *затѣмъ пріобрѣли* въ Большомъ Карачаѣ; эти роги служатъ животнымъ въ качествѣ *пружинъ:* при прыжкѣ съ большой высоты туры, говорятъ, стараются упасть на рога, которые смягчаютъ силу удара; туры бродятъ стадами, штукъ *по* 40, подъ предводительствомъ стараго быка, по неприступнымъ скаламъ и съ *изумительной* быстротою скрываются изъ глазъ неосторожнаго охотника.

Сталъ накрапывать дождь, когда мы подошли къ Кувачкирскому перевалу: *намъ предстояло* подняться на высоту 600 футовъ. Дорога, удовлетворительная до *этого* мѣста, здѣсь доставила намъ нѣсколько непріятныхъ минутъ. Представьте себѣ почти отвѣсную гору, на которую въ нѣсколько зигзаговъ *взбирается* узкая дорожка: разъѣхаться никакъ нельзя; но съ этимъ мириться, *пожалуй, можно;* но что было для насъ неудобно — это невозможность свободно проѣхать на поворотѣ: приходилось всему нашему народу хвататься за заднія колеса, за задки *нашихъ* тяжелыхъ телѣгъ и, при дружныхъ крикахъ, напрягая всѣ силы, заносить эти задки въ сторону; тогда только телѣга могла двигаться къ слѣдующему повороту, гдѣ продѣлывалась та же исторія. Поднав-

[1]) Н. Динникъ. Нѣсколько словъ о Кавказскомъ зубрѣ. Журналъ „Естествознаніе и географія", 1899, № 2.

шись на высоту, мы думали, что избавились отъ докучнаго рева потока, мѣшавшаго говорить; но скоро пришлось разочароваться: впереди снова послышался приближавшійся шумъ Кувачкира: онъ, вмѣстѣ съ нами, поднялся на высоту; съ громомъ и шипомъ лизалъ онъ бѣлыми языками гладкія черныя скалы глубокой расщелины, прорѣзанной несущейся вѣками водою. Пушистые ковры яркозеленаго мха стлались по его берегамъ и исчезали въ темнотѣ пихтоваго лѣса; иногда лучъ, пробившійся сквозь вѣтви, зажигалъ здѣсь и тамъ изумрудный пламень на этомъ мхѣ, обращалъ въ кучу алмазовъ кипящій водяной бугоръ, скользилъ по отвѣсной стѣнѣ карниза, по которому медленно двигалась наша процессія. Облака низко опустились, или, вѣрнѣе, мы поднялись къ нимъ; видно было, какъ облачко въ одномъ мѣстѣ, гдѣ температура была выше, таяло, въ другомъ, похолоднѣе, мало-по-малу уплотнялось, дѣлалось сѣровато-бѣлымъ и уже въ видѣ тучи плыло, цѣпляясь за зубчатыя вершины пихтъ и елей; здѣсь была колыбель облаковъ и потоковъ. Дождь усилился, но дорога, осѣненная пихтами, была суха. Надвинувъ на глаза капюшоны плащей, блестѣвшихъ отъ дождя, юноши молча шагали, слушая справа неумолчный шумъ воды, а слѣва—таинственную лѣсную тишь. Я послалъ нашего проводника купить гдѣ-нибудь на «кошѣ» барана. Онъ весело улыбнулся, съ видимымъ удовольствіемъ взмахнулъ плетью, и исчезъ за поворотомъ: ему, очевидно, наскучило ѣхать шагомъ вслѣдъ за нами. Сдѣлавъ десятиминутную остановку, мы закусили хлѣбомъ съ сыромъ и двинулись дальше. Дождь пересталъ.

Вышли на большую поляну; здѣсь увидѣли гигантскій монолитъ съ большою природною пещерою, свалившійся, можетъ-быть, во время вздрагиванія Кавказа при изверженіяхъ Эльбруса. Далѣе, въ лѣсу, мы отыскали слѣды древняго поселенія: курганы, насыпи. Вдругъ въ лѣсу залаяла собака, къ ней присоединился, словно серебряный колокольчикъ, лай

щенка; мы подошли къ карачаевскому «кошу», лѣтовью. Тамъ что-то варили: или айранъ, или сыръ. Мы увидѣли нѣсколько длинныхъ закопченныхъ сараевъ, безъ оконъ, съ земляной крышей, сложенныхъ изъ длинныхъ пихтовыхъ бревенъ. Въ этихъ лачугахъ карачаевецъ проводитъ съ семьею мѣсяца 4—5 въ году. Иногда онъ бываетъ вынужденъ переходить со своимъ скотомъ съ одного мѣста на другое; тогда все имущество тянется на первобытной арбѣ, которая, скрипя, подымается Богъ знаетъ на какія высоты. По пріѣздѣ на мѣсто, горецъ вбиваетъ въ землю три палки и накидываетъ бурку съ сѣверной стороны,—это будетъ жилище; затѣмъ вбивается 4 кола и кладется деревянная жердь—„четынъ;“ тутъ же раскладывается кошевое имущество: кадки для сыра и масла, „чилипъ“—подойникъ, „чолпу“—сосуды, куда разливается молоко; „бышляхъ-тапха“—сосудъ для сыра; „кыбытъ“ козьи мѣшки, куда вливается „айранъ“, „капиръ“, „чикиръ“; „хазанъ“—котелокъ; „тегиве“—корыто для собакъ, которыхъ очень много въ каждомъ кошѣ.

На изгороди виситъ вяленое мясо, которое подносится вамъ на подносѣ—«амляу»; айранъ льютъ изъ «аяка». Такова обстановка коша.

Приближалось обѣденное время, а мы шли, несмотря на то, что дождь не переставалъ, и дорога размокла; однако, итти было удобно, благодаря твердому грунту; мѣстами мы перепрыгивали черезъ прозрачные, какъ слеза, ручьи, пересѣкавшіе дорогу и падавшіе съ нашего карниза внизъ, чтобы затѣмъ соединиться съ кипящимъ Кувачкиромъ.

— Господа! смотрите, какая длинная полоса снѣгу протянулась съ верху до низу горы! крикнулъ Морозовъ. Подойдя ближе, мы увидѣли, что это ледниковый ручей, каскадами срывавшійся со скалы на скалу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода, вслѣдствіе силы паденія, фонтанами била вверхъ, превращаясь въ пыль; видно было, какъ отъ ручья отдѣля-

ся туманъ. Пора была обѣденная, но мѣста были очень неудобныя, дорога узка. Пришлось остановиться посреди нея. Около стволовъ сосенъ было сухо, и многіе, прикрывшись плащами, заснули подъ ихъ сѣнью. Подъ большимъ кустомъ по ту сторону дороги затрещалъ огонь, и Ѳедотъ, стоя у огромнаго камня, служившаго ему кухоннымъ столомъ, чистилъ и крошилъ картофель и зелень для щей, мылъ рисъ для плова, въ то время какъ Корнѣй съ карачаевцемъ и осетиномъ потрошили барана; здѣсь же сидѣлъ въ буркѣ и папахѣ стройный красивый брюнетъ лѣтъ 30, хозяинъ и пастухъ сотни черныхъ овецъ, бродившихъ по мокрой лужайкѣ; покуривая махорку изъ маленькой трубки, онъ спокойно слѣдилъ за манипуляціями нашихъ поваровъ. У него-то мы и купили барана. Карачаевскія овцы давно уже славятся вкусовыми качествами своего мяса; руно же ихъ въ почетѣ у всѣхъ горцевъ; средняго роста, на короткихъ ножкахъ, длиннотѣлыя, настоящія карачаевскія овцы отличаются бѣлымъ, длиннымъ, глянцевитымъ руномъ; у барановъ виситъ изъ-за щекъ, почти до самыхъ колѣнъ, густая шерсть, что придаетъ имъ очень красивый видъ; на хвостахъ они иногда нагуливаютъ до 23 фунтовъ сала. Овцы хорошо переносятъ мѣстную зиму, вполнѣ приспособились къ этимъ каменистымъ склонамъ; однако, въ концѣ зимы, особенно затянувшейся, путешественникъ можетъ видѣть грустную картину, какъ истощавшій скотъ пробиваетъ копытами слежавшійся по склонамъ снѣгъ и добываетъ прошлогоднюю траву; овцы же не въ силахъ дѣлать то же, и гибнутъ тогда сотнями.

Ландшафтъ затянуло бѣлесоватой завѣсой тумана и облаковъ; послѣднія саженяхъ въ двадцати ползали надъ головой по синимъ скаламъ. Всѣ притихли. Иногда слышался храпъ. Дождь навелъ на всѣхъ уныніе. Для подкрѣпленія падающихъ всѣмъ было дано послѣ обѣда по стаканчику вина.

Передъ самымъ выступленіемъ случилось маленькое происшествіе: уже давно слышались вдали какіе-то пѣвучіе звуки на разные лады: словно кто-то плакалъ, ылъ и стоналъ; вдругъ изъ-за поворота выѣхала семейка, возвращавшаяся изъ коша: двѣ арбы и нѣсколько ословъ, навьюченныхъ козьими мѣхами съ айраномъ; на арбахъ вздрагивали огромные воловьи бурдюки, наполненные молокомъ. Скрипъ прекратился: опытный глазъ отца семейства издали замѣтилъ, что разъѣхаться невозможно, свернуть съ дороги тоже нельзя,—pater familias явился на рекогносцировку. Сказавши привѣтствіе по-русски, онъ просилъ черезъ переводчика отодвинуть наши телѣги къ стѣнѣ; получивъ согласіе, онъ съ двумя помощниками ловко осадилъ ихъ, открывъ, такимъ образомъ, проходъ, едва позволявшій провезти арбы. Пискъ и вой снова начался. Рядомъ съ первою арбою, бросая на насъ косые взгляды, шла смуглая дѣвушка съ благообразнымъ лицомъ; изъ-подъ высоко приподнятой грязной пестрой юбки виднѣлись широкія шальвары, па головѣ былъ черный платокъ; далѣе на ослахъ ѣхало четверо малышей; съ страхомъ поглядывали на насъ ихъ черные, какъ у джейрановъ, глазки. Мнѣ вспомнилась, въ силу закона контраста, Швейцарія, ея живописные жители, отели, шоссе, желѣзныя дороги, а передъ глазами былъ дѣвственно-дикій великолѣпный Карачай, какая-то военная тропа, дикари-номады, туманы, синія скалы и безконечные пихтовые лѣса!... И то прогрессъ! думалось мнѣ: лѣтъ пять назадъ сюда заѣзжалъ, по великой нуждѣ, какой-нибудь топографъ, верхомъ, а теперь цѣлая „армія" въ 36 человѣкъ, съ обозомъ, свободно идетъ. Недолго осталось безмолвствовать этой величественной пустынѣ: пробѣгутъ рельсы, промчится со свистомъ паровозъ: уйдутъ въ дальнія дебри зубры и медвѣди, разбѣгутся серны и туры, пробѣжитъ стремглавъ вслѣдъ за испуганнымъ стадомъ овецъ лѣсной житель—карачаевецъ.

До «конторки,» такъ называлось жилище дорожнаго мастера близъ Клухорскаго перевала, оставалось 12 верстъ. Дождь не переставая моросилъ: дорога сдѣлалась грязной, нога уже перестала разбирать, гдѣ сухо, гдѣ мокро. На четвертой верстѣ мы встрѣтили маленькій перевалъ черезъ отрогъ. Куначкиръ отошелъ куда-то вправо. Облака сѣли такъ низко, что мы съ трудомъ различали бѣлыя полосы потоковъ, свергающихся съ крутыхъ склоновъ. Вдали залаяли собаки: «вѣрно, кошъ», подумалъ каждый. Спустившись, мы увидѣли себя на перекресткѣ трехъ ущелій. Впереди виднѣлись бѣло-голубые снѣга низко спустившагося въ долину ледника (см. заглавную виньетку).

— Вонъ, господа, ледникъ, уже близко! Я вижу волнистыя полосы на поверхности! сказалъ С. И., смотря въ бинокль.

Мы должны были оставить шоссированную тропу, такъ какъ она давно уже была размыта каскадомъ, падающимъ съ большой высоты и образующимъ небольшое унылое озерцо съ зеленымъ дномъ «Туманлы-гель» (Туманное озеро): «если на немъ есть туманъ—погода будетъ хорошая“, пояснилъ намъ проводникъ. Въ данный моментъ «тумана» не было. Звуки трубы, быть-можетъ, впервые послѣ византійской «трубы», въ VI—VII вѣкѣ, прокатились по ущельямъ: карачаевскія собаки въ испугѣ отбѣжали на далекое разстояніе и оттуда продолжали яростно лаять. Мы подождали отставшихъ съ обозомъ и стали взбираться на гору. Отсюда начинался непосредственно подъемъ на Главный хребетъ. Лошади устали, и возы медленно подвигались вверхъ по наклонной плоскости: на дорогѣ не было и признаковъ щебня: все дѣло ограничивалось тѣмъ, что рабочій набрасывалъ на колеи свѣжей землицы. Куначкиръ, зигзагами разбѣжавшійся по зеленой мокрой долинѣ, уходилъ все ниже и ниже отъ насъ. Вонъ кошъ: подъ нами, посреди долины, мерцали костры; насъ, очевидно,

замѣтили: мальчики съ крикомъ мчатся по зеленому лугу къ подошвѣ горы, по которой мы подымаемся; все пестрое народонаселеніе коша смотрѣло на небывалыхъ гостей въ мѣстахъ, гдѣ сами карачаевцы-то бываютъ гостями въ теченіе 4 мѣсяцевъ: по словамъ ветеринарнаго врача, слѣдящаго за перегономъ скота изъ Закавказья, въ среднихъ числахъ октября долина эта уже завалена снѣгомъ, и всякое сообщеніе прекращается.

Мокрая земля большими кусками прилипала къ обуви и тяготила ноги, утомленныя большимъ дневнымъ переходомъ. Было 7 часовъ. Вечернія тѣни и туманъ придавали предметамъ неясность, граничащую съ фантастичностью. Видъ близкаго снѣга, свѣжій вѣтерокъ, дувшій изъ бѣлаго ущелья, необычная обстановка путешествія, молодыя лица, высокія ели, картинно рисовавшіяся зубчатыми силуэтами на бѣлесоватомъ фонѣ тумана и любовно протягивавшія надъ дорогой, навстрѣчу намъ свои мохнатыя вѣтви—все напоминало зиму, святки: казалось, сейчасъ сверкнетъ изъ-за пелены тумана рождественская первая звѣздочка!... вонъ тамъ въ лѣсу насъ ждетъ кутья и блестящая елка....

Часть путешественниковъ ушла впередъ: «конторка» была въ полуверстѣ, и всѣ спѣшили поскорѣе достигнуть жилища. Лошади тяжело дышали и часто останавливались. Мы уже верстъ пять подымались. Дождь припустилъ, и гимназисты тотчасъ преобразились въ капуциновъ: у иного торчалъ сзади уродливый горбъ, благодаря ружью, тщательно оберегаемому отъ дождя; иной подбиралъ отяжелѣвшую отъ дождя бурку и шелъ согнувшись. Брезенты на телѣгахъ набухли, но дождя не пропускали. Наконецъ, изъ-за сосновыхъ стволовъ мелькнуло деревянное строеніе, красная крыша, голубой дымокъ.

— Конторка!... наконецъ!... отовсюду слышались радостные возгласы. Чайку бы поскорѣй! отдохнуть!

Телѣги быстро поднялись по зигзагу до «конторки». Здѣсь мы встрѣтили впервые весьма нелюбезный пріемъ, заставившій насъ невольно вспомнить англійскіе resthus въ дебряхъ Индіи и Цейлона. Почти на вершинахъ снѣговыхъ горъ русскіе гимназисты должны были бы ночевать подъ дождемъ, въ палаткѣ, между тѣмъ какъ рядомъ съ ними стояла пустая запертая казарма для рабочихъ: ни рекомендательныя предписанія атамана области, ни атамана отдѣла не могли удовлетворить толстаго «конторщика», не хотѣвшаго насъ впускать, пока, наконецъ, рѣзко сказанное слово не заставило его отперетъ ворота. Всѣ тридцать два человѣка сбились въ одной комнатѣ и разлеглись на циновкахъ; одинъ Сопотовъ, босой, сновалъ взадъ и впередъ, приспособляясь къ ночлегу. Корнѣй съ Ѳедотомъ пріютились въ лачужкѣ у гигантскихъ елей и готовили намъ чай, который затѣмъ подавали черезъ окно. Сиротливо стояли на дворѣ наши телѣги, тщательно прикрытыя брезентами. Уже давно наступила ночь, но ни одной звѣздочки не виднѣлось за этимъ надвигающимся на насъ со всѣхъ сторонъ туманомъ; только внизу, по ту сторону ущелья, гдѣ шумѣлъ неизмѣнный Кубачкиръ, бѣлѣло нѣсколько полосокъ снѣга; чувствовалось, что здѣсь, гдѣ-то вблизи, за этимъ досаднымъ туманомъ, лежатъ снѣговыя ледяныя массы, сообщавшія о своемъ присутствіи тонкими влажными струями холодка. Мы заснули подъ трескотню дождя по желѣзной крышѣ.

Передъ разсвѣтомъ я вышелъ изъ казармы. Небо очистилось и сіяло звѣздами. Открылись огромные, остроконечные, зубчатые массивы спящихъ кавказскихъ великановъ; бѣлыми полянами лежали снѣга, синѣли спустившіеся уже въ долины ледники. Хотѣлось свѣта, солнечныхъ лучей, чтобы согрѣть, освѣтить, разбудить это горное царство, спящее вѣковѣчнымъ сномъ... Въ казармѣ было тепло. Мальчики спали, иногда кто-нибудь бормоталъ во снѣ, иной неистово принимался чесать бокъ. «Кусаются!» подумалъ я.

IV.

Клухорскій перевалъ (Кюль-хара, по-карачаевски).

Общій видъ перевала. Подъемъ. Ледники. Озеро на вершинѣ Кавказскаго хребта. „Канонада". Венеціанская и грузинская карты. Состояніе перевальной „тропы". Возвращеніе на дачу г. Кондратьева. Дневка. Трудность предстоящаго путешествія въ Большой Карачай. Англійскій путешественникъ.

На утро армія проснулась свѣжей, веселой. «А, солнце!» слышались радостные возгласы. Слышу: Карамаленко передаетъ впечатлѣнія минувшей ночи: «только что я начну засыпать, какъ черная кавалерія начнетъ дѣлать маневры на моей спинѣ: я и проснусь. Часовъ въ 11 только уснулъ». Миллеръ, оживленно жестикулируя, разсказывалъ, какъ кто-то съ лежанки, на которой помѣстилось четверо, уронилъ прямо ему на лицо краюшку хлѣба и какъ онъ, разразившись упреками по адресу спящаго мертвымъ сномъ нарушителя его покоя, машинально сталъ грызть эту самую краюшку. Сопотовъ сжегъ на кострѣ свои сапоги: скоро высушить захотѣлъ; когда его объ этомъ спрашивали, онъ усмѣхался тонкими губами, моталъ головой и, заикаясь, говорилъ: у меня другіе есть!

Черезъ часъ мы должны были начать свой подъемъ на высшую точку перевала. Къ великому сожалѣнію Рохлина, Морозова и Шиллинга, я ихъ не рѣшился взять съ собою: они были моложе всѣхъ, устали за вчерашній день, а сегодняшній головоломный пятнадцативерстный подъемъ и такой же спускъ могъ ихъ сдѣлать непригодными для завтрашняго обратнаго путешествія.

Запасшись Alpen-stock'ами, не разъ оказавшими намъ серіозныя услуги, а на этотъ разъ бывшими крайне необходимыми, захвативъ бутербродовъ, непромокаемые плащи и лошадь, на которую навьючили фотографическіе аппараты, мы тронулись въ путь. Едва мы вышли изъ лѣса, въ которомъ пряталась «конторка», какъ нашимъ взорамъ предстало два хребта, которые образовывали горный уголъ, по дну котораго, прыгая съ плиты на плиту, мѣстами обрываясь на нѣсколько саженей, бѣжалъ все тотъ же Куначкиръ. Правый хребетъ, Главный кавказскій, являлъ собою цѣпь самыхъ прихотливыхъ пиковъ, черныхъ, сѣрыхъ, тонувшихъ въ облакахъ, прорывавшихъ ихъ мѣстами,—и тогда казалось, что плыветъ въ воздухѣ остроконечный обломокъ скалы; въ расщелинахъ бѣлѣли снѣга, ниже синѣли ледники. Лѣвый же, тоже скалистый, но болѣе низкій былъ точно изрѣзанъ длинными штрихами съ версту; штрихи эти зигзагами подымались къ вершинѣ и, наконецъ, исчезали за горою: это была тропа на перевалъ. Намъ предстояло около двѣнадцати верстъ карабкаться на эту гору, по узкому карнизу: пройдемъ съ версту—поворотъ, и двигаемся обратно саженей на 15 выше прежняго, и такъ разъ десять. Всѣ сердились: до «конторки» по прямой линіи версты четыре, а по тропѣ 15. Но все наше негодованіе исчезало безслѣдно всякій разъ, какъ мы останавливались перевести духъ и бросали взглядъ на бездны, разверзавшіяся подъ нашими ногами, на смѣлые, высоко взметанные пики. Поднявшись на высоту 9500 футовъ, мы долго созерцали рѣдкое, никогда невиданное нами зрѣлище: гигантскія пирамиды, обелиски громоздились одинъ на другой, вонъ высочайшая скала, словно титанъ, добиравшійся до Зевса, высоко взметнулъ головою и такъ застылъ навѣки, пораженный перуномъ громовержца. Тонкими полосками лежалъ снѣгъ, внизу его было больше; еще ниже изъ-за колоссальнаго массива выплывало ледниковое море: зеленый ледъ, кое-

гдѣ прикрытый яркимъ снѣгомъ, былъ усѣянъ трещинками; на поверхности ледника было мало моренъ (камней, упавшихъ на ледникъ и образующихъ правильныя гряды по бокамъ и посрединѣ); кое-гдѣ торчали скалы; слѣва изъ ущелья огромныя ледяныя массы грозили обрушиться на нижнія снѣговыя скопленія, образовавшіяся отъ многочисленныхъ обваловъ. Всѣ эти огромныя залежи льду и снѣга ослѣпительно блестѣли на солнцѣ, синѣли и голубѣли въ тѣни. До ледника по прямой линіи было версты четыре; изъ снѣговой пещеры вытекалъ ручей, который стремглавъ несся и впадалъ въ Куначкиръ. Иногда по неприступнымъ скаламъ, глубокимъ расщелинамъ скользили тѣни облаковъ, спѣшившихъ послѣ полудня перебраться съ одной вершины на другую. У нашихъ ногъ, въ глубинѣ долины стало что-то бѣлѣть, еще и еще; скоро десятки облаковъ поплыли по долинѣ и заслонили ледникъ отъ нашихъ глазъ и стали подыматься выше, добираясь уже до насъ. Мы спѣшили, мы почти бѣжали отъ тумана. Вотъ уже близко конецъ подъему. «Сюда! сюда! озеро здѣсь!» послышались громкіе крики впереди. Пройдя еще одинъ зигзагъ, пробравшись по снѣгу, завалившему тропу, мы увидѣли амфитеатръ высокихъ скалъ, огромный ледникъ, прикрытый снѣгомъ, вверху еще одинъ ледникъ, а внизу, у нашихъ ногъ, лежало круглое большое озеро; карачаевцы его называютъ Куначкирскимъ, русскіе—Тебердинскимъ, по ошибкѣ принимая Куначкиръ за Теберду. Странное впечатлѣніе производилъ этотъ безлюдный, безмолвный пейзажъ, достойный кисти Дорэ, въ качествѣ сюжета для какой-нибудь главы изъ Дантова «Ада»: груды скалъ, кое-гдѣ яркозеленая трава, снѣгъ, ледъ, скалы, таинственно-неподвижное, синезеленое глубокое озеро, множество плавающихъ льдинъ на немъ, длинныя полосы водопадовъ, стекающихъ въ это «мертвое озеро», и эти назойливыя облака, отовсюду лѣзшія на насъ. Мы поспѣшили разогнать жуткое ощущеніе тѣмъ, что открыли по ска-

ламъ «канонаду», не боясь потревожить горнаго духа. Рокотъ выстрѣловъ нарушилъ покой нѣсколькихъ десятковъ красноносыхъ альпійскихъ галокъ. Избытокъ воды озера находитъ себѣ выходъ черезъ небольшой каналъ: это и есть начало Кунанчкира, а по другимъ, Теберды, между тѣмъ какъ древніе это считали началомъ самой Кубани. Теперь только, глядя на плавающія льдины (температура воды была 3° С.), я понялъ, почему на старинной венеціанской картѣ (1367 года), Франциска Пицигани, Кубань изображена вытекающей изъ озера, усѣяннаго точками: послѣднія должны были означать льдины, а Кунанчкиръ съ Тебердою—верховья Кубани; кромѣ того, на картѣ царевича Вахушта Кубань течетъ по теперешней Тебердинской долинѣ. Все это случилось потому, что торговый путь шелъ черезъ Клухорскій перевалъ, и купцы были больше знакомы съ Тебердой, чѣмъ съ дѣйствительными верховьями Кубани.

Отсалютовавъ Кавказскому хребту, юноши принялись скатывать внизъ огромные камни, въ изобиліи усѣивавшіе крутые склоны: сдвинувъ съ мѣста камень, всѣ съ жадностью слѣдили за его увеличивающеюся скоростью, за козлиными прыжками, за тѣмъ, какъ онъ, коснувшись поверхности озера, разбрасывалъ широкія струи воды на нѣсколько саженей.

В. М. Сысоевъ хотѣлъ было добраться до математически высшей точки перевала, но принужденъ былъ вернуться, встрѣтивъ стѣну снѣговыхъ залежей, подъ которыя уходила тропа.

Какое же значеніе можетъ имѣть эта тропа? думалось мнѣ. Торговое? Но теперь 6 іюля, разгаръ лѣта, а снѣгъ не очищенъ, и скотъ въ Закавказье прогоняютъ прямо черезъ ледникъ, какъ объ этомъ мнѣ сообщалъ ветеринарный врачъ на дачѣ г. Кондратьева: скотъ, при этомъ, часто обрывается и падаетъ въ расщелины; съ октября же мѣсяца перевалы закрываются. Стратегическое? военное? Но и это невозможно при такихъ завалахъ. Инспектирующему дорогу приходится

сначала проѣхать изъ Сухума до Клухорскаго перевала, затѣмъ объѣхать вокругъ Кавказа и уже изъ Баталпашинска подъѣхать къ тому же Клухорскому перевалу. Да иначе и нельзя. Путешественникъ остается въ недоумѣніи передъ названіемъ «перевальная дорога»: перевалъ-то загроможденъ снѣгами — и дороги нѣтъ. Строить дорогу для того, чтобы путешественникъ могъ доѣхать до высшей точки перевала, и повернуть назадъ?!... Чудесно!

Сдѣлавъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ, хорошо отдохнувъ, мы двинулись обратно, и къ 6 часамъ были въ „конторкѣ". Пообѣдавъ, всѣ предались far niente. На другой день рано выступили въ походъ. Назадъ было итти очень удобно — „подъ горку", и мы въ тотъ же день были уже на дачѣ г. Кондратьева; въ пути мы встрѣтили послѣдній дождь, но зато «основательный», съ молніей и громомъ. Здѣсь я рѣшилъ устроить дневку. Болѣе сутокъ было посвящено отдыху, починкѣ платья, стиркѣ бѣлья въ Тебердѣ, сну, прогулкамъ въ Кузовлевскомъ паркѣ, записыванію въ дневникъ событій и впечатлѣній: А. Д. Кондратьевъ любезно отдалъ въ полное наше распоряженіе флигель о трехъ комнатахъ съ меблировкой, снабжалъ столовою зеленью, такъ что мы быстро забыли невзгоды, испытанныя за послѣднія два дня. Утромъ я отправилъ Корнѣя съ обѣими телѣгами въ аулъ Учькуланъ, находившійся за двумя хребтами, которые мы намѣревались перевалить, чтобы посѣтить Большой Карачай. Съ собою мы оставили самыя необходимыя вещи, которыя должны были помѣстится на 8 вьючныхъ лошадяхъ, заказанныхъ въ Тебердинскомъ аулѣ. Предстоящій переходъ черезъ два перевала меня сильно безпокоилъ: намъ предстояло итти иногда безъ дороги, по тропинкамъ, проложеннымъ карачаевскимъ скотомъ, побывать въ такихъ мѣстахъ, куда, кромѣ карачаевца да, быть-можетъ, топографа, никто не заглядывалъ; одинъ изъ хребтовъ былъ выше 9000 футовъ. Однако, намъ пред-

стоялъ еще болѣе трудный путь изъ Большого Карачая черезъ рядъ хребтовъ Бечесынъ и Бермамытъ перевалить въ Кисловодскъ: поэтому, переходъ въ Большой Карачай могъ быть для этого хорошей подготовкой: съ другой стороны, думалось, что тамъ, гдѣ проѣхалъ карачаевецъ, почему не могъ бы пройти крѣпкій русскій юноша.

Опасно? Но почему же не испытать опасности? Русскіе дѣти и юноши слишкомъ мало подвергаются «опасностямъ», чтобы можно было отъ нихъ требовать находчивости, неустрашимости и настойчивости. Не то у англичанъ. Примѣръ былъ у насъ на лицо. Спустившись однажды въ Сентинскомъ монастырѣ съ горы, гдѣ въ храмѣ я срисовывалъ фрески, я увидѣлъ четырехъ верховыхъ лошадей и двухъ путешественниковъ съ двумя же проводниками, отдыхавшихъ недалеко отъ лагеря подъ деревомъ.

— А. И., англичанинъ пріѣхалъ съ русскимъ судейскимъ чиновникомъ, сейчасъ же сообщили мнѣ.

Обѣдъ уже былъ готовъ, и я пригласилъ „дорожныхъ людей“ къ столу. Одинъ изъ нихъ былъ, дѣйствительно, 19-тилѣтній англичанинъ, плохо говорившій по-русски, сынъ издателя провинціальной газеты, воспитанникъ знаменитой Итонской школы. Онъ только годъ тому назадъ кончилъ курсъ средняго образованія и теперь приготовлялся въ Оксфордъ.

— А затѣмъ хочу пойти по дипломатіи, прибавилъ онъ.

Глядя на эту невысокую фигуру, на молодое простоватое безусое лицо, я не могъ повѣрить, чтобы этотъ юный сынъ Альбіона, никѣмъ не гонимый, рѣшился проѣхать въ Москву, чтобы затѣмъ, прокативъ въ вагонѣ до Кисловодска, вмѣстѣ со случайнымъ московскимъ знакомцемъ нанять тамъ за полтораста рублей проводниковъ, и безъ карты, верхомъ, рискнуть перевалить черезъ ледники Клухорскаго перевала, спуститься въ Сухумъ, на пароходѣ проѣхать въ Севастополь и вернуться обратно въ Москву. Однако, истина была

на лицо. Худенькій англійскій гимназистъ и дебри кавказскихъ горъ! Что общаго?

— Изучаете Кавказъ въ качествѣ арены будущей вашей дипломатической дѣятельности? не удержался я, чтобы не кольнуть будущаго дипломата.

Юноша усмѣхнулся, набивая изъ гуттаперчеваго кисета свою коротенькую трубочку-носогрѣйку.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: я случайно сюда заѣхалъ, хотя очень доволенъ, что повидалъ эту дикую страну, этихъ карачаевцевъ.

— А не боитесь вы ѣхать? обратился я къ его не менѣе молодому спутнику, помощнику секретаря московскаго суда.

— У насъ револьверы есть.

— А изъ Москвы же вы куда?

— Домой.

— А онъ?

— Онъ въ Лондонъ.

Такъ просто и такъ умно; отправить юношу-сына въ незнакомую страну, предоставить его собственной инниціативѣ, подвергнуть, быть-можетъ, ряду опасностей, и получить назадъ готовымъ гражданиномъ всесвѣтной владычицы.

Угостили мы этихъ симпатичныхъ путешественниковъ на славу и разстались довольные другъ другомъ.

V.

Изъ Малаго въ Большой Карачай

(Перевалы Эпчикъ и Эль-Эпчикъ).

Поѣздка къ подножію Эльбруса. Посѣщеніе рудниковъ общества „Эльбрусъ".

На слѣдующій день, 9 іюля, распрощавшись съ А. Д. Кондратьевымъ, въ сопровожденіи 8 вьючныхъ лошадей и столькихъ же погонщиковъ, мы двинулись къ устью Джемаата. Спачала все шло хорошо. Вотъ и старый знакомый Джемаатъ, вверхъ по ущелью котораго мы должны направить свой путь; вотъ остатки лермонтовскаго аула, гробницы джигитовъ, вотъ слѣды окоповъ нашихъ палатокъ, холодный пепелъ костра.

— Прощай, Тебердинская долина! никогда, быть-можетъ, тебя не увидимъ! сказалъ кто-то. Всѣ оглянулись. Долина пряталась уже за выступъ горы. Однако, скоро новые ландшафты, одинъ красивѣе другого, заставили забыть ея прелести.

Всѣ стремились впередъ: верстахъ въ 10 былъ желѣзисто-углекислый источникъ, „нарзанъ". Солнце жгло, а подъемы и спуски слѣдовали одинъ за другимъ. Шли гуськомъ по тропинкѣ, иногда исчезавшей въ высокой душистой травѣ, иногда прятавшейся въ тѣни сосенъ, дикихъ вишенъ, березы... Жара дѣлалась съ часу на часъ чувствительнѣе, многіе устали. Наконецъ, мы увидѣли мостикъ черезъ ручей, за нимъ лужайку, на которой уже были наши вьючныя лошади. «Нарзанъ!». радостно ухмыляясь, привѣтствовалъ насъ

помощникъ аульнаго старшины. За деревьями блестѣлъ несшійся подъ сильный уклонъ Джемаатъ. Гигантскій стволъ, принесенный могучимъ потокомъ, соединялъ оба его берега. Многіе подолгу сидѣли на этомъ бревнѣ, глядя на эту словно газированную воду. На другой сторонѣ, подъ купой деревьевъ, изъ-подъ мшистаго камня билъ холодный желѣзистокислый источникъ, обильно насыщенный углекислымъ газомъ; вкусомъ онъ близко напоминалъ кисловодскій нарзанъ, отличаясь большею примѣсью желѣза, что было хорошо замѣтно по ржаво-красной грязи, окружавшей его. Мы тотчасъ же принялись за «каптированіе» источника, очистили его отъ листьевъ, обложили камнями, прорыли каналъ для стока воды и, вдоволь напившись нарзану, сѣли обѣдать. Солнце было высоко, и намъ предстояло перевалить высокій, болѣе 9000 футовъ, хребетъ Эпчикъ. Покинувъ долину Джемаата, мы сначала безъ дороги принялись карабкаться вверхъ по ущелью притока этой рѣки. Вскорѣ мы очутились выше пояса деревьевъ. Глазамъ нашимъ открылись безлѣсныя горныя вершины, тамъ и сямъ бродили стада; кое-гдѣ были длинные рубленные сараи, съ земляными крышами, на которыхъ росла трава: то были коши. Кто-то вздумалъ выстрѣлить: гдѣ-то высоко-высоко залаяли собаки, изъ ближайшаго коша выбѣжали женщины и дѣти; когда же Миллеръ затрубилъ—онѣ попрятались.

Мы подымались все выше и выше. Начинало смеркаться. Облако за облакомъ зарождалось въ долинѣ и ползло вверхъ за нами. Мы торопились, но подъемъ надорвалъ наши силы, и мы принуждены были присѣсть на пригоркѣ недалеко отъ пестраго стада коровъ; всѣ съ ожесточеніемъ принялись ѣсть сыръ и галеты. Вдругъ на насъ налетѣло большое облако, и мы очутились въ густомъ туманѣ. Четырехъ человѣкъ не было: они отстали. Вотъ тутъ-то труба Миллера сослужила намъ вѣрную службу. Каждыя полминуты рѣзкіе

звуки прорѣзывали сплошную пелену тумана. Наконецъ, внизу послышались голоса, и отставшіе присоединились къ намъ. Началось опять движеніе вверхъ. Вотъ уже приближаются полосы снѣга, вотъ мы уже выше нихъ, а конечной точки перевала все нѣтъ.

— Вонъ тамъ! показалъ старшина на сѣдловину въ облакахъ: тамъ перевалъ. Ежеминутно насъ догоняло огромное облако, иногда даже перегоняло, и мы шли въ густомъ туманѣ; но едва оно подходило саженей на 40 къ вершинѣ перевала, какъ имъ словно овладѣвалъ страхъ: оно быстро отступало назадъ, затѣмъ снова начиналось то же наступленіе: очевидно, здѣсь боролись два воздушныя теченія. Достигнувъ вершины перевала, всѣ радостно вздохнули. Стемнѣло. Гдѣ-то далеко внизу мерцалъ одинокій огонекъ: то былъ лежавшій въ 6 верстахъ аулъ Доутъ. Въ темнотѣ итти было трудно и опасно, и мы, спустившись нѣсколько шаговъ внизъ, рѣшились переночевать на перевалѣ. О чаѣ нечего было и думать: вокругъ не было ни вѣточки. Разостлавъ брезенты, всѣ вповалку легли и быстро заснули. Ночь была очень холодная: въ 6 часовъ утра было 6, 3° С. Я проснулся въ три съ половиной часа. Выглянувши изъ-подъ бурки, я вскочилъ отъ удивленія на ноги. Небо, земля, путешественники еще спали, но на розово-желтоватомъ фонѣ востока синими силуэтами тихо стояли кавказскіе великаны, словно приготовившіеся слушать царя европейскихъ горъ, гигантскою тѣнью подымавшагося высоко къ небу.

— Вставайте! Эльбрусъ виденъ! закричалъ я. Родіоновъ! аппаратъ скорѣе!

Заспанныя лица приподнимались, въ недоумѣніи оглядывались, и затѣмъ ихъ глаза не отрывались отъ рѣдкаго зрѣлища. Нигдѣ я не ощущалъ такой необъятности пространства, такой мощи природы, какъ здѣсь. Не съ Бермамыта, не у подножья горы, мы уразумѣли во всей полнотѣ вели-

чіе этой двуглавой громады скалъ, льда и снѣга, но съ высоты девяти тысячъ футовъ Эпчикскаго перевала.

Быстро собрались мы и къ 8 часамъ были уже въ небольшомъ аулѣ Доутѣ, расположенномъ на рѣчкѣ того же имени. Здѣсь мы вдоволь напились айрану, чаю, пообѣдали, посѣтили домъ богатаго карачаевца, послушали, какъ съ минарета на перебой кричали на весь аулъ два муллы, и отправились дальше. Переправившись по живому мостику черезъ Доутъ, мы тотчасъ стали взбираться на крутой Эльэпчикскій перевалъ. Болѣзненное состояніе заставило меня сѣсть на лошадь, и я не почувствовалъ всей тягости этого подъема. На перевалѣ мы были уже въ 6 часовъ вечера. Великолѣпный видъ насъ ожидалъ тамъ: у насъ, какъ на картѣ, былъ весь Большой Карачай: вонъ Хурзукская долина съ ауломъ того же имени, растянувшимся на три версты; вонъ Учькуланская долина; вонъ двѣ серебристыя ленточки соединяются около аула Учькулана и даютъ небольшую рѣчку, носящую уже имя Кубани; вонъ уходящія въ синее небо серебряныя вершины Эльбруса со свитою облаковъ, золотыхъ, фіолетовыхъ, оранжево-розовыхъ, дымчато-голубыхъ. Спускъ былъ длиннѣе подъема. Уже стемнѣло, когда прибыли въ большой аулъ Учькуланъ. Мы расположились въ большой съ колоннами залѣ горскаго суда. Наши телѣги уже прибыли, и мы ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Здѣсь была назначена дневка, посвященная отдыху, ѣдѣ и купанью. Такъ какъ Учькуланъ рѣчка довольно быстрая, то желающихъ купаться я привязывалъ къ крѣпкой веревкѣ и, держа ее за конецъ, разрѣшалъ итти въ воду. Толпа карачаевцевъ, всюду слѣдовавшая за нами, съ удивленіемъ смотрѣла на это зрѣлище. Вечеромъ былъ данъ въ залѣ суда концертъ на двухъ скрипкахъ, piccolo, барабанѣ, корнетѣ, тростниковой дудкѣ и.... двухъ гребешкахъ. Концертъ для карачаевскаго уха оказался превосходнымъ, что ясно было видно по сіяющимъ лицамъ

и довольнымъ улыбкамъ многочисленныхъ слушателей, которыхъ вскорѣ безъ излишнихъ церемоній выпроводили, ибо передъ сномъ требовалось очистить залу отъ всевозможныхъ запаховъ, привесенныхъ горцами, у которыхъ чистоплотность не въ числѣ добродѣтелей.

Мечеть въ Доутѣ

На слѣдующее утро было приведено около 60 лошадей. Мои спутники достаточно походили пѣшкомъ: хотѣлось теперь доставить имъ возможность прокатиться верхомъ. Восторгамъ не было границъ, когда привели лошадей, весьма смирныхъ и маленькихъ; каждый старался отыскать себѣ побольше да посильнѣе. Полчаса продолжалась пригонка подпругъ, стременъ. Только двое не выдержали экзамена въ верховой ѣздѣ; имѣя въ виду сегодняшній 65-верстный перегонъ къ Эльбрусу и обратно, я ихъ отослалъ къ обозу, который во время нашего отсутствія долженъ былъ переѣхать въ столицу Большого Карачая, аулъ Картджюртъ. Быстро про-

ѣхали мы старинный аулъ Хурзукъ, имѣющій за собою, по крайней мѣрѣ, четыре столѣтія, взяли влѣво мимо древней башни Маміá, построенной на головоломной высотѣ, Садырла, проѣхали мимо знаменитаго Боташева камня, близъ котораго Боташъ, нѣкогда открывшій эту мѣстность, посадилъ сѣмена ячменя, и втянулись въ ущелье рѣчки Уллу-Хурзукъ.

Проѣхавъ верстъ 20 по узкой тропинкѣ, тянувшейся вдоль рѣчки, вытекающей непосредственно изъ-подъ ледниковъ Эльбруса, мы остановились около коша, въ двухъ верстахъ отъ подошвы «сѣдовласаго Шата». Здѣсь мы купили 4 барановъ, ибо нужно было угостить сопровождавшихъ насъ многочисленныхъ карачаевцевъ; заказавши обѣдъ à la Caragtcshaj и поручивши надзоръ за его приготовленіемъ помощнику старшины, мы предприняли поѣздку къ самому подъему къ ледникамъ. Ѣхали мы до тѣхъ поръ, пока не наткнулись на глубокое, промытое водою ложе, за которымъ начинался одинъ изъ склоновъ Менги-тау (карачаевское названіе Эльбруса). Сопровождавшій насъ учькуланскій учитель попытался подняться выше, но вскорѣ принужденъ былъ вернуться. Долго сидѣли мы у одного изъ многочисленныхъ ключей нарзана, разсѣянныхъ по эльбрусскимъ ущельямъ, пили вкусную воду и слѣдили за пузырьками газа, подымавшагося со дна.

На Эльбрусъ же какъ-то мало обращалось вниманія: величественная, издали, гора обращалась въ неуклюжую кучу снѣга, льда и скалъ, вблизи. Вдали показался всадникъ. „Обѣдъ готовъ!“ закричалъ онъ, подъѣхавъ ближе. Немедленно весь „кавалерійскій отрядъ“ былъ на лошадяхъ и крупной рысью направился къ становищу. Здѣсь насъ на полномъ ходу сфотографировалъ С. И. Видно было, что пиршество предполагалось на славу: дымъ подымался въ трехъ мѣстахъ. Изъ-подъ ногъ лошадей суетливо убѣгали въ норы неуклюжіе суслики, которыхъ здѣсь было неисчислимое ко-

личество; но стоило только всаднику проѣхать мимо, какъ хитрое животное выскакивало изъ норки, становилось на заднія лапки и свистало вслѣдъ. Тотчасъ послѣ нашего пріѣзда къ кошу, намъ подали большое корыто сомнительной чистоты, наполненное кусками мяса, разложенными въ извѣстномъ порядкѣ: голова, курдюкъ, ребра, ноги. Самою почетною частью былъ курдюкъ; старшина предложилъ его мнѣ, но я уклонился отъ этой „чести,“ и тотчасъ же сталъ очевидцемъ, какъ огромные куски жира исчезали одинъ за другимъ во рту старшины; затѣмъ намъ подали маленькія деревянныя чашки, наполненныя айраномъ съ толченымъ лукомъ; мясо макали въ этотъ соусъ и отправляли въ ротъ. Если прибавить къ нашему аппетиту своеобразный пейзажъ съ Эльбрусомъ посрединѣ, 25-верстный перегонъ и желаніе попробовать карачаевскій обѣдъ, то наше кушанье показалось многимъ очень вкуснымъ. Въ 8 часовъ вечера мы были въ Хурзукѣ, гдѣ сдѣлали визитъ сопровождавшему насъ услужливому старшинѣ Байрамукову. Въ 9 часовъ, оставивъ влѣво огни Учькулана, мы въѣзжали въ Картджюртъ. Насъ ждали. Окна школы были ярко освѣщены. На дворѣ пылалъ костеръ, на которомъ Корнѣй съ Ѳедотомъ готовили намъ ужинъ. Школьный учитель суетился и хлопоталъ, желая доставить путешественникамъ всяческія удобства.

На слѣдующій день, послѣ ранняго обѣда, мы отправились осматривать Худесскіе серебро-свинцовые рудники, принадлежавшіе акціонерному обществу „Эльбрусъ“, къ несчастію, за недостаткомъ средствъ года два какъ прекратившему свою дѣятельность. Урочище, гдѣ находятся серебро-свинцовыя «выработки», называется Тохтаулъ-Чолганъ и лежитъ въ 8 верстахъ отъ Картджюрта, внизъ по Кубани. Грустныя чувства и мысли возбуждаютъ эти шахты и штольни, построенныя по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства, полотно не оконченной надземной желѣзной дороги, электро-

литическій заводъ, гдѣ цинкъ долженъ былъ осаждаться на пластинкахъ, черезъ которыя пропускался токъ. Былъ здѣсь и телефонъ, проведенный за десять верстъ до индышскаго рудообогатительнаго завода, гдѣ руда, добытая на Тохтаулъ-Чолганѣ, перерабатывалась и упаковывалась; этотъ заводъ могъ перерабатывать до 4000 пудовъ въ сутки; на рудникѣ и заводѣ населеніе доходило до 2000 человѣкъ; для шахтеровъ, кузнецовъ и слесарей былъ введенъ 8-мичасовой рабочій день; для выплавки металловъ производились серіозныя подготовленія по добычѣ каменнаго угля, огнеупорной и простой глины и выдѣлкѣ кирпичей, по заготовкѣ строительнаго камня, извести, лѣса; на рудникахъ была лучшая на Сѣверномъ Кавказѣ лабораторія, прекрасный минералогическій кабинетъ, множество капитальныхъ построекъ; общество начало прокладывать прекрасную дорогу на Кисловодскъ; выработало уже изъ двѣнадцати обрабатываемыхъ жилъ болѣе 500 куб. саженей сырой руды,—и дѣло лопнуло, акціи пали: акціонеры, затративъ на оборудованіе дѣла около 400,000, вмѣсто 1,040,000 р., хотѣли получать барыши 100 на 100. Между тѣмъ, по заявленію и начальника Кавказскаго горнаго управленія и профессора Мушкетова, карачаевское свинцовое мѣсторожденіе принадлежитъ къ самымъ богатымъ въ мірѣ: до сего времени самымъ богатымъ считалось Брукенъ-гильское (въ Австраліи), содержащее 260 пудовъ чистаго свинца въ 1 кубической сажени жильной массы,—въ нашемъ же рудникѣ на 1 куб. сажень приходится 281 пудъ чистаго свинца; серебра же 0,16%. Пока найдено 58 жилъ. У меня есть кусокъ свинца изъ худесскихъ штоленъ, подаренный мнѣ еще въ 1896 г. С. Н. Степановымъ, извѣстнымъ электрикомъ, директоромъ Худесскихъ рудниковъ: толщина жилы, по этому куску, равна 1 вершку, 1 линіи; въ минералогическомъ же кабинетѣ рудника намъ приходилось видѣть монолиты въ 6—7 вершковъ толщины. Подойдя къ рудникамъ,

мы долго стучали въ ворота, чтобы намъ отперли. Наконецъ, пришла какая-то баба и впустила насъ. Вездѣ слѣды запустѣнія, сорная трава. Залаяла одинокая собака, изъ одного изъ безчисленныхъ флигелей вышелъ старикъ-сторожъ.

Отъ него мы узнали, что сторожей здѣсь только 4; жалованья они не получаютъ, а присылаютъ имъ по 2 пуда ржаной муки ежемѣсячно.

— Сколько же тебѣ общество должно? спросилъ я у другого старика, пока его товарищъ старческою рысцой побѣжалъ ставить самоваръ.

— «Да 400 рублей должно», конфузливо отвѣчалъ полуодичавшій въ этихъ дебряхъ старикъ и усмѣхнулся потомъ: «ждемъ все—не уходимъ, чайкомъ да хлѣбцемъ пробавляемся; форельки наловимъ, накоптимъ—тѣмъ и живемъ».

Пока мы угощались чаемъ, копченой форелью и только-что сорванной, будто припудренной малиной, одинъ изъ сторожей открылъ ставни минералогическаго кабинета, гдѣ всеобщее вниманіе привлекли огромные куски серебро-свинцовыхъ самородковъ, образцы цинковой руды, рѣдкій кристаллическій свинецъ, мѣдный колчеданъ, мѣдная синь и зелень, охра, известковый шпатъ, сѣрный колчеданъ; тутъ же были вѣсы для опредѣленія удѣльнаго вѣса руды, печка для плавки, разныя колбы и реторты, на стѣнѣ висѣла карта Худесскихъ рудныхъ мѣсторожденій. Затѣмъ, сторожъ, бывшій раньше надсмотрщикомъ въ штольняхъ, зажегъ особую масляную лампочку и повелъ насъ осматривать «выработки»; штольня (горизонтальная галлерея) была высока, такъ что идти можно было почти не сгибаясь; надъ головою у насъ блестѣла широкою, въ вершокъ, полосою серебро-свинцовая жила; въ штольнѣ было тихо, сухо и холодно; путешественники дошли до шахты, вертикальной галлереи, и вернулись назадъ. На рудничной улицѣ въ большихъ деревянныхъ ящикахъ была насыпана мелкая «порода» съ свинцовыми и мѣдными вкрапленіями; каждый

взялъ оттуда себѣ что-нибудь на память. Давши „на чай" (водки негдѣ тутъ купить) бѣднякамъ-старикамъ, мы покинули печальный рудникъ. Въ 7 часовъ мы были уже дома.

VI.

Въ аулѣ Картджюртѣ.

Народныя забавы. Сакли. Арабская школа. Характеръ народа: его бытъ, преданія. Былина объ нартѣ Сосрукѣ и эмегенѣ Пятиголовомъ.

Весь слѣдующій день мы посвятили разспросамъ о житьѣ-бытьѣ карачаевцевъ, смотрѣли устроенные для насъ распорядительнымъ Боташевымъ пляски, хороводы, скачку, «умыканіе» невѣстъ. Въ танцахъ приняли участіе мѣстныя аристократки, княжны Крымшамхаловы, въ шелковыхъ, вышитыхъ серебряными узорами костюмахъ, отличающихся необычайной величины и формы рукавами; движенія не отличались разнообразіемъ; все дѣло заключалось въ «променажѣ» и въ «артикулахъ» ступни. Музыку составляли три пары палокъ, которыми въ тактъ ударяли другъ о друга, и полаго желѣзнаго, похожаго на ружейный стволъ цилиндра, въ который особеннымъ образомъ дулъ и жилой карачаевецъ. Всеобщее вниманіе привлекла скачка, заключавшаяся въ слѣдующемъ: посреди живой улицы, образовавшейся изъ раздвинувшейся толпы, рыли небольшую ямку, куда клали данный мною полтинникъ, завернутый въ бумагу, и засыпали землей. Нѣсколько молодыхъ карачаевцевъ на полномъ скаку опрокидывались съ лошади, держась ногами за стремена и одной рукой за гриву, между тѣмъ какъ другой старались схватить деньги. Особенною ловкостью отличился одинъ широкоплечій джигитъ русскаго типа, выхватившій изъ ямки три полтинника. Танцорамъ было поднесено угощеніе въ видѣ нѣсколькихъ фун-

товъ простыхъ ярмарочныхъ конфетъ. Вечеромъ Боташевъ пригласилъ меня съ товарищами на «курманлыкъ», гдѣ фигурировалъ неизмѣнный «карачаевскій барашекъ» во всѣхъ видахъ и нѣчто въ родѣ молочнаго супа. Особенное вниманіе мы обратили на картджюртскія сакли: всѣ онѣ построены

Будуанъ Джанкёзовъ ([illegible] лѣтъ)
Картджюртъ.

срубами изъ бревенъ до 12 вершковъ въ діаметрѣ; крыши двускатныя, съ легкимъ наклономъ, покрыты толстымъ слоемъ земли, дающимъ обильную растительность: если смотрѣть на Картджюртъ съ сосѣдней вершины, аулъ представится въ видѣ зеленаго луга, пересѣченнаго черными и сѣрыми полосами—дворами и переулками; улицъ нѣтъ, ибо дома строились не по опредѣленному плану, но сообразно съ условіями рельефа мѣстности. Внутренность дома дѣлится на мужскую и женскую половины. Чтобы проникнуть въ первую, путешественникъ долженъ согнуться насколько возможно, и толь-

ко тогда онъ перешагнетъ полъаршинный порогъ узкой овальной двери и увидитъ себя въ кунацкой. Закопченный потолокъ подпертъ столбами; прохладно и темно: свѣтъ проникаетъ черезъ широкій раструбъ очага, спускающійся довольно низко; оттуда торчитъ крюкъ на желѣзной цѣпи, на которомъ виситъ черный котелъ; вверху, у потолка, пробиты узкія щели, заслоняемыя зимою дощечками; широкія нары, идущія вдоль стѣнъ, покрыты коврами. Я вошелъ въ одинъ изъ такихъ домовъ близъ мечети: это оказалась арабская школа. Въ маленькой комнатѣ, увѣшанной коврами, среди которыхъ висѣла также бѣлая воловья кожа, на которой учитель, быстроглазый брюнетъ, творитъ свой намазъ, толпилось десятка два дѣтей и подростковъ. Я взялъ у одного изъ нихъ книжку; это былъ рукописный арабскій букварь съ маленькими фразами для упражненій (аптьекъ). «Послѣ этой книги мы читаемъ кур'анъ», объяснялъ учитель: „потомъ идетъ теджютъ—церковные стихи; далѣе, катехизисъ, и наконецъ, терѳиф—толкованіе на кур'анъ". Дѣти занимаются отъ 8 до 12 часовъ утра.

— А хорошо они учатся? не шалятъ? спросилъ я.

Учитель, вмѣсто отвѣта, съ улыбкою показалъ на короткую толстую палочку, бывшую въ его рукахъ, уже залакировавшуюся отъ употребленія. Я просилъ его продолжать урокъ. Ученики упражнялись въ хоровомъ чтеніи церковныхъ стиховъ. Мнѣ хотѣлось удостовѣриться, сознательно ли они читаютъ: я просилъ перевести одно-другое слово,—въ большинствѣ случаевъ ученики не умѣли этого сдѣлать: арабскіе стихи заучивались, очевидно, наизусть механически.

Карачаевцы большіе любители ничегонедѣланія: по цѣлымъ часамъ они простаиваютъ на перекресткахъ, дѣлясь новостями; останавливаютъ прохожихъ, втягиваютъ ихъ въ разговоръ; если же карачаевецъ встрѣтитъ гдѣ-нибудь на дорогѣ чиновника, въ сопровожденіи всадника, онъ немед-

ленно присоединяется и не отстанетъ до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ кто, куда, зачѣмъ ѣдетъ, хотя бы ему пришлось вернуться на мѣсто отправленія; все узнанное передается каждому встрѣчному земляку: не удивительно, поэтому, что каждая малѣйшая новость облетаетъ весь Карачай. Въ этомъ отношеніи они похожи на цезаревскихъ галловъ.

По адату, карачаевцы не могутъ заниматься торговлею; это обстоятельство также увеличиваетъ ихъ досугъ. Всѣ лавки принадлежатъ горскимъ евреямъ изъ Джегутинскаго поселка. Торговля производится мѣновымъ способомъ: на яйца, масло, сыръ, шерсть, овецъ; лошадь рѣдко идетъ въ обмѣнъ на товаръ: стыдно. Мужчины рѣдко заходятъ въ лавки: это дѣло женщинъ. Послѣднія работаютъ гораздо больше сильнаго пола: прядутъ шерсть, валяютъ бурки, шьютъ черкески, папахи, вышиваютъ, но ковровъ дѣлать не умѣютъ: ихъ привозятъ изъ Имеретіи. Положеніе женщины вообще довольно свободное, самостоятельное, что обусловливается, конечно, характеромъ народа, его исторіей, мирнымъ его трудомъ. Карачаевцы не отличаются ни смѣлостью, ни бойкостью: „Мы до того робки, что не въ силахъ даже согнать осетина, если онъ поселится на нашей землѣ“, говорилъ мнѣ одинъ карачаевскій дворянинъ: „напримѣръ, около Хумаринскаго укр. еще ген. Петрусевичемъ отведено намъ 50 десятинъ, но ими завладѣли осетины, живущіе въ Георгіевскомъ поселкѣ, и мы никакъ не могли выжить ихъ оттуда: боимся. Мы боимся мстить даже за убійство нашихъ, а ихъ много —много убито тайно“... Любопытно, въ свою очередь, отношеніе къ нимъ осетинъ. „Глупѣе и вороватѣе карачаевцевъ нѣтъ народа на Кавказѣ“, говорили мнѣ георгіевскіе осетины: „кабардинцы хорошій народъ, храбрый, а карачаевцы трусливые воры“. Вообще, карачаевцы не въ почетѣ у горскихъ племенъ. Мягкость ихъ характера, воспоминаніе о многочисленныхъ лишеніяхъ, пере-

несенныхъ во время продолжительныхъ странствованій, сознаніе своей малочисленности, изолированное положеніе среди чуждыхъ по языку горцевъ,—все это способствовало тому, что Карачай оказалъ самое слабое сопротивленіе русскимъ. А въ 1853 году, когда знаменитый Магометъ Эминь съ 10-тысячнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ абадзеховъ, темиргоевцевъ, бесленеевцевъ и другихъ мелкихъ адыгейскихъ племенъ, задумалъ вторгнуться въ Карачай, чтобы, взволновавши его, броситься на какой-либо изъ русскихъ отрядовъ,— карачаевцы не только отказались принять участіе въ планахъ Эмина, но и рѣшились оказать ему сопротивленіе, пославъ просить помощи у русскихъ.

Экономическое благосостояніе Карачая клонится къ упадку, и одна изъ главныхъ причинъ—малоземелье. Въ Карачаѣ нѣтъ ни пяди общественной земли—все родовая. Нѣкоторые роды до такой степени разрослись, что стало недоставать земли даже подъ постройку дома: такихъ семей въ Карджюртѣ около 40, а въ Учькуланѣ около 50: у нихъ нѣтъ жилищъ, потому что не на чемъ ихъ строить.

Карачаевцы, народъ тюркскаго происхожденія, все родное, даже типъ, потеряли, но сохранили языкъ; онъ близко подходитъ къ нарѣчію ногайскому, казанскому. Даже по отношенію къ своей поэзіи они не всегда самостоятельны; многія изъ ихъ былинъ схожи съ былинами горскихъ татаръ, на эпосѣ которыхъ отразилось вліяніе осетинскихъ сказаній. Впечатлѣніе, получаемое при чтеніи карачаевскихъ сказаній, однородно съ тѣмъ, какое производитъ на насъ чтеніе многочисленныхъ перехожихъ разсказовъ, издревле тянувшихся изъ Азіи черезъ Кавказъ въ Европу: тотъ же дуализмъ, та же борьба добраго и злого начала, свѣта съ тьмою, наземныхъ богатырей съ подземными, «нартовъ» съ «эмегенами». Въ качествѣ образца карачаевскаго эпоса приведу слѣдующія, записанныя мною еще въ 1896 г. въ Карджюртѣ.

Сосрука и эмегенъ Пятиголовый.

Жилъ когда-то богатырь. Звали его эмегеномъ Пятиголовымъ. Ѣлъ онъ такъ много, что въ одинъ обѣдъ всѣхъ карачаевцевъ объѣдалъ. Услыхалъ про него знаменитый нартъ Сосрука, услыхалъ, что онъ въ одинъ обѣдъ всѣхъ карачаевцевъ объѣдаетъ, и пошелъ къ эмегену Пятиголовому. Увидѣлъ эмегенъ Сосруку и сказалъ ему:

„Не видалъ ли ты человѣка, по имени Сосруку? не знаешь ли ты его?“

— Я видѣлъ Сосруку и знаю его нартскія игры, не разъ бывалъ очевидцемъ.

— Разскажи же мнѣ, каковы его нартскія игры.

— Вотъ каковъ Сосрука, ужъ если ты хочешь знать: бросаетъ онъ желѣзную палку въ огонь, раскалитъ ее добѣла, проглотитъ ее Сосрука, и ничего ему не дѣлается.

— Таковы-то забавы у Сосруки! Это пустяки! развѣ это диковина? Я то же сдѣлаю, сказалъ эмегенъ Пятиголовый.

Раскалилъ добѣла онъ желѣзную палку, проглотилъ ее, и остался живъ.

— Я еще знаю одну игру Сосруки, сказалъ Сосрука.

— Какая же она?

— На горѣ, на высокой скалѣ живетъ у насъ такой же богатырь, какъ ты, эмегенъ; бросаетъ онъ оттуда огромные камни. Сосрука ждетъ внизу, подъ горою, и головою отбрасываетъ эти камни обратно на вершину.

Такъ сказалъ Сосрука эмегену.

— Покажи же, какой величины тѣ камни.

Сосрука показалъ ему. Собралъ эмегенъ на вершинѣ груды большихъ скалъ, спустился въ долину, уставился своими пятью головами и ждалъ. Полетѣли внизъ камни, быстро бросалъ ихъ одинъ за другимъ Сосрука, но такъ же быстро отбрасывалъ ихъ эмегенъ своими пятью головами, возвращая ихъ на вершину горы.

Съ помощью и этой хитрости не могъ С. умертвить эмегена.

— И за такіе-то подвиги у васъ прославили С.? Для меня эти камни сущіе пустяки: будто вши кусаютъ.

— У С. есть еще третья игра: среди самой холодной зимы С. выходитъ на глубокое мѣсто одного озера и тамъ стоитъ, пока озеро не замерзнетъ; тогда онъ поднимаетъ на себѣ весь ледъ и съ нимъ идетъ.

— Хорошо, сказалъ эмегенъ, и я то же сдѣлаю.

Полѣзъ онъ въ озеро. Сидитъ. Прошло 5 дней, и замерзло озеро. Пришелъ тогда къ нему С. и сказалъ: теперь поднимай! Сталъ эмегенъ подниматься,—ледъ началъ трескаться. С. закричалъ: стой! стой! я забылъ еще одну его игру.

— Все припомни—все выполню, сказалъ эмегенъ.

— Такъ дѣлалъ: подымалъ ледъ, какъ ты сейчасъ, и подъ него нѣсколько стоговъ соломы накладывалъ, и ждалъ опять 5 дней, пока все не смерзалось.

Навезъ эмегенъ соломы, положилъ подъ ледъ и ждалъ. Пришелъ на 6-ой день С.

— Теперь срокъ наступилъ: поднимай!

Эмегенъ попробовалъ подняться и не могъ: и тянулся, и рвался, и качался, напрягъ всѣ силы,—и не могъ встать.

Тогда эмегенъ сказалъ: ты обманулъ меня: ты не простой человѣкъ, а ты самъ и есть настоящій Сосрука. Чего же ты хочешь отъ меня? убить? Хитрецъ, ты доканалъ уже меня. Теперь я убѣжденъ, что ты настоящій С., и меня не помилуешь, не простишь и, не убивши, не выпустишь.

Обнажилъ С. шашку и отрубилъ у эмегена четыре неговорящихъ головы, а пятую, говорящую, не смогъ отрубить.

— Не трудись понапрасну, не мучь ни себя ни меня: не отрубить твоей шашкѣ моей головы; а вотъ въ замкѣ моемъ ты найдешь большой черный сундукъ: въ немъ лежитъ шашка моя богатырская. Достань ее; принеси сюда, и то-

гда ты отрубишь мнѣ голову и прекратишь мои мученія; а когда отрубишь мнѣ голову, разсѣки мой хребетъ, достань оттуда мозгъ и подпояшься имъ. Вотъ тебѣ мой совѣтъ, вотъ тебѣ мое завѣщаніе.

Пошелъ С. въ замокъ эмегена, вошелъ въ башню: увидѣлъ большой черный сундукъ, подошелъ къ нему, но не сталъ открывать его голыми руками: взялъ онъ длинную желѣзную палку, приподнялъ этою палкою тяжелую крышку, и вылетѣла оттуда, какъ пуля, шашка эмегена сама собою, свистнула въ воздухѣ и пополамъ разсѣкла желѣзный столбъ, стоявшій посреди палаты. Тутъ она упала. Подошелъ къ ней С., хотѣлъ поднять,—не смогъ: такъ была она велика и тяжела,—поволокъ онъ ее за собою.

Эмегенъ думалъ, что шашка разсѣкла С. надвое: опечалился онъ, когда увидѣлъ, что идетъ къ нему С. невредимымъ и шашку волочитъ за собою. Подошелъ С. къ эмегену, поднялъ шашку съ большимъ трудомъ обѣими руками и отрубилъ эмегену послѣднюю голову. Разсѣкъ ему хребетъ, вынулъ мозгъ, отыскалъ огромную сосну въ два обхвата толщиною и обмоталъ стволъ этимъ мозгомъ: дерево тотчасъ упало, перерѣзанное на столько кусковъ, сколько разъ онъ его обмоталъ. Такъ С. освободилъ карачаевскій народъ отъ чудовища-эмегена.

VII.

Отъ Картджюрта до Кисловодска.

Плоскогоріе Бичесынъ. Озеро Хорла-кёль. Ночевка подъ Бермамытомъ. Ночное приключеніе. Прибытіе въ Кисловодскъ и осмотръ „группъ". [illegible] Возвращеніе домой.

Нѣкоторыя затрудненія представила намъ необходимость найти около 60 лошадей для насъ, для вещей и для погонщиковъ. Благодаря содѣйствію Боташева, мы ихъ имѣли къ сроку. Распростившись съ В. М. Сысоевымъ, оставшимся въ Картджюртѣ для производства раскопокъ, мы покинули Картджюртъ и сейчасъ же вступили въ ущелье, держа путь на сѣверо-востокъ. Колесной дороги не было: была тропинка, по которой можно было пройти или проѣхать верхомъ, мѣстами приходилось слѣзать съ лошадей и пѣшкомъ взбираться на крутизну. Мои спутники прошли уже хорошую школу для того, чтобы затрудняться при спускахъ или подъемахъ, а ихъ было не мало. Въ часъ мы переправились въ бродъ черезъ пѣнистый Худесъ и поднялись по крутой тропинкѣ на вершину хребта. Передъ нами открылось море горъ: ряды хребтовъ, ущелій, плоскогорія, сливавшіяся въ золотистой дали съ горизонтомъ, сейчасъ же показали намъ, что передъ нами знаменитое плоскогоріе Бичесынъ, пріютъ многочисленныхъ кошей. Къ двумъ часамъ мы прибыли къ живописному горному озеру Хорла-кёль, расположенному въ сосновомъ лѣсу. Карачаевское преданіе говоритъ, что на днѣ этого озера въ серебряномъ дворцѣ живетъ горный духъ, что онъ иногда вы-

гоняетъ на окрестные зеленые луга своихъ среброрунныхъ овецъ; кто хоть одну поймаетъ, будетъ навѣкъ счастливъ. Полчаса мы провели на берегу озера, напились сытнаго и вкуснаго айрану, привезеннаго съ сосѣдняго коша, и двинулись далѣе, продолжая подыматься все выше и выше. Дорога была хорошая, все по вершинамъ хребтовъ. Скоро облака стали окутывать насъ со всѣхъ сторонъ, и мы принуждены были ѣхать гуськомъ, пославъ впередъ проводниковъ. Глухо раздавался среди горной пустыни топотъ 60 лошадей. Иногда слѣва, словно привидѣніе, простирающее свои руки, медленно проплывалъ мимо насъ силуэтъ развѣсистой сосны и тотчасъ же исчезалъ въ молочнаго цвѣта туманѣ. Было 6 часовъ, когда я рѣшилъ, въ виду густоты тумана, остановиться на ночлегъ; къ тому же до Бермамытской скалы оставалось верстъ 18, а внизу, по словамъ проводниковъ, былъ кошъ. Едва мы спустились нѣсколько и вышли изъ сферы облаковъ, ведя лошадей за поводья, какъ нашимъ глазамъ открылся неказистый горный закоулокъ; кое-гдѣ по склонамъ ютились коши, чернѣли стада овецъ. Мы стали на ночевку на открытомъ мѣстѣ.

Тотчасъ же всѣ лошади были развьючены, и вещи снесены въ одно мѣсто; мы расположились вокругъ нихъ на буркахъ и брезентахъ. Было куплено два барана, ведро айрану, нѣсколько охапокъ дровъ. Корнѣй принялся за стряпню; то же отдѣльно продѣлывали наши карачаевцы, которымъ былъ подаренъ одинъ баранъ. Благодаря туману, стемнѣло очень быстро. Карачаевцы, усѣвшись вокругъ котла, въ которомъ варился цѣлый баранъ, запѣли; вѣрнѣе, пѣлъ одинъ, остальные подхватывали напѣвъ и тянули его въ унисонъ; что-то печальное, унылое, гармонирующее съ нашимъ угрюмымъ уголкомъ, слышалось въ этихъ тягучихъ звукахъ. Печальна и однообразна восточная пѣсня; это пѣсня рабовъ, а не людей свободныхъ... Карачаевцы насъ скоро усыпили своимъ пѣ-

ніемъ. Часовые заняли свои мѣста: здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, нужна была охрана. Часа въ 2 ночи слышу за оврагомъ чьи-то визгливые вопли... Наши карачаевцы тоже проснулись—слушаютъ. „Волкъ барана тащитъ! стрѣляй скорѣй!" загалдѣли они по-своему. Часовой выстрѣлилъ вверхъ, и все затихло. Несмотря на изобиліе собакъ, волковъ тоже немалое количество въ окрестныхъ лѣсахъ, и бѣднымъ овечкамъ часто приходится попадать имъ на зубокъ.

Проснулись мы въ 4 часа, а въ 5 были уже въ дорогѣ и къ 12 сдѣлали привалъ на знаменитой Бермамытской скалѣ, куда часто ѣздятъ коляски и кавалькады изъ Кисловодска, до котораго отсюда считается 40 верстъ. Отдохнувъ на Бермамытѣ (а не на Бермамутѣ, какъ его называютъ въ Кисловодскѣ), пострѣлявъ здѣсь орловъ, гнѣздившихся по скаламъ: патроновъ жалѣть уже не было нужды,—мы въ 7 часовъ вечера были у въѣзда въ Кисловодскъ, усталые, грязные. Выстроившись по 4 въ рядъ, мы чинно въѣхали въ мѣстечко. Остановились мы, благодаря любезному разрѣшенію директора народныхъ училищъ Терской области, полученному нами еще въ Екатеринодарѣ, въ двухклассномъ училищѣ, близъ церкви, и тотчасъ принялись за мытье и чистку. Часа черезъ полтора, одѣтые въ чистое бѣлье и запасную пару платья, прибереженную для этого „торжественнаго случая", мы отправились въ знаменитый липовый паркъ. Электрическій свѣтъ, фонтаны, музыка, цвѣтники, пестрая, нарядная толпа чарующимъ образомъ дѣйствовали на моихъ спутниковъ, только-что покинувшихъ жизнь полуцивилизованнаго человѣка, какую мы вели въ теченіе мѣсяца... Веселымъ, свѣтлымъ огнемъ горѣли глаза у всѣхъ моихъ спутниковъ: чувствовалось, какое сильное доказательство своего могущества дала имъ цивилизація, образованность. Многіе это сейчасъ же и выразили вслухъ. Напившись нарзану, мы направились къ казенной гостиницѣ въ паркѣ и заказали

ужинъ, „настоящій“, приготовленный руками настоящаго повара въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ, поданный вѣжливыми лакеями, ужинъ на бѣлоснѣжной скатерти, блестѣвшей хрусталемъ и серебромъ и, о роскошь!—на тарелкахъ.

На слѣдующій день, оставивъ въ Кисловодскѣ, подъ присмотромъ Корнѣя, всѣ вещи, мы побывали въ Пятигорскѣ, осмотрѣли его достопримѣчательности: галлереи, гротъ Лермонтова, провалъ, бульвары, статую Лермонтова, смотрящаго на Эльбрусъ, туда, откуда мы вчера прибыли. Для многихъ, думается, стала понятна теперь любовь къ Кавказу Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого.

„Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ!“ кто-то тихо сказалъ, глядя на бронзовое лицо поэта, обращенное къ кавказскимъ великанамъ. Поздно вечеромъ вернулись мы обратно, успѣвъ заѣхать еще въ Желѣзноводскъ и обѣжать его аллеи.

Утромъ, сидя въ удобномъ вагонѣ, мы быстро выкатились на великую россійскую равнину. И замелькали мимо хутора, станицы, ряды стоговъ по степи, станціи, тополи, казаки и казачки, безконечныя вереницы вагоновъ...

Утромъ мы были въ Екатеринодарѣ.

13-го апрѣля 1899 года.

Г. Екатеринодаръ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) Метеорологическіе наблюденія и журналъ экскурсіи, составл. преподавателемъ физики С. И. Борчевскимъ и учениками Екатеринодарской гимназіи.

2) Описаніе минералогической коллекціи, собранной въ бассейнѣ верхняго теченія Кубани, во время экскурсіи, составл. С. И. Борчевскимъ.

3) Описаніе минеральныхъ источниковъ, встрѣченныхъ экскурсантами, составл. С. И. Борчевскимъ.

4) Жуки и бабочки, собранные Вл. Телѣгою, ученикомъ VII кл., во время экскурсіи.

5) Растенія, собранныя въ Карачаѣ Роландомъ Шпаллингомъ, ученикомъ V кл.

6) Фрески Сентинскаго храма.

I. Метеорологическія наблюденія и метеорологическій журналъ.

(Состав. преп. физики, С. И. Борчевскимъ, и учениками Екатеринодарской гимназіи).

Метеорологическій журналъ, предлагаемый ниже, касается климата Большого и Малаго Карачая, т. е. долинъ р. Кубани, въ верхнемъ теченіи, и притока ея, Теберды.

Онъ составленъ на основаніи наблюденій метеорологическихъ элементовъ и разспросовъ у жителей во время ученической экскурсіи въ Карачай лѣтомъ 1898 года. Эти наблюденія производились мною совмѣстно съ учениками Екатеринодарской гимназіи, главнымъ образомъ, Михайловымъ и Игнатьевымъ, согласно программѣ, составленной особой комиссіей по порученію Императорскаго общества естествоиспытателей при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ; что касается разспросовъ у жителей, то они производились учениками на основаніи вопросника, составленнаго мною, и отмѣчались ими въ записныхъ книжкахъ.

Для наблюденія температуры были выписаны гимназіей отъ фирмы О. Рихтера три дорожныхъ провѣренныхъ термометра, каждый цѣною въ 5 рублей. Атмосферное давленіе опредѣлялось по дорожному анероиду Гольдшмидта, выписанному отъ той же фирмы за 100 рублей.

Въ нашемъ журналѣ показанія анероида приведены къ показаніямъ ртутнаго барометра по формуламъ и таблицамъ, приложеннымъ къ анероиду; по нимъ же были опредѣлены и барометрическія высоты различныхъ мѣстностей, при чемъ за начало была принята высота надъ уровнемъ моря станціи

Невинномысской Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, равная 154 саженямъ.

Само собою разумѣется, что высоты различныхъ мѣстъ, данныя въ журналѣ, имѣютъ только приблизительное значеніе, такъ какъ состояніе атмосферы въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ одновременно можетъ быть весьма различно, а потому числовыя данныя высотъ даны мною въ круглыхъ цифрахъ.

Метеорологическія наблюденія имѣютъ серіозное научное значеніе только въ томъ случаѣ, если производятся на одномъ и томъ же мѣстѣ въ теченіе долгаго времени, а потому на основаніи одного нашего журнала, въ виду кратковременности наблюденій, трудно сдѣлать какіе-нибудь положительные выводы; но, принявъ во вниманіе скудость нашихъ свѣдѣній о климатѣ юго-восточной части Кубанской области, мѣстности интересной во многихъ отношеніяхъ, думаемъ, что и предлагаемыя ниже наблюденія могутъ имѣть нѣкоторое значеніе.

Въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на изученіе въ климатическомъ отношеніи такъ называемаго Малаго Карачая, т. е. долины Теберды, лѣваго притока Кубани.

Изученіе климата, и, вообще, природы этой мѣстности интересно не только въ научномъ отношеніи, но можетъ имѣть общегосударственное значеніе, такъ какъ долина рѣки Теберды представляетъ чрезвычайно благопріятныя условія для устройства санаторій и климатическихъ лѣчебныхъ станцій. Всѣ необходимыя условія для этого налицо: въ высшей степени живописная мѣстность, разрѣженный чистый горный воздухъ, сосновый лѣсъ, масса ручьевъ, присутствіе минеральныхъ источниковъ, наконецъ, отсутствіе жары лѣтомъ и слабые морозы зимою.

Несомнѣнно, что съ проведеніемъ желѣзной дороги жизнь закипитъ здѣсь ключомъ, такъ какъ край богатъ естественными произведеніями; въ настоящее же время здѣсь жизнь

довольно скучна. Дорога длиною около 80 верстъ, между Невинномысской и Хумарой, служитъ большимъ препятствіемъ къ тому, чтобы Теберду посѣщали люди больные и жаждущіе отдыха; впрочемъ, и теперь многіе, страдающіе грудными болѣзнями, проводятъ лѣто на Тебердѣ, такъ какъ природа долины этой рѣки такова, что одна она можетъ излѣчить отъ многихъ болѣзней. Долина рѣки Теберды производитъ чарующее впечатлѣніе своей красотой и особой мягкостью тоновъ; коверъ роскошныхъ травъ, темнозеленыя горы, покрытыя роскошной растительностью и подинмающіяся по обѣимъ сторонамъ красавицы Теберды, прозрачный горный воздухъ вызываютъ жизнерадостное настроеніе, которое охватываетъ путешественника, какъ только онъ вступаетъ въ эту долину.

Въ особенности, пригодна для дачъ и климатическихъ станцій средняя часть долины и мѣсто близъ дачи Кузовлева: здѣсь сосновый лѣсъ, здѣсь впадаетъ въ Теберду невыразимой красоты притокъ ея Джемагатъ, вблизи находится мѣстность Гуначъ-киръ, одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ Россіи; въ виду дачи находятся и снѣговыя вершины Кавказа; недалеко и до Клоухорскаго перевала; въ 10 верстахъ отъ дачи Кузовлева находится углекислый желѣзистый источникъ и т. д.

Всѣ эти условія дѣлаютъ эту долину однимъ изъ пріятнѣйшихъ мѣстъ Кавказа.

Долина р. Теберды, имѣя въ длину около 90 верстъ, расположена надъ уровнемъ моря, какъ видно изъ журнала, довольно высоко: она постепенно поднимается отъ 2600 футовъ (Хумара) до 6400 (конторка подъ Клухорскимъ переваломъ). Она на всемъ своемъ протяженіи замкнута съ обѣихъ сторонъ высокими горами, покрытыми густыми лиственными лѣсами, а начиная отъ аула Теберды и хвойными; около дачи Кузовлева начинается чудный пихтовый лѣсъ. Высокіе хребты, защищающіе эту долину отъ охлаждающаго

дѣйствія Эльбруса и ослабляющіе силу сѣверо-восточнаго вѣтра, а также обиліе влаги обусловливаютъ здѣсь довольно ровный климатъ. Какъ видно изъ показаній старожиловъ (см. далѣе), *здѣсь лѣтомъ не жарко, а зимою морозы бываютъ самые слабые*. Все это интересно провѣрить точными многолѣтними наблюденіями.

Во время нашего пребыванія въ этой долинѣ наивысшая температура, которая замѣчена нами, была, несмотря на іюль мѣсяцъ, 27° С, а наименьшая—на разсвѣтѣ 4 іюля 6° С. Вѣтровъ сильныхъ не было. Дождемъ смачивало насъ нѣсколько разъ; въ Большомъ же Карачаѣ, т. е въ долинѣ Кубани, при насъ не было ни одного дождя. Отсутствіе лѣсовъ около Учькулана и близость Эльбруса служатъ причиной того обстоятельства, что климатъ въ Большомъ Карачаѣ суровѣе и суше. По словамъ старожиловъ, зимою здѣсь бываютъ сильные морозы и вьюги,—хотя лѣтомъ здѣсь также не жарко, благодаря высокому положенію мѣстности надъ уровнемъ моря и сосѣдству Эльбруса.

Метеорологическія наблюденія и свѣдѣнія, собранныя путемъ разспросовъ во время экскурсіи въ Карачай.

1. Отъ станціи Невинномысской Ростово-Владикавказской желѣзной дороги до станицы Усть-Джегутинской, находящейся южнѣе Баталпашинска, мѣстность однообразная, имѣющая склонъ къ сѣверу и сѣверо-востоку, а потому совершенно открытая для вѣтровъ N и NE, которые здѣсь причиняютъ много вреда хлѣбамъ.

За станицей Усть-Джегутинской мѣстность болѣе гористая. Отроги Кавказскихъ горъ придвинулись къ самой Кубани и образовали рядъ живописно-разбросанныхъ скалъ, уступовъ и овраговъ. Въ особенности красива дорога у горы

„Учькульки“ и дальше: народъ мѣста эти отмѣтилъ названіями „мышиная тропа“, „гора Шелудивка“, „мѣстность Еманка“ и пр.

Съ одной стороны дороги поднимаются высокія скалы, а съ другой—открывается широкій горизонтъ и красивый видъ на Кубань. Передъ горой Шелудивкой, верстахъ въ четырехъ отъ станицы Красногорской, находится минеральный источникъ. Съ западной стороны его поднимаются надъ Кубанью почти отвѣсныя скалы, состоящія изъ известковистыхъ песчаниковъ желтоватаго и коричнево-краснаго цвѣта, съ восточной стороны—болѣе пологія горы.

Температура воды въ источникѣ 12° С. Въ водѣ замѣтно присутствіе сѣрнистаго желѣза и углекислоты, поднимающейся со дна въ видѣ пузырьковъ. Вода пріятна на вкусъ. Кругомъ источника и на днѣ его черная грязь (сѣрнистое желѣзо). Наполняется онъ водою быстро. Послѣ намъ сообщили, что нѣсколько выше, подъ кручей, есть еще два источника — посильнѣе.

Въ этихъ мѣстахъ, т. е. въ мѣстности отъ Баталпашинска къ Хумарѣ, дожди перепадаютъ часто. Во время нашего путешествія, за горой Учькулькой насъ захватилъ такой ливень, что не оставилъ на насъ и сухой нитки, а дорогу испортилъ такъ, что пришлось брести по водѣ нѣсколько верстъ. Правда, лѣто 1898 года было вообще очень дождливо.

2. Хумара. Высота 2600 фут.

Бывшее Хумаринское укрѣпленіе, а теперь станъ пристава, расположено на правомъ берегу Кубани, въ горной долинѣ, съ двухъ сторонъ которой поднимаются довольно высокіе горные хребты. Здѣсь единственный удобный входъ въ Карачай. Начиная отъ Хумары, горы покрыты сплошными лиственными лѣсами.

Климатъ мягкій. Весна начинается поздно, а въ особенности въ 1898 году. Первая трава показывается обыкновенно въ серединѣ апрѣля; покосъ ея начинается во второй поло-

винѣ іюля. Атмосферныхъ осадковъ выпадаетъ наиболѣе всего весною: начиная со второй половины мая и до конца іюня дожди идутъ почти ежедневно. Лѣтомъ здѣсь очень хорошо: жары особенной не бываетъ. Во время нашего пребыванія 28 іюня температура воздуха въ 1 часъ была 24°,4 С. Хумара можетъ быть чуднымъ дачнымъ мѣстомъ. Осень начинается поздно, и она непродолжительна. Зима начинается очень рано: въ концѣ сентября или въ октябрѣ выпадаетъ первый снѣгъ. Морозы зимою бываютъ самые слабые; мятелей, и вьюгъ совсѣмъ не замѣчали.

Вѣтры преимущественно дуютъ N и NW. Воздухъ всегда чистъ и прозраченъ.

3. Аулъ Сенты и женскій монастырь того же имени. (Высота аула 3290 и монастыря 3480).

Аулъ, населенный карачаевцами, расположенъ на правомъ низкомъ берегу р. Теберды, а на лѣвомъ, высоко поднимающемся надъ рѣкой, находится женскій монастырь. Отъ Хумары до него верстъ 20. Атмосферныхъ осадковъ замѣчается больше всего весною: дожди частые и всегда при вѣтрѣ NW. Зимане холодная, но снѣжная; снѣгъ зимою выпадаетъ хотя и часто, но долго не держится.

Около 8 часовъ утра 3 іюля температура Теберды была 8°,2 С. Быстрота теченія ея здѣсь около 5 арш. въ секунду. Наибольшая температура воздуха, замѣченная нами, была 23°,8, а наименьшая 10,7° (въ монастырѣ).

4. Кузовлева дача. Высота 4200 фут.

Кузовлева дача расположена на правомъ берегу р. Теберды надъ красивымъ озеромъ; вблизи находятся другія дачи: горнаго инженера Кондратьева, Крымъ-Шамхалова и др. Мѣстность представляетъ долину р. Теберды, замкнутую съ двухъ сторонъ высокими хребтами, которые тянутся параллельно р. Тебердѣ.

Весна здѣсь начинается въ мартѣ—апрѣлѣ мѣсяцахъ; очень теплая. Лѣто здѣсь прекрасное время года: никогда не

бываетъ жарко. Во время нашего пребыванія здѣсь 4 іюля въ 1 часъ дня и 8-го температура воздуха была 27°,8 и 23°,4. Рѣзкихъ колебаній температуры здѣсь не замѣчалось.

Зимы здѣсь хотя и снѣжныя, но теплыя, такъ какъ *морозовъ здѣсь почти не бываетъ*. Снѣгъ выпадаетъ очень рано, приблизительно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а въ 1895 году первый снѣгъ выпалъ 29-го августа и покрылъ почву на 1½ аршина.

Температура р. Теберды 9-го іюля 1898 года около 7 часовъ утра была 6°,6 С. Теберда не замерзаетъ.

5. Подъ Клухорскимъ переваломъ. Конторка—6400 фут.

Въ тридцати верстахъ отъ дачи Кузовлева подъ самымъ Клухорскимъ переваломъ расположено зданіе Министерства Путей сообщенія, извѣстное подъ именемъ „Конторки". Она расположена надъ Тебердой, берущей начало изъ Тебердинскаго озера, находящагося, считая по прямому пути, верстахъ въ трехъ отъ Конторки. Мѣсто это расположено уже довольно высоко, а именно приблизительно 6400 футовъ.

Весна начинается съ 15-го мая, осень съ 1-го сентября, а въ октябрѣ уже „форменная" зима. Снѣгъ выпадаетъ въ первыхъ числахъ сентября и держится до самаго мая мѣсяца, а на горахъ, поднимающихся надъ Конторкою, снѣгъ не сходитъ цѣлое лѣто. Зима снѣжная, но теплая. Очень часто бываютъ туманы, преимущественно мокрые. 6-го іюля, когда мы поднимались отъ Конторки къ Тебердинскому озеру, туманъ нѣсколько разъ окутывалъ насъ такъ, что впереди ничего не было видно. Температура воздуха въ 12 часовъ была 22°, а въ туманѣ въ 2 часа 12°.

6. Тебердинское озеро. Высота 8300 фут.

Тебердинское озеро расположено на высотѣ 8300 футовъ надъ уровнемъ моря. Оно имѣетъ почти круглую форму; изъ него вытекаетъ р. Теберда. Берега озера круты; оно нахо-

дится какъ бы въ ямѣ. Температура воздуха надъ самымъ озеромъ была 8°,2. Температура воды въ 2½ часа дня возлѣ берега была +3° С. Температура „Туманнаго озера“, находящагося въ долинѣ Теберды, въ 5—6 верстахъ (ниже) отъ Конторки была въ 7 часовъ утра 17°,5.

7. Минеральный источникъ.

9-го іюля по пути изъ Малаго Карачая въ Большой мы посѣтили минеральный источникъ, находящійся верстахъ въ десяти отъ дачи Бузовлева на лѣвомъ берегу Джемагата, притока рѣки Теберды.

Отъ дачи Кузовлева идетъ къ нему тропа правымъ берегомъ Джемагата. Путь былъ утомителенъ: приходилось подниматься вверхъ; но мы прошли его незамѣтно. Постоянная смѣна ландшафтовъ, одинъ лучше другого, полный прелести рокотъ Джемагата, представлявшаго непрерывную цѣпь каскадовъ, стрекотанье цикадъ и ароматъ душистыхъ и красивоцвѣтущихъ травъ, заставляли забывать всѣ трудности пути. Минеральный источникъ находится на землѣ аула Теберды.

Его можно было узнать по оранжевой грязи и жидкости такого же цвѣта, которую онъ оставляетъ на травѣ, стекая въ Джемагатъ.

Саженяхъ въ десяти отъ берега изъ-подъ камня бьетъ источникъ, чистый какъ слеза и покрытый пузырьками углекислоты.

Карачаевцы называютъ его Гаралыколъ, что значитъ „Ущелье кислой воды“. Температура воды была 5°,6 С. Расположенъ онъ въ ущельѣ, имѣющемъ направленіе N—S.

Несмотря на извѣстность свою среди карачаевцевъ за свои цѣлебныя свойства, источникъ содержится небрежно, или лучше сказать никакъ не содержится. Посѣщаютъ его только пастухи, да дикія козы приходятъ въ жаркое время и осенью пить воду, какъ бы чуя цѣлебныя свойства ея.

Мы очень много выпили этой воды и не чувствовали никакой тяжести; она вкусомъ напоминаетъ Нарзанъ въ Кисловодскѣ.

По словамъ карачаевцевъ, вблизи находятся еще два кислыхъ источника. Крѣпкая „кислая вода“ находится подъ ледникомъ у перевала Джелгъ-аушъ, въ верховьяхъ Джемагата.

8. Аулъ Доутъ.

Рядъ хребтовъ отдѣляетъ Малый Карачай отъ Большого.

Между хребтами Ипчикъ и Доутъ, въ котловинѣ находится аулъ Доутъ, на берегу рѣки того же имени.

Весна начинается съ 15-го апрѣля; въ это время больше всего выпадаетъ атмосферныхъ осадковъ. Лѣто не жаркое. 10-го іюля въ одинъ часъ дня было 22° С. Градъ бываетъ рѣдко и очень мелкій. Переходъ отъ лѣта къ зимѣ очень быстрый, такъ какъ осень здѣсь непродолжительна. Осенью дождей не бываетъ. Снѣгъ выпадаетъ въ концѣ сентября. Сильныхъ морозовъ не бываетъ. Вѣтеръ дуетъ, по большей части, съ южной стороны.

Температура воды въ р. Доутъ въ 6½ час. утра 9° С.

9. Аулъ Учь-куланъ и Картъ-Джюртъ.

Мѣстность представляетъ долину р. Кубани; съ двухъ сторонъ поднимаются высокія горы, характерная особенность которыхъ—отсутствіе лѣсовъ; благодаря этому обстоятельству, а также близости Эльбруса, климатъ здѣсь холоднѣе и суше, чѣмъ въ Маломъ Карачаѣ, т. е. долинѣ р. Теберды.

Весна здѣсь начинается въ началѣ мая; въ это время бываетъ здѣсь больше всего дождей. Зима начинается сравнительно рано; первый снѣгъ выпадаетъ въ началѣ октября. Морозы случаются большіе; бываютъ сильные мятели. Кубань замерзаетъ. Вѣтры преимущественно дуютъ N и S. Температура р. Кубани около Картъ-Джюрта 14-го іюля была 12° С.

Быстрота ея теченія около 5 арш. въ секунду.

Метеорологическій журналъ.

Мѣсто.	Число. По старому стилю.	Число. По новому стилю.	Часъ.	Термометръ по С.	Анероидъ, приведенный къ ртутному барометру.	Вѣтеръ. Направленіе.	Вѣтеръ. Сила.	Облачность. Видъ облаковъ.	Облачность. Количество.	Облачность. Направленіе.	Высота мѣста.	Особыя замѣчанія.
Отъ Невинномысской стан. Рост.-Владикавк. желѣз. дор. до Бѣломечетской станицы.	Іюнь. 22	Іюль. 4	7	—	730	—	—	—	—	—	1078ф.	Станція Невинномысская желѣзной дороги и станица расположены на берегу Кубани, въ мѣстности безлѣсной и холмистой. Въ 9 ч. вечера мы проходили черезъ высокую гору (20 вер. отъ Невинномысской).
			1	30,3	727,3	*NE*	4	*Cu*	3	*NW*		
			9	22	708,5	*NE*	3	*Cu*	3	—		
	23	5	7	21,4	726,9	*SE*	3	*C*	5	*SW*		Часовъ въ 6 вечера пошелъ небольшой дождь. Ночью сильный дождь и гроза.
			1	27	724,1	*SE*	3	*Cu*	7	*SE*		
			3	20	725,4	*SE*	1	*N*	10	—		
Отъ станицы Бѣломечетской до Баталпашинска.	24	6	7	17	721,7	*S*	2	*Cu S*	9	*S*	1310 Бѣломечетская.	Въ 7 час. веч. проливной дождь (подъ Баталпашинскомъ).
			1	25,8	715,8	*S*	1	*Cu*	9	*S*		
			9	19,2	716	*SE*	2	*Cu S*	9	*S*		
Баталпашинскъ.	25	7	7	—	715	—	0	*Cu S*	9	—	1650 Баталпашинскъ.	Подъ Баталпашинскомъ хлѣба страдаютъ отъ вѣтровъ (*N* и *NE*) и захвата (помхи). Въ 10 час. вечера грозовая туча облегла все небо.
			1	26.1	—	—	0	*Cu S*	7	—		
			9	19	713.5	—	0	*Cu S*	3	*S*		

Мѣсто.	Число. По старому стилю.	Число. По новому стилю.	Часъ.	Термометръ по C.	Анероидъ, приведенный къ ртутному барометру.	Вѣтеръ. Направленіе.	Вѣтеръ. Сила.	Облачность. Видъ облаковъ.	Облачность. Количество.	Облачность. Направленіе.	Высота мѣста.	Особыя замѣчанія.
Отъ Баталпашинска до Хумары.	26	8	7	22,3	713,2	NW	3	Cu	6	S		Отъ ст. Невинномысской до ст. Усть-Джегутинской мѣстность ровная За стан. Усть-Джегутинской дорога живописная; особенно красивыя мѣста близъ горы Учькульки (Мышиная тропа). Въ 6 час. вечера проливной дождь испортилъ дорогу.
			1	25	704,7	N	3	Cu S	7	N		
			9	16,5	700,3	—	0	C	1	—		
	27	9	7	17,7	699,1	NW	2	O	0	O		Ночевали у минеральнаго источника въ 4-хъ верстахъ передъ ст. Красногорской. Поздно вечеромъ пришли въ Хумару.
			1	29	688,7	SE	3	C	2	—		
			9	18	688	—	—	—	—	—		
Хумаринское укрѣпленіе.	28	10	7	16,3	688	SW	1	O	0	O	2600	Хумаринское укрѣпленіе расположено на правомъ берегу Кубани. На лѣвомъ поднимается гора Шоана, на которой находится древній храмъ. Начинаются сплошные лѣса.
			1	24,4	686,9	SW	3	Cu S	3	SW		
			9	24	—	—	—	—	8	—		
Отъ Хумары до Сентинскаго монастыря.	29	11	7	20,1	693	—	—	C Cu	9	W		Пройдя версты двѣ отъ Хумары, мы вошли въ долину р. Теберды, притока Кубани. Вечеромъ пришли въ Сентинскій женскій монастырь.
			1	24,6	680,8	NE	2	Cu	5	SE	3290 Аулъ Сенты.	
			9	23	671	NE	1	Cu	5	—		

Мѣсто.	Число. По старому стилю.	Число. По новому стилю.	Часъ.	Термометръ по С.	Анероидъ, приведенный къ ргутному барометру.	Вѣтеръ. Направленіе.	Вѣтеръ. Сила.	Облачность. Видъ облаковъ.	Облачность. Количество.	Облачность. Направленіе.	Высота мѣста.	Особыя замѣчанія.
Сенты, монастырь.	30	12	7	19.3	686,5	—	—	*C Cu*	2	*NE*	3480 Монастырь Сенты.	Сентинскій женскій монастырь расположенъ на склонѣ возвышеннаго лѣваго берега р. Теберды, у подножія высокой горы, на вершинѣ которой находится древній храмъ
			1	23	667,9	*N*	3	*Cu S*	7	*SE*		
			9	19,3	—	*NE*	3	*Cu S*	10	*S*		
	1-го іюля	13	7	16,4	668,1	*NE*	2	*C*/*Cu*	5	*N*		Утромъ небольшой туманъ.
			1	25	668,2	*N*	3	*Cu*	6	*N*		
			9	16,1	667,2	*SE*	1	*C*	3	*NE*		
	2	14	7	17.3	667	*SE*	2	*Cu*	3	*NW*		Въ 6 часовъ веч. поднялся сильный вѣтеръ и пошелъ дождь. Въ 7 часовъ веч. радуга.
			1	21,8	665,3	*N*	4	*C Cu*	4	*N*		
			9	14,8	667,8	*N*	4	*C*	2	—		
Отъ Сентинскаго монастыря до дачи Кузовлева.	3	15	7	16,2	678,4	*SW*	2	—	—	—		Очень красивая дорога. Вечеромъ дошли до Джемагата, притока рѣки Теберды, на берегу которой и заночевали.
			1	21,4	665	*NE*	3	*C Cu*	2	*NE*		
			9	16	650,2	—	—	*Cu S*	3	*E*		
Отъ дачи Кузовлева до Клухорскаго перевала.	4	16	7	14	649,3	*S*	—	*O*	0	*O*	4200 Дача Кондратьева.	Утро было очень холодное (7 град. С.). Путь лежалъ черезъ пихтовый лѣсъ; впереди снѣговыя вершины главнаго хребта.
			1	27,8	643	*N*	2	*C*	2	*NNE*		
			9	14,2	642,1	—	—	—	—	—		

Мѣсто.	Число. По старому стилю.	Число. По новому стилю.	Часъ.	Термометръ по C.	Анероидъ, приведенный къ ртутному барометру.	Вѣтеръ. Направленіе	Вѣтеръ. Сила.	Облачность. Видъ облаковъ.	Облачность. Количество.	Облачность. Направленіе.	Высота мѣста.	Особыя замѣчанія.
	5	17	7	12,6	641,5	*O*	0	*Cu*	2	*NNE*		Мѣстность Куначъкиръ (верхнее теченіе р. Теберды).
			1	17	617,6	—	—	*N*	10	*E*		
			9	15	599,5	—	-	*N*	10	*SE*		
Конторка.	6	18	7	13,6	599.1	*O*	0	*N*	10	*N*	6400 Конторка.	Въ 1 часъ дня на берегу Тебердинскаго озера.
			1	15,8	533,2	*O*	0	*N*	10	*NE*	8300 Тебердинское озеро.	
			9	14	600,1	*O*	0	*N*	10	—		
Отъ Клухорскаго перевала до дачи Кузовлева.	7	19	7	13,2	610,5	*O*	0	*N*	10	*SE*		Почти весь день шелъ дождь.
			1	16,4	614.2	*O*	0	*N*	10	*SE*		
			9	12	654	—	0	*C*	3	*SE*		
Отъ дачи Кузовлева до Учькулана.	8	20	7	12.4	—	—	—	—	—	—		
			1	23,4	652	*N*	3	*Cu*	2	*S*		
			9	14	650,1	—	—	—	—	—		
	9	21	7	13,4	651,4	*O*	0	*C*	1	*NNW*		Въ 4 часа подъ источникомъ кислой воды.
			1	23	615,3	*NE*	2	*C Cu*	2	*N*	5760 Минеральный источникъ.	
			9	—	—	—	—	—	—	—	8900	Поздно вечеромъ дошли до перевала Ипчикъ, гдѣ и заночевали.
	10	22	7	13	611,3	*O*	0	*O*	0	*O*	6000 Аулъ Доутъ	Аулъ-Доутъ.
			1	22	611,5	*S*	3	*Cu*	2	*N*/*S*	8160 Перевалъ Доутъ.	
			9	14	650,9	—	—	—	—	—		

Мѣсто.	Число. По старому стилю.	Число. По новому стилю.	Часъ.	Термометръ по С.	Анероидъ, приведенный къ ртутному барометру.	Вѣтеръ. Направленіе.	Вѣтеръ. Сила.	Облачность. Видъ облаковъ.	Облачность. Количество.	Облачность. Направленіе.	Высота мѣста.	Особыя замѣчанія.
Учькуланъ.	11	23	7	—	650,1	—	3	*Cu*	2	—	4300 Учькуланъ (школа).	
			1	25	648,5	*S*	4	*Cu S*	4	*S*		
			9	16,6	650,4	*S*	6	*N*	10	—		
Отъ Учькулана до Эльбруса и отъ Эльбруса до Картъ-Джюрта.	12	24	7	16,2	650,2	—	—	*Cu C*	3	*NW*		У подножія Эльбруса.
			1	23	564,8	*S*	2	*Cu C*	3	*NW*		
			9	16	655,8	—	1	—	—	—		
Аулъ Картъ Джюрта.	13	25	7	18,4	657	—	—	*C*	5	*NNW*	4060 Аулъ Картъ-Джюртъ.	
			1	27	—	*S*	3	*C Cu*	8	*NW*		
			9	16	656,8	—	—	*C*	7	*NNW S*		
	14	26	7	18	657,2	—	—	*C Cu*	6	*N*		
			1	26	662,4	*N*	3	*Cu S*	7	*NNE*		
			9	20,6	657,5	—	2	*N*	8	*NNW*		
Отъ Картъ-Джюрта до Кисловодска.	15	27	7	20	657,7	*S*	2	*C Cu*	7	*NE*	7560 Перевалъ Хурла.	Перевалъ Хурла и озеро Хурла-кёль. Бечесынъ.
			1	21	580,8	—	—	—	—	—		
			9	16	602,6	*E*	2	*Cu S*	10	—		
	16	28	7	13,6	579,7	*E*	4	*N*	9	*NW*		Бечесынъ и Бермамытъ, Кисловодскъ.
			1	19,4	—	*NE*	3	*C Cu*	8	*NW*		
			9	21	—	—	—	*C*	10	—		

2. Описаніе минералогической коллекціи, собранной въ верховьяхъ Кубани во время экскурсіи.

(Составл. С. И. Борчевскимъ).

---

1. *Глинистый мергель* сланцеватаго сложенія. Взятъ возлѣ станицы Бѣломечетской. Мѣстность около этой станицы сложена изъ глинистыхъ мергелей сланцеватаго и частью листоватаго сложенія (см. Барботъ-де-Марни).

2. *Грубый известнякъ.* Берегъ Кубани близъ Баталпашинска.

Недалеко отъ Баталпашинска породы переходятъ постепенно въ плотные известковистые мергели и глинистые известняки.

3. *Глинистый сланецъ.* Образецъ взять за Баталпашинскомъ.

Около Баталпашинска находится соленый источникъ, а также два озера, изъ которыхъ добывается глауберовая соль.

4. *Известковый шпатъ.*

У горы Учькульки, за ст. Усть-Джегутинской.

5. *Кусокъ кварца.* Берегъ Кубани близъ ст. Усть-Джегутинской.

За станицей Усть-Джегутинской находятся выходы мѣловой и частью юрской системы.

Вблизи станицы Усть-Джегутинской попадаются хорошій строительный известнякъ, гипсъ, алебастръ. Въ горѣ Учькулькѣ находятъ горный хрусталь.

6. *Каменный уголь*, разновидность Бохгадъ. Хумаринская копь Утякова.

7. *2 куска окаменѣлаго дерева.* Тамъ же.

Отъ Устья р. Теберды и приблизительно до ст. Красногорской мѣстность сложена, главнымъ образомъ, изъ угленосныхъ песчаниковъ и сѣрыхъ сланцеватыхъ мергелей юрской системы. Уголь залегаетъ тонкими пластами отъ 1 до 12 вершковъ толщины. На этомъ пространствѣ находится нѣсколько копей; нѣкоторыя существуютъ уже болѣе двадцати лѣтъ.

8. *Известковый мергель*. Хумара—Сенты.

9. *Слюдяный сланецъ съ зернами молочнаго кварца.* Берегъ Теберды близъ аула Сенты.

10. *Бурая сланцеватая глина.* Близъ аула Теберды.

11. *Гранитъ сѣрый.* Гуначъ-киръ. (Теберда).

12. *Горѣлый гранитъ.* Тамъ же.

13. *Сіенитъ.* Тамъ же.

Военно-сухумская дорога, ведущая по берегу верхняго теченія Теберды (мѣстность Гуначъ-киръ) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорублена въ гранитныхъ скалахъ, гдѣ и были взяты образцы гранитовъ.

14. *Кусокъ кварца;* въ немъ вкрапленія чернаго турмалина или шерла.

15. *Мраморъ.* 4 куска разныхъ цвѣтовъ.

Отъ впаденія Джемагата тянется кряжъ на Доутъ, длиною около 20 верстъ. Въ этомъ хребтѣ въ долинѣ р. Теберды, не доѣзжая съ версту до Джемагата, праваго притока Теберды, добываютъ мраморъ и алебастръ. Мѣстность носитъ названіе у карачаевцевъ Кара-су; тамъ бьетъ родникъ чудной воды, которая посредствомъ водопровода проведена до аула Теберды для орошенія полей. Вышеупомянутый кряжъ другимъ концомъ упирается въ долину р. Доутъ. По словамъ карачаевцевъ, весь почти хребетъ состоитъ изъ мрамора; у самаго

аула Доутъ добывается мраморъ сѣрый, бѣлый съ различными прожилками: зелеными, розовыми и пр. Правда, мраморъ крупнозернистый, невысокаго качества, но можно надѣяться, что если взорвать наружные слои, то могутъ попасться и залежи болѣе цѣннаго мрамора.

16. *Алебастръ,* 2 куска.

Въ этомъ же хребтѣ близъ аула Доутъ.

17. *Молочный кварцъ.* Близъ аула Доутъ.

18. *Красный желѣзнякъ.* Аулъ Картъ-Джюртъ.

19. *Бѣлая глина* Аулъ Учькуланъ.

20. *Гранитъ темносѣрый.* Аулъ Учькуланъ.

21. *Хлоритовый сланецъ.* Берегъ Кубани близъ Худесскаго рудника.

22. *Слюдяной сланецъ.* Тамъ же.

Въ мѣстности, расположенной по верхнему теченію Кубани, развиты кристаллическіе сланцы; встрѣчается фельзитъ-порфиръ. При впаденіи р. Худеса въ Кубань находятся свинцово-серебряные рудники, гдѣ и были взяты образцы свинцово-серебряной и цинковой рудъ.

23. *Серебро-свинцовая руда.* 2 куска. Худесскій рудникъ.

24. *Серебро-свинцовая руда* съ вкрапленіями мѣдной. Худесъ.

25. *Серебро-свинцовая руда* въ фельзитъ-порфирѣ. Худесъ.

26. *Цинковая руда.* Худесъ.

29. *Порфиръ.* Верхнее теченіе Кубани.

30. *Трахитъ.* Въ 2 верстахъ отъ подножія Эльбруса. Ущелье Битюкъ-тюбе-су.

31. *Обсидіанъ.* Тамъ же.

32. *Яшма* 2 куска. Близъ Худеса.

Примѣчаніе: Коллекція находится при обществѣ любителей изученія Кубанской области.

3. Описаніе минеральныхъ источниковъ, встрѣченныхъ экскурсантами.

(Составл. С. И. Борчевскимъ).

1. *Соленый источникъ.* Близъ Баталпашинска.

2. *Желѣзисто-углекислый.* Не доходя 4-хъ верстъ до ст. Красногорской, саженяхъ въ 5—6 отъ дороги. Температура 12° С. Вокругъ источника и на днѣ его черная грязь (сѣрнистое желѣзо); пузырьки углекислоты подымаются отъ времени до времени. Источникъ наполняется быстро. Тамъ же невдалекѣ, по словамъ старожиловъ, есть еще два такихъ же источника посильнѣе.

3. *Соленый источникъ.* На берегу р. Теберды между долиною Джингерикъ и Сенты, недалеко отъ сторожки.

4. *Желѣзный источникъ.* На лѣвомъ берегу р. Джемагата, прит. р. Теберды, съ большимъ содержаніемъ углекислоты. Источникъ находится въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега Джемагата, и вода его стекаетъ въ эту рѣчку, оставляя послѣ себя слѣдъ изъ оранжевой грязи (окись желѣза). Температура 5°,6 С. Говорили, что вблизи есть еще два источника.

5. По разсказамъ карачаевцевъ, источникъ *„кислая вода“* есть у перевала Джелкъ-аушъ (подъ ледникомъ) въ верховьяхъ Джемагата.

6. *Желѣзисто-углекислый.* Два источника въ 3-хъ верстахъ отъ аула Доутъ и 50 саженяхъ отъ берега р. Доутъ.

7. Въ мѣстности „Джазлы“ былъ говорятъ *кислый* источникъ, но заваленъ.

8. 5 источниковъ желѣзисто-углекислыхъ и др. встрѣчается по дорогѣ къ Эльбрусу въ ущельѣ *Битюкъ-тюбе-су*.

Минеральные источники встрѣчаются и по Уллу-каму.

4. Жуки и бабочки, собранныя Владимиромъ Телѣгой,

воспитанникомъ 7-го класса Екатеринодарской гимназіи, во время ученической экскурсіи въ Карачай, лѣтомъ 1898 года.

Жуки.

№	Названіе.	Мѣсто нахожденія.	Время нахожденія.	Погода.
1	*Cicindella hybrida.*	Кузовлева дача. На травѣ.	7 іюля 1898 г.	Пасмурно.
2	*Cicindella hybrida.*	Близъ Сентинскаго женскаго монастыря. На пескѣ.	29 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
3	*Carabus hortensis*	Близъ Сентинскаго женскаго монастыря. Подъ камнями, у подошвы горы; на южномъ склонѣ.	29 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
4	*Calosoma sycophanta.*	Близъ Сентинскаго женскаго монастыря. У подошвы горы, на южномъ склонѣ.	29 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
5	*Silpha atrata.*	На берегу рѣки Джемагата. На трупѣ змѣи.	9 іюля 5 ч. веч. 1898 г.	Солнечно.
6	*Necrophorus germanus.* (3 экз.)	На берегу рѣки Джемагата. На трупѣ змѣи.	9 іюля 5 ч. веч. 1898 г.	Солнечно.
7	*Шефферовъ сизифъ.* (2 экз.)	Въ 19 в. отъ ст. Невинномысской. Ползъ по дорогѣ.	23 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
8	*Melolontha fullo.*	Сентинскій женск. монастырь. Пойманъ близъ палатки.	29 іюня 7 ч. веч. 1898 г.	Вѣтерокъ маленькій.
9	*Rhisotrogus solstitialis.* (2 экз.)	Сентинскій женск. монастырь. Пойманъ близъ палатки.	29 іюня 7 ч. веч. 1898 г.	Маленькій и теплый вѣтерокъ.
10	*Geotropes stercorarius.*	Въ 19 в. отъ ст. Невинномысской. Ползъ по дорогѣ.	23 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
11	*Cetonia aurata.* (2 экз.)	Въ 19 в. отъ ст. Невинномысской. На цвѣтахъ Carduus.	23 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
12	*Cetonia aurata.*	Близъ Баталпашинска. На цвѣтахъ Carduus.	24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
13	*Blaps Mortisaga.*	Урочище Учькулька. Подъ камнями.	27 іюня 9 ч. утра 1898 г.	Пасмурно.
14	*Lina populi.* (2 экз.)	Сентинскій женск. монастырь.	2 іюля 5 ч. веч. 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.

№№	Названіе.	Мѣсто нахожденія.	Время нахожденія.	Погода.
15	*Syromastes marginatus* (2 экз.)	Кузовлева дача. На травѣ.	7 іюня 1898 г.	Пасмурно.
16	*Poecilonota rutilans.*	Кондратьева дача. На лету.	4 іюля 3 ч. веч. 1898 г.	Солнечно.
17	*Athous hirtus.* (2 экз.)	Въ 20 в. отъ Клухорскаго перевала. На цвѣтахъ.	5 іюля 1898 г.	Солнечно.
18	*Lampyrus splendidulla* (2 экз.)	Сентинскій женск. монастырь.	30 іюня 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
19	*Telephorus fuscus.* (2 экз.)	Близъ Баталпашинска. На цвѣтахъ Carduus.	24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
20	*Telephorus obscurus.*	Георгіевскій Осетинскій поеселокъ. Близъ р. Хумары.	28 іюня 4 ч. веч. 1898 г.	Пасмурно и вѣтеръ.
21	*Telephorus obscurus.*	Близъ Баталпашинска.	24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
22	*Clytus arquatus.* (2 экз.)	Близъ Баталпашинска.	24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
23	*Toxotus meridianus.*	Кузовлева дача.	8 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
24	*Toxotus meridianus.*	На берегу р. Джемагата.	10 іюля 5 ч. веч. 1898 г.	Солнечно.
25	*Aelia acuminata.* (2 экз.)	Кузовлева дача.	7 іюля 1898 г.	Пасмурно.
26	*Eurygaster maurus.*	Кузовлева дача.	7 іюля 1898 г.	Пасмурно.
27	*Pentatoma rufipes.*			
28	(2 экз).			
29	*Acenthosoma dentatum.*	Сентинскій женск. монастырь.	30 іюня 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
30	*Verlusia rhombica.*	Сентинскій женск. монастырь.	30 іюня 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
31	*Berutus tipularius.* (2 экз)	Сентинскій женск. монастырь.	30 іюня 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
32	*Trichius fasciatus.* (3 экз.)	Сентинскій женск. монастырь.	2 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
33	*Lixus paraplecticus.* (2 экз.)	Георгіевск. Осетинск. пос. Близъ р. Хумары.	28 іюня 4 ч. веч. 1898 г.	Пасмурно и вѣтеръ.
34	*Helodes phellandrii.* (2 экз.)	Близъ Баталпашинска. На цвѣтахъ Carduus.	24 іюня 12 ч. дня 1838 г.	Солнечно.
35	*Anthonomus pyri.* (2 экз.)			
36	*Cerambyx cerdo.* (2 эк.)	На берегу р. Кубани. Близъ ст. Невинномысской.	22 іюня 5 ч. веч. 1898 г.	Солнечно.
37	*Dorcadion fuliginator.* (2 экз.)			
38	*Lethrus cephalotes.*	Сентинскій женскій монастырь.	30 іюня 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
39	*Anisoplia fructicula.* (2 экз.)			
40	*Phyllopertha horticola.* (3 экз.)	Близъ Баталпашинска.	24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
41	*Silpha obscura.* (2 экз.)	Мѣстечко Учькулька.	27 іюня 5 ч. веч. 1898 г.	Пасмурно.
42	*Zabrus giblus.* (2 экз.)	Въ 19 в. отъ ст. Невинномысской.	23 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Облачно.

БАБОЧКИ.

№№	Названіе.	Мѣсто нахожденія	Время нахожденія.	Погода.
1	*Melitea Cinxia.*	Близъ Баталпашинска. На цвѣтахъ Carduus.	21 іюня 12 ч. дня	Солнечно.
2	*Lycaena Semiargus.* (2 экз.)	За Сентинскимъ монастыремъ.	3 іюля 11 ч. дня	Солнечно.
3	*Lycaena Coelestina.* (2 экз.)	За Сентинскимъ монастыремъ.	3 іюля 11 ч. дня	Солнечно.
4	*Hesperia Lineola.*	Близъ Сентинскаго монастыря.	29 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
5	*Syrichthus Carthami.* (2 экз.)	Кузовлева дача.	7 іюля.	Пасмурно.
6	*Cyclopides Morpheus.*	Сентинскій монастырь.	1 іюля 10 ч. утра.	Солнечно и вѣтеръ.
7	*Lycaena Arion.*			
8	*Erebia Ligea.*			
9	*Polyommatus Dispar.*			
10	*Melitea Didyma.* (2 экз.)			
11	*Lycaena Hylas*	На берегу рѣки Джемагата.	9 іюля 5 ч. веч.	Солнечно.
12	*Lycaena Icarus.* (2 экз.)			
13	*Argynnis Dia.*			
14	*Pieris Daplidice.*	Въ 19 в. отъ ст. Невинномысской.	23 іюня 11 ч. дня	Солнечно.
15	*Hesperia Comma* (2 экз.)			
16	*Colias Hyale.* (2 экз.)			
17	*Colias Edusa.*			
18	*Colias Hyale.*			
19	*Colias Chrysathemae.*	Кузовлева дача.	8 іюля 2 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
20	*Papilio Machaon.*			
21	*Polyommatus Thersamon.*			
22	*Erebia Ligea*			
23	*Spilothyrus Alceae.*			
24	*Melitea Neera.*	Близъ Сентинскаго монастыря.	29 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
25	*Melitea Didyma.*			
26	*Melitea Cinxia.*			
27	*Melitea Phoebe.*			
28	*Lycaena Coelestina.*			
29	*Satyrus Dryas.*	Въ 19 в. отъ ст. Невинномысской.	23 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
30	*Rhodocera Rhamni.* (2 экз.)			
31	*Argynnis Pandora.*			
32	*Argynnis Daphne.*			
33	*Melitea Neera.* (2 экз.)			
34	*Melitea Phoebe.*	Картъ-джюртъ.	15 іюня 4 ч. веч. 1898 г.	Солнечно.
35	*Melitea Arduinna.* (2 экз.)			
36	*Melitea Aphirape.*			

№№	Названіе.	Мѣсто нахожденія.	Время нахожденія.	Погода.
37 38 39 40 41	*Colias Palaeno.* *Colias Erate.* *Colias Myrmidone.* *Fidonia Clathrata.* *Colias Edusa.*	Близъ Баталпашинска.	24 іюня 11 ч. дня	Солнечно.
42 43	*Colias Myrmidone.* *Colias Phicomone.*	Баталпашинскъ.	24 іюня 12 ч. дня	Солнечно.
44 45 46	*Hesperia Sylvanus.* *Satyrus Dryas.* (2 экз.) *Acontia Lucida.*	Кузовлева дача.	8 іюля 2 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
47 48 49 50	*Leucoma Salicis.* (2 экз.) *Lithosia Lurideola.* *Emydia Striata.* *Geometra Vernaria.*	Картъ-джюртъ.	15 іюля 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно
51 52 53	*Plusia Gamma.* *Tapinostola Musculosa.* *Bombyx Neustria.* (2 экз.)	Учькулька (урочище).	27 іюня 9 ч. утра	Солнечно.
54 55 56 57	*Cleogene Niveata.* *Ortholitha Limitata.* (2 экз.) *Mamestra Oleracea.* *Acronycta Auricoma.*	Георгіевскій Осетинскій поселокъ.	27 іюня 10 ч. утра	Солнечно
58 59	*Agrotis Saucia.* *Curcullia Verbasci.*	Георгіевскій Осетинскій поселокъ.	27 іюня 4 ч. веч.	Пасмурно
60 61 62 63	*Agrotis Upsilon.* *Agrotis Lycarum.* *Agrotis Obelisca.* *Saturnia Carpini.*	Сентинскій монастырь.	30 іюня 10 ч. дня 1898 г.	Солнечно
64 65 66 67	*Cerura Erminea.* *Catocola Sponsa.* *Plusia Triplasia.* *Brephos Puella.*	Близъ Сентинскаго монастыря.	29 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно
68 69	*Lasiocampa Quercifolia.* (4 экз.) *Papilio Podalirius.*	За Сентинскимъ монастыремъ.	3 іюля 11 ч. дня	Солнечно.
70 71 72	*Papilio Podalirius.* *Vanessa Cardui.* *Smerinthus Populi.*	Кондратьева дача.	4 іюля 9 ч. утра	Солнечно.
73 74 75 76	*Ocneria Dispar.* *Acronycta Cuspis.* *Lycaena Bellargus.* (2 экз.) *Zygaena Confuens.* (2 экз.)	За дачей Кондратьева.	4 іюля 4 ч. веч.	Солнечно.

№№	Названіе	Мѣсто нахожденія.	Время нахожденія.	Погода.
77 78	*Zugaena Lonicerae.* *Lycaena Astrarche.*	На берегу Джемагата.	9 іюля 9 ч. утра	Солнечно.
79	*Satyrnia Pavonia.*	Екатеринодаръ.	5 мая 9 ч. утра	Солнечно.
80 81 82	*Aporia Crataegi* (2 эк.) *Pieris Brassicae.*(2 эк.) *Boarmia Secundaria.*	Мѣстечко Учькулька.	27 іюня 5 ч. веч.	Пасмурно.
83	*Agrotis Lucaruna.* (2 экз.)	Сентинскій монастырь.	29 іюня 7 ч. веч.	Слабый и тепл. вѣтеръ
84 85	*Pieris Rapae.* (2 экз.) *Melitea Didyma.* (3 экз.)	Кузовлева дача.	8 іюля 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
86 87 88 89 90	*Argynnis Latonia.* *Epinepsele Ianira.* *Erebia Aethiops.* *Melitea Aurelia.* *Lycaena Argyrotoxus.* (2 экз.)	Близъ Баталпашинска.	24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
91 92 93 94 95	*Ino Pruni.* *Ino Tenuicornis.* *Syntomis Phegea.* *Zygaena Pilosellae.* *Zygaena Achilleae.*	Георгіевскій Осетинскій поселокъ.	28 іюня 4 ч. веч.	Пасмурно.
96 97 98	*Zygaena Trifolii.* (2 экз.) *Zygaena Ionicerae.* (2 экз.) *Zygaena Ephialtes.* (3 экз.)	Близъ Сентинскаго монастыря.	29 іюня 11 ч. дня	Солнечно.
99	*Zygaena Dorycnii.* (2 экз.)	Урочище Учькулька.	27 іюня 9 ч. утра	Солнечно.

5. Растенія, собранныя Роландомъ Шиллингомъ,

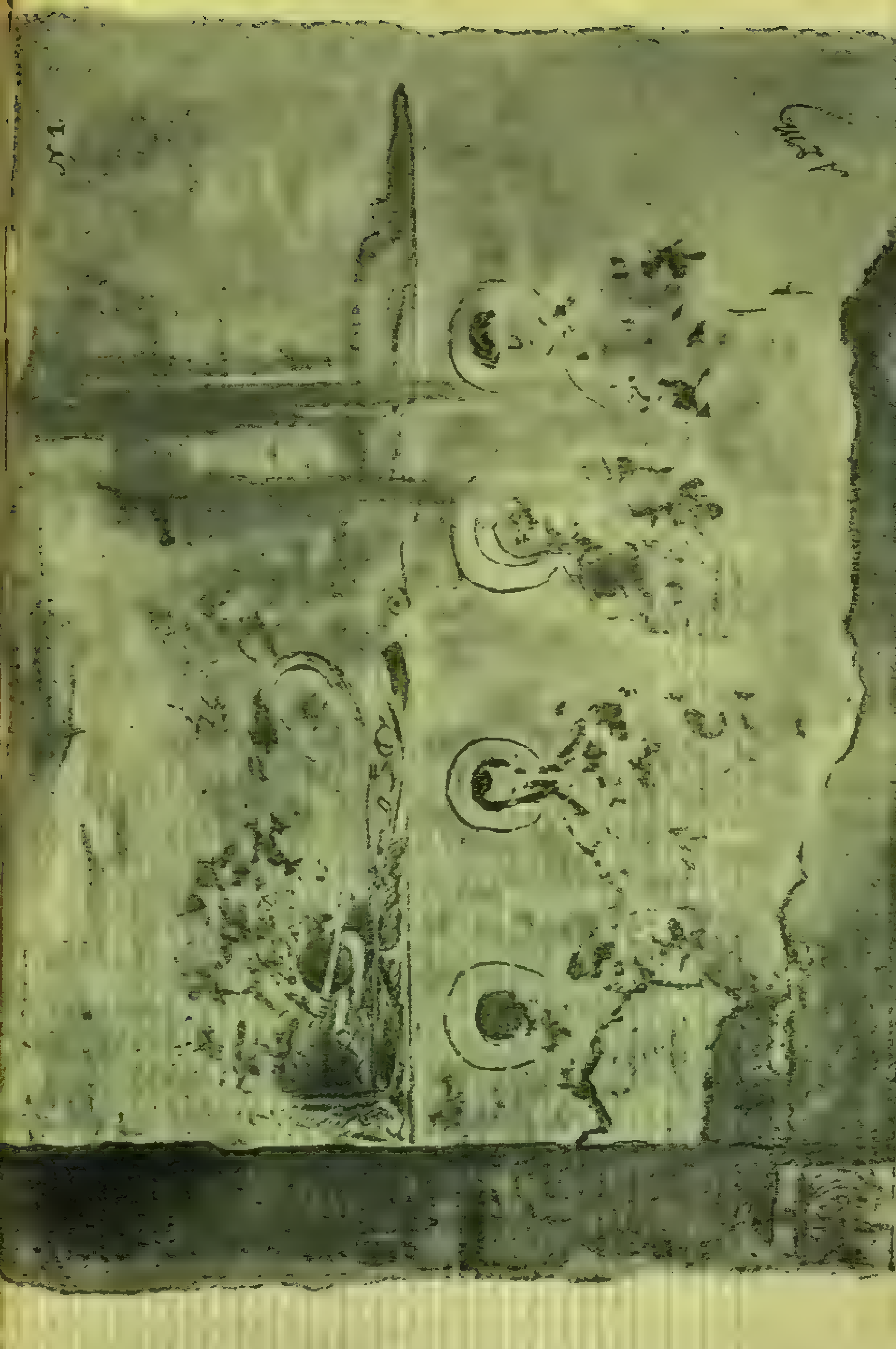
воспитанникомъ 5-го класса Екатеринодарской гимназіи, во время ученической экскурсіи въ Карачай, лѣтомъ 1898 года.

№ 1. Gallium verum. (Найдено близъ Баталпашинска).
№ 2. Statice tatarica. (Близъ Баталпашинска).
№ 3. Anthemis tinctoria. (Близъ Баталпашинска).
№ 4. Изъ семейства Umbelliferae. (Найдено близъ аула Сенты).
№ 5. Linaria genistaefolia. (Найдено на Даутскомъ перевалѣ).
№ 6. Orobanchea. (Близъ Хумары).
№ 7. Salvia partensis. (Въ Хумарѣ).
№ 8. Alchemilla vulgaris. (Близъ Клухорскаго перевала).

№ 9. Hypericum perforatum. (Близъ Баталпашинска).
№ 10. Изъ сем. Orchideae. (Близъ Клухорскаго перевала).
№ 11. Trifolium arvense. (Близъ Баталпашинска).
№ 12. Inula Britannica. (Близъ Баталпашинска).
№ 13. Polygonium Hydropiper (Близъ Картъ-Джюрта).
№ 14. Dianthus. (Въ Хумарѣ).
№ 15 Melilotus. (На Даутскомъ перевалѣ).
№ 16. Malva thurigiaca. (Близъ Баталпашинска).
№ 17. Althea ficifolia. (Близъ Баталпашинска).
№ 18. Rosa rubiginosa. (На Учькуланскомъ перевалѣ).
№ 19 Изъ сем. Compositae. (На Даутскомъ перевалѣ).
№ 20. Achilea Millefolium. (Близъ Баталпашинска).
№ 21. Agrostemma githago. (Въ Хумарѣ).
№ 22. Sedum acre. (При сліяніи Учькулана и Хурзука въ Кубань).
№ 23. Gypsophylla paniculata. (Близъ Баталпашинска).
№ 24. Malva borealis. (На Эльбрусѣ).
№ 25. Dianthus. (Близъ Теберды).
№ 26. Chondrilla juncea. (Въ Хумарѣ)
№ 27. Изъ сем. Labiatae. (Въ Хумарѣ).
№ 28. Lathyrus. (Въ Хумарѣ).
№ 29. Изъ сем. Cruciferae. (У подошвы Эльбруса).
№ 30. Lamium. (У подошвы Эльбруса).
№ 31. Datura Stramanium. (Близъ Баталпашинска).
№ 32. Stipa Lessingiana. (Близъ Хумары).
№ 33. Изъ сем. Cruciferae. (Близъ Хумары).
№ 34. Anthericum ramosum. (Близъ Хумары).
№ 35. Lactuca muralis. (Близъ Баталпашинска).
№ 36. Cichorium Inthybus. (Близъ Баталпашинска).
№ 37. Digitalis. (Близъ Клухорскаго перевала).
№ 38. Onobrychis sativa. (Близъ аула Сенты).
№ 39. Medicago. (Близъ Красногорска).
№ 40. Изъ сем. Orchideae. (Близъ Теберды).
№ 41. Polygonium. (Близъ Сенты).
№ 42. Изъ сем. Cruciperae. (Въ Хумарѣ).

апрѣля 1899 года

Екатеринодаръ.

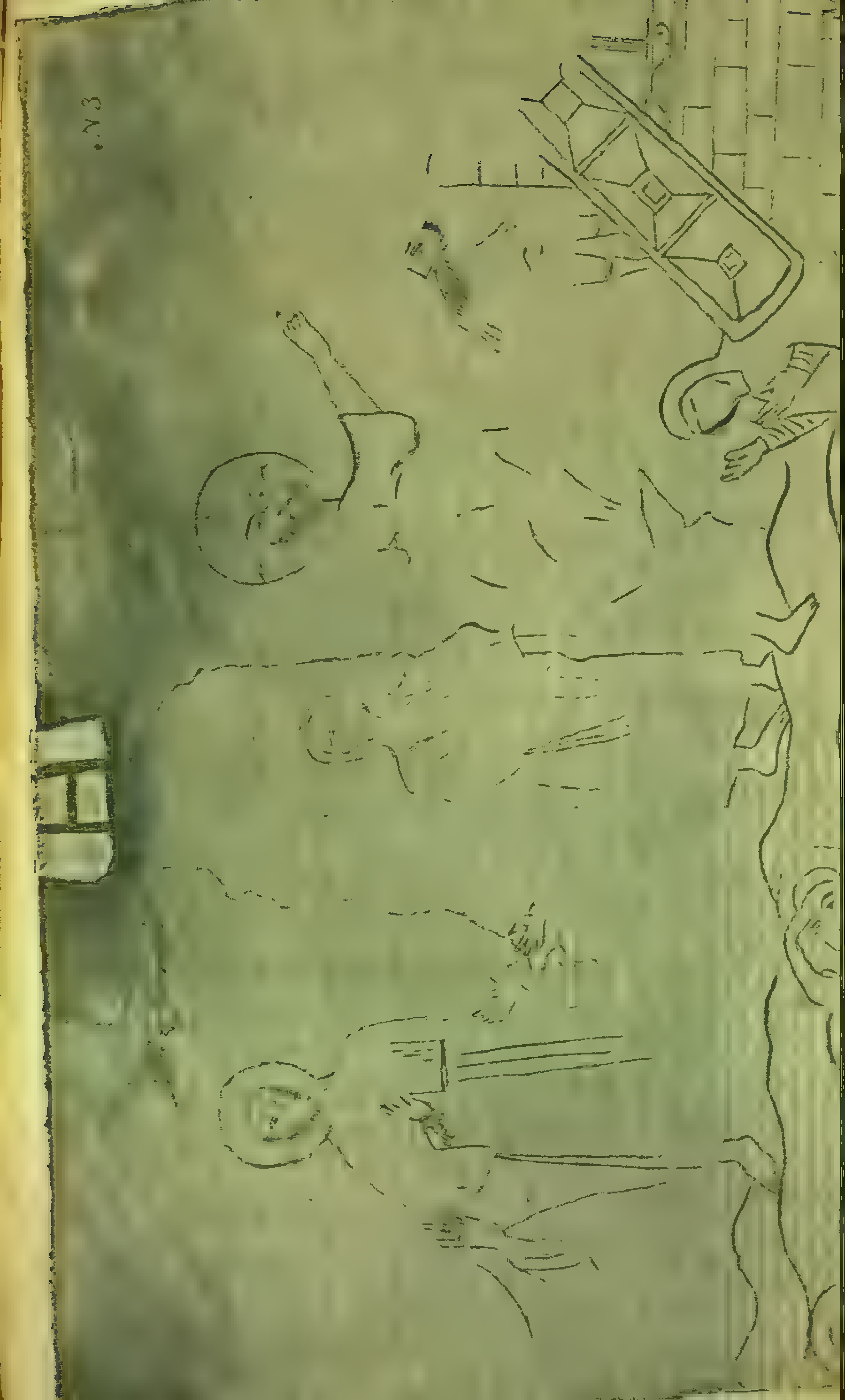

Типографія А. П. Козловскаго, Головинск. пр. № 12.

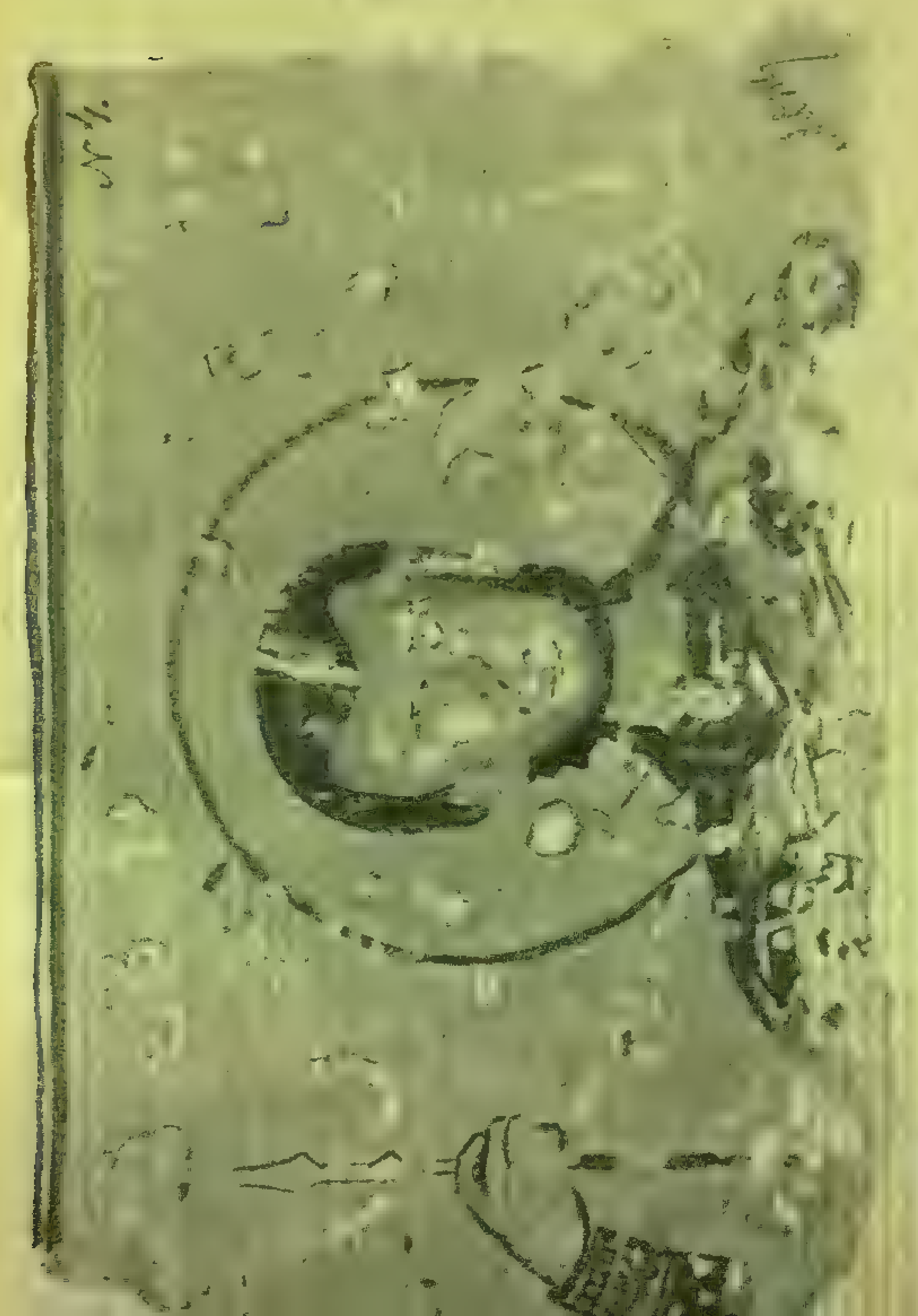

№ 17.—Орнаментъ, служащій гранью между верхнимъ и нижнимъ ярусами

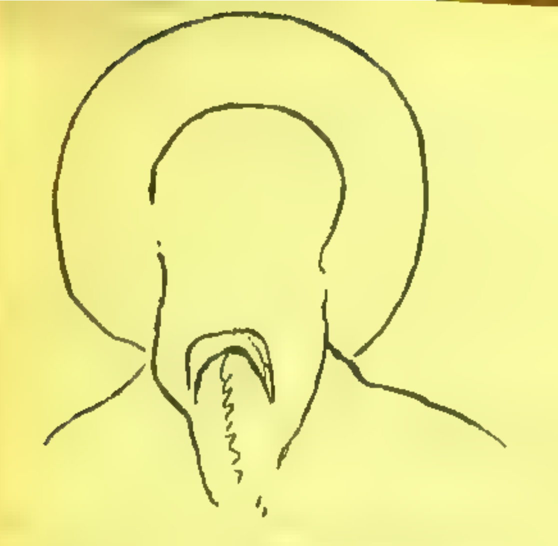
№ 4.—Изображеніе у южныхъ дверей (нижній ярусъ).

№№ 5—6. Алтарь.—Правая сторона (нижний ярусъ)

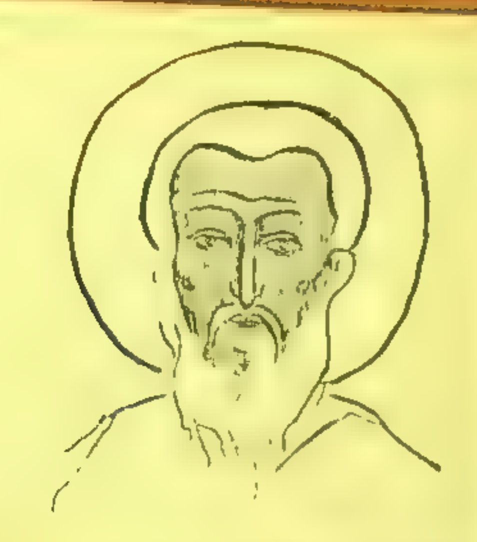

Элементъ орнамента

№ 8.— Алтарь. Запрестольный образъ.

№ 10.—Алтарь. Сѣверная стѣна.

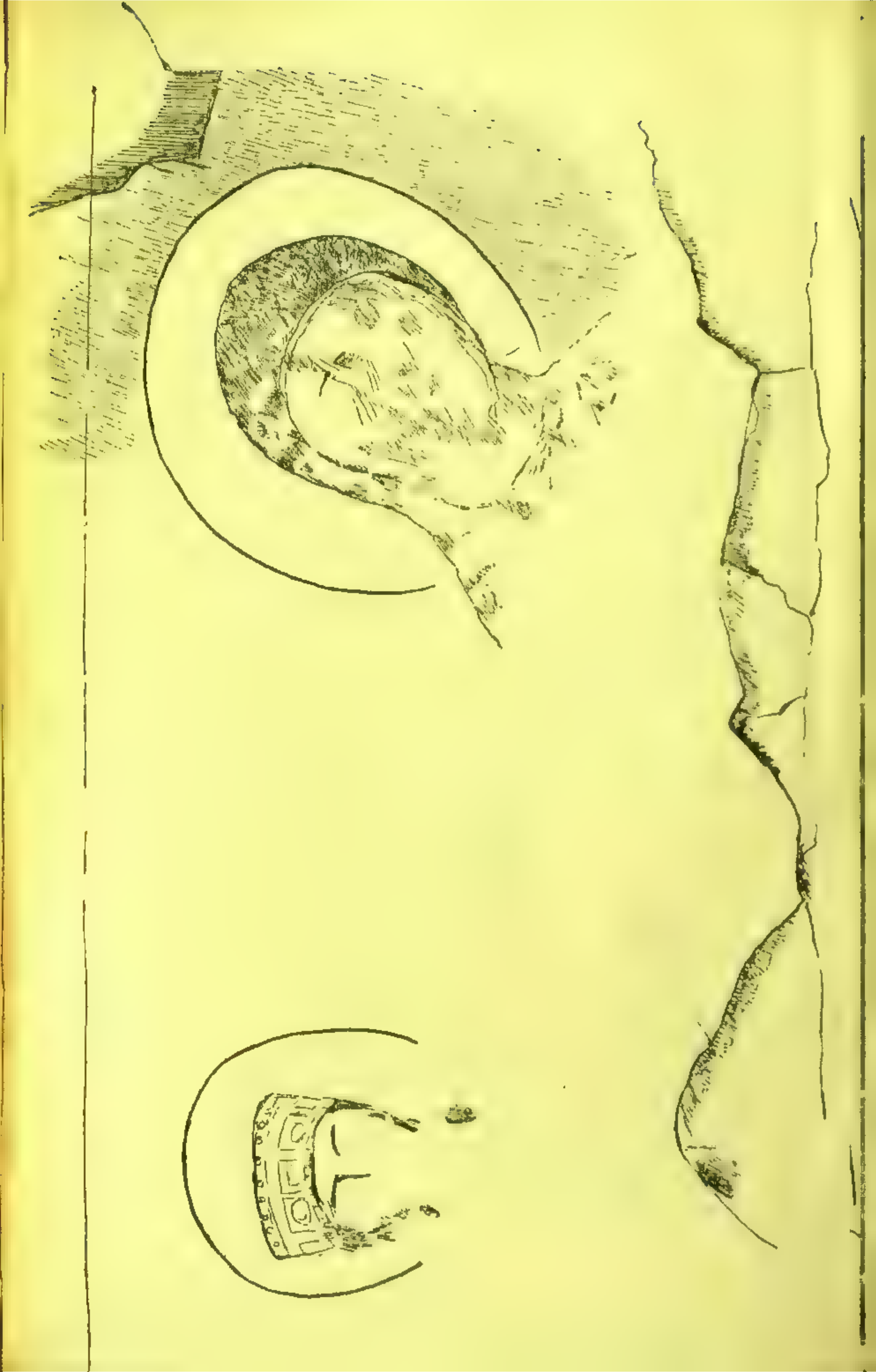
№ 11. Алтарь. Сѣверная стѣна.

№ 9 —Алтарь. Сѣверная стѣна.

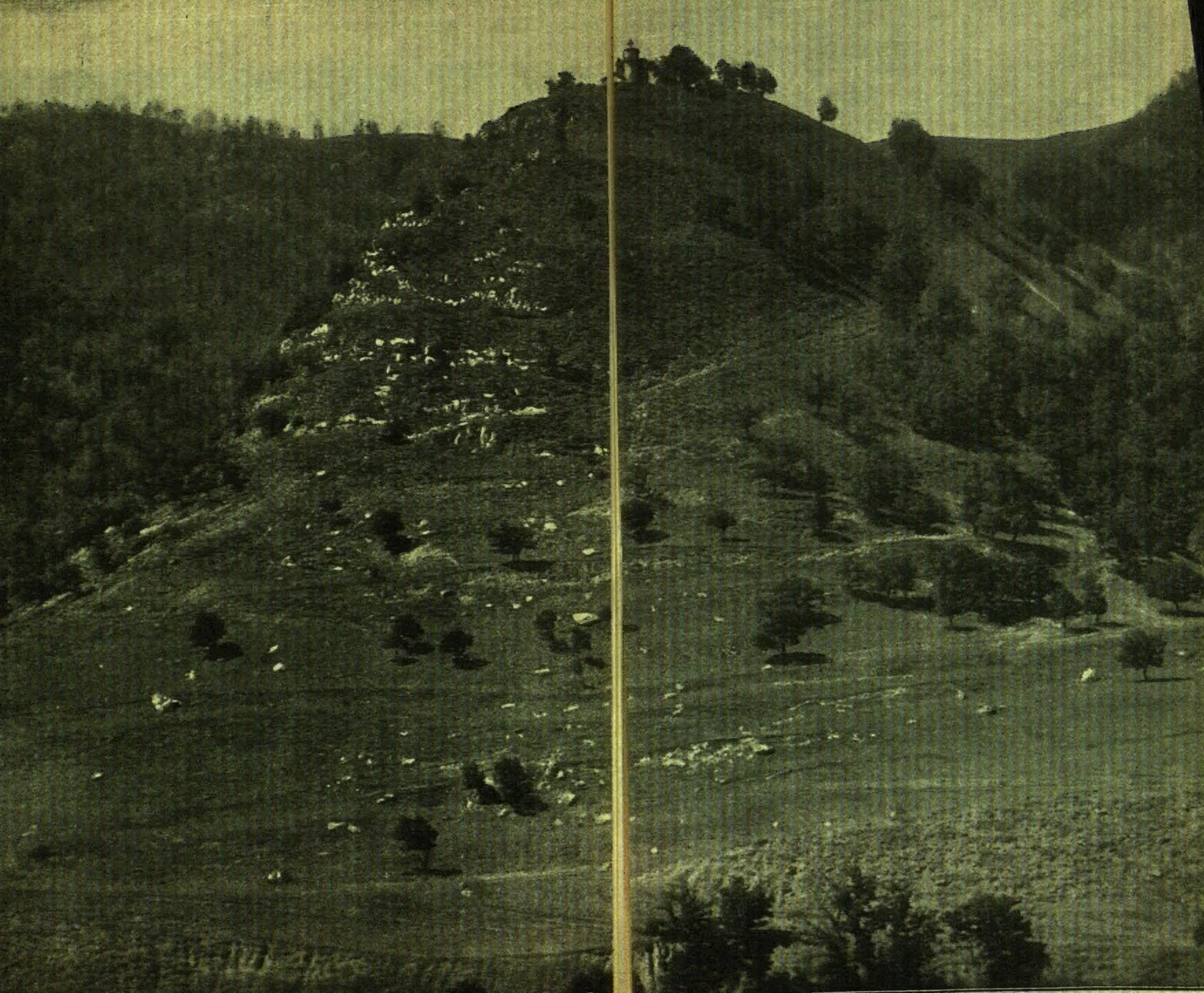
№№ 13—14—Алтарь. Лѣвая западная сторона.

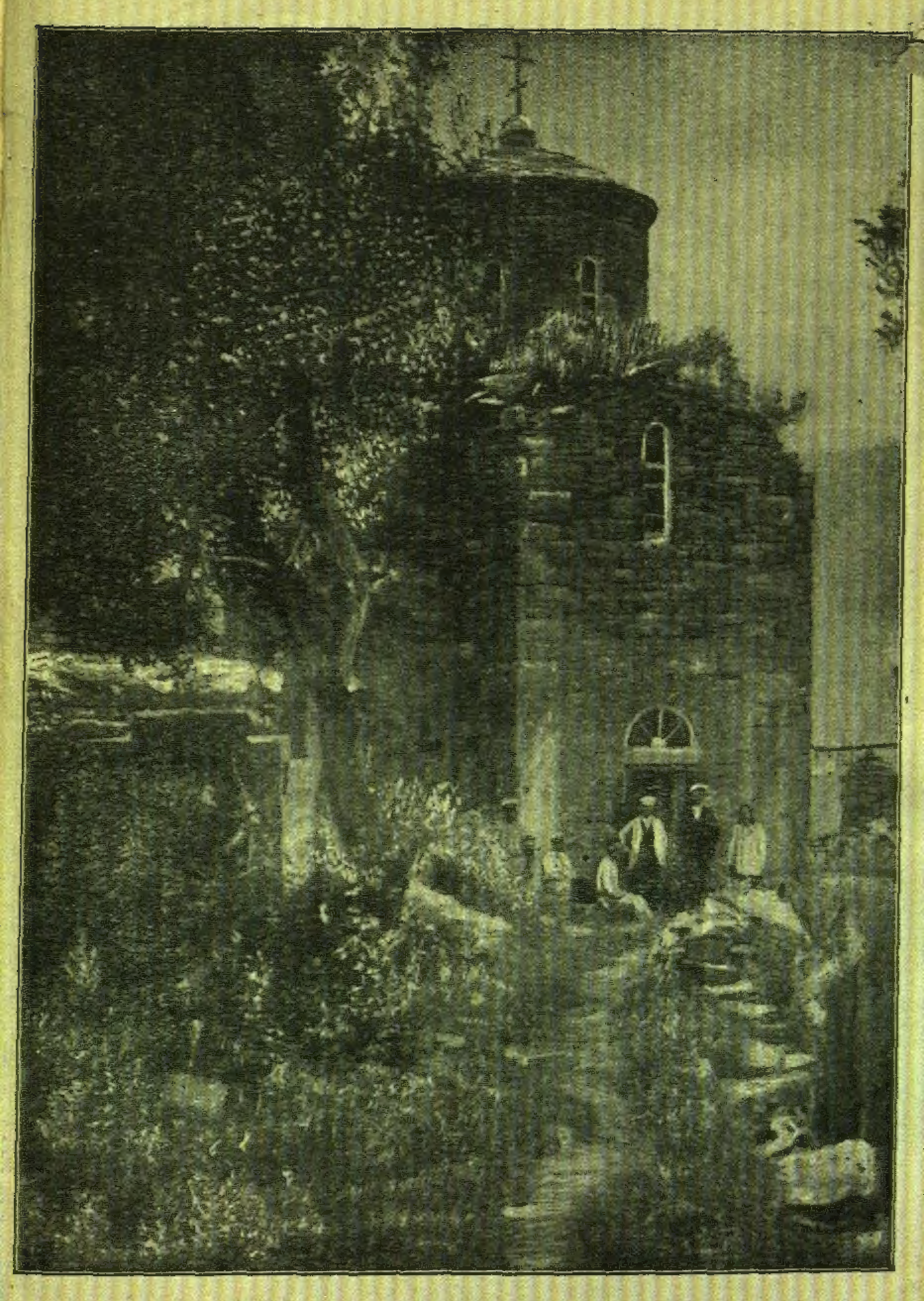

№ 16.—Западная стѣна надъ западною дверью.

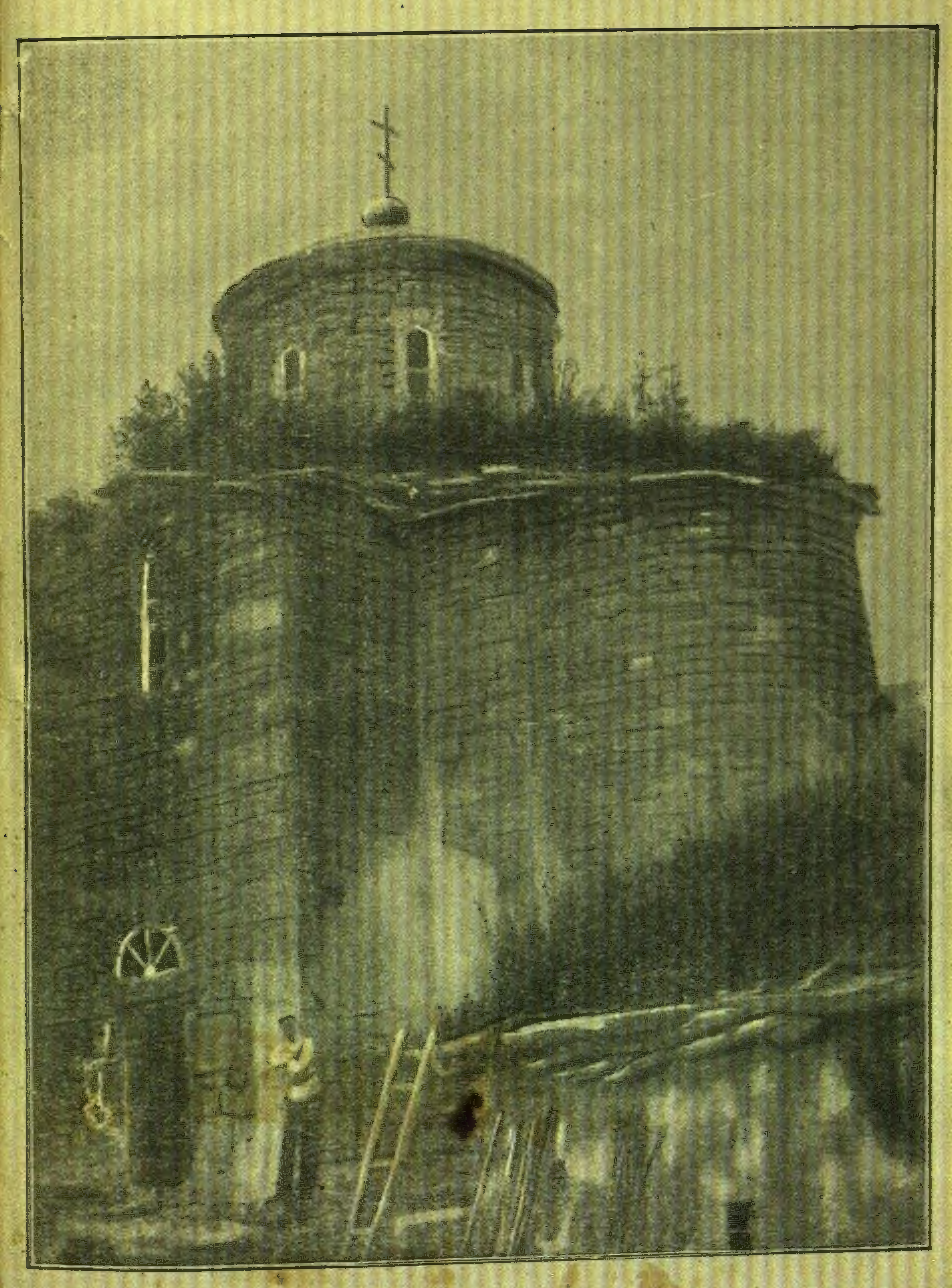
№ 12.— Алтарь. Крайняя сѣверная сторона.

№ 20.—Сентинскій храмъ.
Видъ съ западной стороны.

№ 21.—Сентинскій храмъ.
Видъ съ юговосточной стороны.

